

Васюнкову Даниилу Дмитриевичу, без помощи которого эта книга не могла быть написана, посвящается

Павел Рудич "Не уверен – не умирай! Записки нейрохирурга"

Советчики

Самая неудачная шутка нашего здравоохранения – это операционный день в понедельник. К понедельнику обязательно кто-нибудь вдруг заболит, переболеет, опоздает.

Очень оригинальное оправдание понедельничного опоздания предъявил сегодня наш почтенный аксакал от нейрохирургии, Нифантий Мартемьянович.

– Я, – говорит, – всю ночь из сауны уйти не мог! Кто-то мое барахло надел и ушел... Не будить же мне жену! Утром позвонил, она мне штаны привезла, вот я и пришел...

Лучше бы и не приходил! Красный, помятый, перегар на гектар. Поэтому ассистировать мне сегодня будет Липкин. Он еврей, и пьет мало. Если можно верить Евангелию, то первое свое чудо Христос произвел в Кане Галилейской – превратил 480 литров воды в вино. Позже он накормил пятью хлебами и двумя рыбами пять тысяч человек, и остатков набрали двенадцать корзин, а вот про то, сколько осталось вина на той свадьбе, – история умалчивает. Думаю, что ни капли не осталось – выдули всё. Может быть, перепив тогда, евреи и стали пить аккуратнее?

Вот и операционная. Святое место. Никто не орет. Все делается быстро и с первого предъявления. Начальство сюда не пустит санитарка Женя. Ритуал омовения рук. Раскланиваемся с бригадой. Что-то есть в этом церковное.

Наконец, все церемонии позади. Четыре человека сгруппировались вокруг круглого предмета под стерильными пеленками – головы с опухолью посередине. Анестезиолог еще раз исполняет глиссандо на своих аппаратных тумблерах и кнопках и говорит, выдохнув:

– Можно начинать!

Тут кто-то кашлянул. Оглядываюсь. Позади меня стоит Федор Анатольевич и говорит мне вполголоса:

– Ты погодил бы начинать. Оптику пока проверь, свет отрегулируй. Вон тот пинцет выкинь. Скажи, что бранши не сходятся... А то помнишь, как у меня было: сказали «Можно!», а только скальпель занес – у больного сердце встало! Давление по нолям! Сколько потом разборок было, жалоб и комиссий! Но так ведь и не поняли, отчего умер. А если бы успел разрез сделать?! До тюрьмы могло дойти...

Тяну время. Всё хорошо: гудит и пощелкивает аппарат ИВЛ, цифры на экране монитора – приличные, анестезиолог любезничает с анестезисткой Светочкой.

Мы продолжаем. Пропилили кости черепа, откинули костный лоскут. Подобрались к опухоли. Красный узел, размером с греческий мандарин, исходит из твердой мозговой оболочки, от места слияния венозных синусов. Отвратительно! Начинаем, отделяя по малому кусочку, удалять опухоль.

Тут подходит Сергей Геннадьевич и говорит:

– Потихоньку, не спеши. Опухоль небось лет пять росла, а ты ее хочешь удалить за пять часов! За пять лет мозг к ней привык, а вот возникшую вдруг пустоту может не перенести: начнется редислокация, нарушение кровотока, отек мозга. Два года назад у меня такое было. Помнишь?

Еще бы! Снижаем свой бодрый темп.

Сложно мне было когда-то начинать в нейрохирургии. Пришел я в нее из общей хирургии и травмы. Там можно было тянуть, вправлять, давить, то есть применять силу и спешить. А в нейрохирургии – всё как во сне: плавно, медленно, с остановками. Бесило это меня вначале – без меры!

Подобрались, наконец, к матриксу – месту исходного роста опухоли. Мать моя женщина! Идем к негатоскопу^[1]. На нем развешены томограммы больного и ангиограммы сосудов мозга. Однажды перегорели лампочки в негатоскопе. А окон у нас в операционной – нет. Как смотреть снимки «на свет»? Замучились. Из-за такой ерунды – лампочки (!) – чуть все прахом не пошло.

Смотрю снимки. Нет, всё так и есть: синусы опухолью не пророслены, кровоток в них – хороший. Для меня это плохо.

Тут появляется Митя и говорит:

– Д-а-а-а, не позавидуешь вам! Были бы синусы обтурированы опухолью – можно бы было их не беречь! Отработали свое! А тут надо очень осторожно. А то, помните, как у меня случилось? Отделяли опухоль от синуса и надорвали его стенку. Вот где кровотечение-то было! Кровь ведрами лили. Со стола сняли, но потом – отек, кома три дня и летальный исход! Может быть, не упорствовать в радикальности и кусочек опухоли на стенке синуса оставить, от греха подальше?

Обошлось с синусами. Опухоль удалась хорошо. Анестезиологи поднимают давление. Мозг расправляется, но в трепанационное окно – не лезет. Зашиваем «бестолковку».

Тут в операционную заглядывает Серафима Федоровна.

– Ты же не забудь! Как проснется – сразу больного – на контрольную КТ^[2], мозги светить! А то помнишь, как у меня случилось? Вот так же опухоль убрали, а в ложе удаленной опухоли набежала

кровища – образовалась гематома. Дежурант «проспал», реаниматологи не обратили внимания. Гематома раздавила мозг, и всё – Васей звали! Труп и посмертный эпикриз. А вот если бы КТ после операции сразу сделали, то вовремя убрали бы гематому, поставили дренажи... Все закончилось бы удачно.

* * *

Больной проснулся хорошо. На контрольной КТ гематомы, отека – нет.

Возвращаюсь в ординаторскую. Вся четверка советчиков уже там. Чинно, в рядок, сидят на диване.

Раскланиваюсь и говорю им:

– Спасибо, что не забываете, господа хорошие! Не знаю, что бы я без вас делал. Спасибо.

– Не забываем! – хохотнул Федор Анатольевич. – Это ты нам покоя не даешь и все забыть не можешь! Мы сами бы ни за какие коврижки в операционную больше бы не приходили. Правда, Серафима?

– Да ладно! – улыбается Серафима. – Времени-то у нас теперь навалом...

В 1999 году удалил я Серафиме опухоль головного мозга, но она умерла от набежавшей в ложе удаленной опухоли, гематомы.

Федор Анатольевич умер на операционном столе в 2004-м, неизвестно отчего. Ввел его в наркоз; анестезиолог дал добро на начало операции, но не успел я коснуться кожи головы скальпелем, как наступила остановка сердца. Реанимировали чуть не до трупных пятен – не завели: умер.

Сергей Геннадьевич. Никак я не мог подобраться к опухоли в его голове. Так и этак – никак! Удалилась опухоль как-то нечаянно – вдруг выкатилась одним блоком и целиком! От такой экстренности мозг резко отек и стал переть из черепа, как тесто из опары. Не удалось мне справиться с этим отеком, и Сергей Геннадьевич умер 9 мая 2001 года. Мы его по экстренным показаниям оперировали. Этот праздник был точно «со слезами на глазах».

Митя молод был. Не успел нажиться своей молодой жизнью. Два года назад, удаляя у него доброкачественную опухоль мозга, я повредил – стенку сагиттального синуса. Дальше все было так, как и рассказывал Митя: массивное кровотечение, отек мозга, кома, три дня на ИВЛ и смерть.

Тут в ординаторскую впархивает медсестричка Цаца. Начинает лепетать:

– Я ему говорю... А он ругается... Судно перевернул... Жена корвалолу просит... Вы им скажите...

Митя показывает мне большой палец. Хороша, мол, девчонка! Потом на цыпочках, как будто Цаца может его услышать, направляется к дверям. Не доходит и, сделав мне рукой «пока-пока», с тихим звоном растворяется в прокуренном воздухе ординаторской.

Наверное, когда-нибудь, возможно – в моем посмертном эпикризе-некрологе (если я на него наработаю), всех этих умерших больных назовут «большим клиническим опытом». Я черной завистью завидую молодым врачам безо всякого опыта!

Anamnesis vitae^[3]

Приходит бабуля на консультацию. Кручу ее так и эдак. Нет, без МРТ диагноз не поставить! Стоит самое банальное обследование мозга на этом томографе – 2500 рублей.

– Э, милок! – говорит бабуля. – Да за такие деньги...

И едет в свое Теткино умирать на огороде.

Томограф этот приобретен за государственные деньги. Приобретен по жульнической схеме, с откатами, конечно, но нам, врачам, – какая разница? Главное, что больных можно полноценно обследовать. Ан – нет! Тут же организовали вокруг томографа частную контору, и все обследования на нем делают только за деньги. Больные считают, что мы, врачи, в доле с этими лиходеями.

Бедная Лиза

В нашем городе прошли гастролы «Автородео». Неделю на автодроме ревели моторы. Немецкие автофокусники ставили машины «на дыбы», ездили на двух колесах, виртуозно объезжали препятствия, немисливо тормозили.

На дорогах нашей родины за меньшие шалости лишают прав и свободы. Если они у вас есть.

Количество ДТП в городе резко возросло. В самом деле, если Ганс Майер это умеет, то почему не сумеет Коля Сидоров? И вот Коля ставит свою жену Лизу к воротам гаража и говорит: «Сейчас я разгонюсь и остановлю машину у твоих ног». Польщенная Лиза, подбоченясь, встала у ворот...

Через двадцать минут бедную Лизу, раздавленную и переломанную, с воем и мигалками доставили в реанимацию нашей больницы.

Тяжелую политравму лечить приятно: сделать больному хуже уже невозможно. Для Лизы это, наверное, впервой, но для нашей больницы – обычная работа. Отлаженный механизм щелкнул, и

заходили вокруг постели Лизы специалисты. На обсуждения и согласование время не тратится. Каждый знает «свой маневр».

И вот уже торакальные хирурги вставили дренажные трубки в полости грудной клетки и освободили легкие от сдавливающей их крови. Легкие расправились и задышали. Хирурги остановили внутрибрюшное кровотечение, удалив разможенную селезенку и ушив рану печени. Ангиохирурги сшили разорванную плечевую артерию. Травматологи обезболили места переломов и зафиксировали их гипсовыми лангетами.

Через пять часов после поступления Лизы в больницу настал славный момент: все необходимое сделано, угроза скорой смерти отодвинулась, возможные ошибки еще не проявились, ожидаемые осложнения не наступили.

Тут все вспомнили об истории болезни. Бланк ее, без единой записи, все это время провалялся в ординаторской реанимации.

Тут же вспыхнул ожесточенный спор: «За каким отделением будет числиться больная?» Хирург, травматолог, нейрохирург, ангиохирург считали, что свою часть работы они уже сделали и больная должна долечиваться в каком угодно отделении, но не у них.

За реанимацией больной числиться не может. Лечащими врачами считаются врачи профильного отделения. А при политравме, когда и кости переломаны, и живот – всмятку, и мозги пострадали, – какое отделение считать профильным? Никто не хочет портить возможной смертью и осложнениями статистику своего отделения.

Главный врач, В. К., в своем дальнем кабинете, почувствовал нервные колебания в сетях больничной паутины и неожиданно появился в ординаторской реанимации, где хрипло спорили заведующие заинтересованных отделений.

Вальяжно растянувшись в кресле, главный врач закурил и сказал:

– Знаю, что все подумали: «Пришел начальник, и стало на одного дурака больше». А что делать, если вы у меня такие свободные, но несамостоятельные? Вечно делаете из мухи слона, а из бивней пуговицы. Почему больная не за травматологами?

– Как! – взметнулся травматолог. – У нее четыре дренажа из живота, два из плевральных полостей. Раны нехорошие, наверняка «поплывут». У нас «чистое отделение», а тут будет гной! Нам же из-за этого на месяц все операции придется отменять! Оперировать ее переломы мы тоже сейчас не можем – шок. Компенсируется, тогда и прооперируем – планово и поэтапно.

– Травматологи у нас, как водопроводчики! – забурчал главный. – Те тоже, если трубу прорвет, отключают на хрен воду во всем доме, а потом два месяца ищут подходящую трубу да ждут, когда сварщик из запоя выйдет! Кстати, что за история со взяткой в вашем отделении?

– Какая взятка?! – всполошился завтравмой. – Это нашей Марине выписанный больной преподнес букет роз. Она стала разворачивать упаковку, чтобы поставить цветы на стол. А из-под целлофана посыпались деньги! Марина в слезы: молодым и красивым мужчины деньги просто так – не дают!

– Правильно! Будет ей урок, – прокомментировал В. К.

– Хорош «урок»! Что ж это теперь, ты ей цветы, а она тебя букетом по мордасам?! И это, вы говорите, «правильно»? Ну а Лизу эту пусть хирурги долечивают. После своих «рукоделий».

– Я знаю, что хирурги скажут, – помрачнел главный. – «Мы кровотечение остановили, брюшную полость санировали. А следить за швами и переливать кровь могут в любом отделении хирургического профиля». Так?

– Так точно! – вскочил зав хирургическим отделением.

– Сидите уж. Расскажите, лучше, что за операция была у вас ночью.

Заведующий общей хирургией опять встал:

– Дело такое: по пьяни гегемоны забили своему упившемуся другу бутылку в задний проход. С катастрофой в брюшной полости этого бедолагу привезли к нам: бутылка разорвала кишку и ввалилась в брюшную полость. В операционной мы бутылку удалили. Сложно было восстановить стенку кишки – справились. Стали зашивать живот и почти зашили, как вдруг Света-санитарка говорит: «Из-под чего эта бутылка, интересно? Этикетки – нет...» Мы – в ступор: была ли этикетка на бутылке? Может быть, отклеилась и осталась в животе? Ее и не искали. Не подумали. А подумав, сняли швы с брюшной стенки и еще час лазили по животу. Не нашли.

Наступила тишина. Белые трехведерные колпаки заведующих возвышались над столом, как холодильники.

– А что у больной с почками? – спросил главный.

Я ответил за всех:

– Ее посмотрел интерн из урологии, поставил диагноз «Ушиб почек. Гематурия». Назначил гемостатики и мочегонные.

– Что!!! – Лысина главного покраснела. – Больную смотрят и оперируют доктора наук, заведующие, главные специалисты области, а урологи прислали интерна?! Где был завурологией Гноян? Я вообще его месяцами не вижу: он то в операционной, то в командировке, то марафон бежит, а потом месяц на больничном! Значит, так: оформить все консилиумом и чтобы все расписались! Больную зачислить за урологией. С Гнояном я завтра сам поговорю. Как больная сейчас? Где история болезни?! Что там по анализам?

А история-то у нас пустая!

Спас всех реаниматолог:

– Да плохие анализы, В. К.: гемоглобин, белки – низкие. Ацидоз. Так что все прекрасно.

– Еще один умник, – буркнул главный и ушел.

Все разошлись.

Я дежурил. В приемный покой не звали, в отделении все спокойно, и я остался попить чаю с реаниматологами. Вдруг по комнате прошла волна теплого воздуха, вздулись занавески на окнах, звякнуло стекло.

– Ну и сквозняки у вас, – сказал я.

Реаниматолог поставил чашку:

– Нет. Это, наверное, умер мальчик с ожогами.

Мальчик в самом деле умер. В третий раз за последние два часа. Не допив чай, я ушел к себе в отделение. Все неприятности в медицине можно перекрыть только неприятностями еще большими: погружаешься в новые заботы и страхи. Врач так и живет – от беды до беды. А за ночь случится много бед.

Anamnesis vitae

Женщина решила, что жить страшно, и захотела себя убить. Потом вспомнила о детях. Ей их стало жалко: «Я умру, а они останутся мучиться на этом свете». Убила обоих своих малолетних сыновей топором. Потом, тем же топором, стала рубить себя по голове. Боль, кровяца – потеряла сознание. Когда очнулась – бред отступил. Увидела убитых детей. Сошла с ума окончательно.

Летающий мальчик

Есть теория: все болезни – заразные. И поэтому онкологи чаще других врачей болеют раком, психиатры сплошь сумасшедшие, дерматологи шелушатся и чешутся. Чем будем болеть мы – нейрохирурги?

Мой рабочий день закончен, но я остаюсь в больнице: сегодня я дежурю как экстренный нейрохирург. До утра. А с утра – новый рабочий день: обход, больные в реанимации, операции. Нет покоя. Покой для хирурга – оперировать. Самое спокойное место – операционная. Ни родственников больных, ни министра здравоохранения в компании с президентом не пустит в операционную санитарка Женя. В операционной чистота, яркий свет. Все в стерильном и белом. Душа отдыхает! Если же вам скучно без бардака – добро пожаловать в приемный покой нашей больницы!

За сутки я осматриваю от 20 до 47 (личный рекорд) экстренных больных. Вот и сейчас срочно вызвали к тяжелому больному. Не помню, чтобы хоть раз сказали «не спешите, попейте чаю с бубликом». Нет – всегда «срочно», всегда «бегом». Бегу, и в голову поступают мысли.

Мысль первая: «Тяжелых больных лучше осматривать, не выгружая из машины „скорой помощи“, – могут привезти труп, и потом не докажешь, что больной умер не в больнице».

Мысль вторая: «Всех бессознательных больных санитарки раздевают догола. Если больного нельзя поворачивать – одежду срезают. Вот тут нужен глаз да глаз: то снимут рубаху вместе с оторванной рукой, то ботинок вместе со ступней».

Мысль третья: «Доставили как-то травмированного бича – грязного, вонючего. Поднимать такого в отделение нельзя. Санитарки его раздели и погрузили в ванну – отмокать. Бич заулыбался, закатил глаза и умер. Смерть в приемном покое – ЧП. Очень хотели кого-нибудь наказать, но не нашли – за что. Таких больных лучше обтирать теплыми тряпками».

Мысль четвертая: «Во времена горбачевского „сухого“ закона стало меньше операций по поводу черепно-мозговой травмы, молодые нейрохирурги заскучили и рассказали об этом главному врачу (он у нас из нейрохирургов). „А вы позвоните судебным медикам“, – посоветовал главный. Позвонили и узнали, что морг завален умершими от травм мозга! Судебники сказали – травмы такие, что не успевают довезти до больницы – сразу в морг. А чтобы „скорую“ не извлекать кровью, надевают на

голову труп полиэтиленовый пакет и завязывают на шее. Судебники говорят, что вид у трупов устрашающий: вместо голов – кровавые шары».

Вот и добежал. В приемном покое неожиданно тихо. В смотровой лежит на каталке худой пацан лет двенадцати. Сопровождающих нет, что странно: обычно с детьми всегда куча зареванных бабушек, мамаш, хмурых дедушек и злых пап.

– Что случилось? – спрашиваю врача «скорой помощи».

– Упал с девятого этажа. Но явных травматических изменений нет. Пульс, давление – нормальные. Чудеса, да и только.

– Не упал, а слетел, – тихо сообщил с каталки пацан. – Я телевизор смотрел, а дяденька с экрана говорит: «Сидишь, а фашисты сейчас придут и тебя убьют». Я хотел убежать, а дяденька с экрана: «Они уже на лестнице. Ты лучше в окно вылетай». Я в окно и прыгнул. Лечу вниз, а на тротуаре чей-то дедушка стоит и говорит мне: «Ты сюда не лети, здесь асфальт. Ты лучше на клумбу лети, там земля мягкая». Я и полетел на клумбу.

Переглянулись мы с врачом «скорой помощи»: что теперь делать? Мальчишка, похоже, псих, но показать его психиатрам без ведома родителей – я не могу. Осматриваю его – никаких следов травмы. Показал хирургам, сделал все возможные рентгеновские снимки – нет патологии. Анализы – норма. Класть в больницу – показаний нет. Но девятый этаж... Если госпитализировать от греха подальше, то где гарантия, что он и у нас не вылетит в окно?

Доложил ответственному врачу (это назначаемый на время дежурства врач-администратор. Он отвечает за организационные моменты – «ночной главврач»). Стали искать родственников и к утру нашли очень нетрезвую мамашку. С порога она закатила нам скандал: почему это моя ласточка лежит в холодном кабинете не емши не пимши?! «Ласточка» ее уговаривает не кричать и уговаривает очень разумно, но без успеха. От госпитализации ребенка и от осмотра его психиатрами мамка отказалась наотрез: «Я сама знаю, чем он болеет, а лекарства ваши ему не помогают. И вообще, говорит, эта клумба в ста метрах от наших окон. Как он мог туда упасть»? Написала она отказ от госпитализации, дали мы им машину, отвезли домой.

Параллельно с этой историей поступали другие больные.

1) Выпал из троллейбуса (пьяный).

2) Ударил по голове топором пьяный папа (и сам пьян).

3) С синяком и без сознания – оказалась диабетическая кома.

4) Семья ехала из отпуска на поезде без денег, три дня не ели – девочка упала на перроне в голодный обморок; привезла «скорая», как черепно-мозговую травму. Медицинская помощь: дали горячего, сладкого чая и попутной «скорой» отправили домой.

5) Эпилептик (пьяный!) спал с подругой. У него развился судорожный приступ в самый интересный момент (это часто бывает). Разбил в судорогах голову. Сделали ему КТ головного мозга, голову зашили и отдали неврологам (долго не хотели брать).

И без счета – побитые алкаши. Скажу по секрету: экстренных нейрохирургов в нашей больнице зовут «бич-врачами».

А к утру психиатрическая бригада «скорой помощи» опять привезла давешнего «летающего мальчика»: он вторично пытался выпрыгнуть в то же окно. Мать его несколько протрезвела. С ней приехала бабка мальчика, которая вместе с соседями видела, как прямо через стекло окна на девятом этаже вылетел ее внук. Как он долетел до клумбы, так и осталось непонятным. Чудесного деда, который спас прыгуна, никто не видел.

Anamnesis vitae

Сложно разговаривать с мамами «нейрохирургических» детей. Не на всякий их вопрос есть у меня «хороший» ответ. Да – лучше прооперировать. Нет – это бесплатно. Химиотерапия – да, но лучшие препараты купить те, что помогают. Это дорого. Нет – это еще не всё. Еще нужны препараты, помогающие перенести химиотерапию. Стоят они зачастую дороже самой химиотерапии. Облучение – да, необходимо. Но делать ее лучше в Москве. Почему?

Ну как ей скажешь, что лучевой терапией у нас занимается полнейшая идиотка? Говорю о более совершенной московской аппаратуре, о более совершенных методиках и о более удобном режиме пребывания в московских больницах.

Склифософский из тюрьмы

Хирург от Бога (или «божественный хирург»?) Палыч изначально был терапевтом в медсанчасти при большой угольной шахте. На шахте этой работали в основном заключенные, освободившиеся поселенцы и немногочисленные вольнонаемные: инженеры и администрация шахты.

Ставка хирурга в медсанчасти была, но найти живого человека, желающего работать в холодном, засыпанном угольной пылью городке, не сразу получалось. Ехали в эти гиблые места только те, кого не ждали более нигде: пьющие да отсидевшие. Пьющие тут же запивали и увольнялись. Отсидевшие говорили: «В тюрьме веселее было» – и тоже запивали с последующим увольнением.

Палыча прислали в эту ссылку по распределению.

И вот привозят в больничку директора этой самой шахты с болями в животе. Все врачи медсанчасти, в количестве двух, то есть Палыч и женщина-гинеколог, долго мяти живот начальника. Но сколько ни мяти – выходило одно: аппендицит! А хирурга на пятьсот верст вокруг – нет. Что делать?

Начальник взмолился: «Но вы же – врачи! А все врачи по закону должны уметь удалять аппендицит!»

И хотя такого закона нет, Палыча аргумент этот вдохновил. Он отдал команду: «Готовимся к операции!» Помыли и про кварцевали убогую операционную. С грехом пополам Палыч и гинеколог «вымылись» и облачились в стерильное.

Под местной анестезией Палыч целый час вскрывал объемистый живот начальника.

Больной терпел, сопел и хрипло подбадривал хирурга: «Твою мать, коновал хренов! Ты мне, главное, муди не отстриги, Склифосовский!»

Наконец Палыч вскрыл брюшину. Больной кашлянул, и перламутровые петли кишечника поперли из живота наружу, как мыльные пузыри.

Стали искать, как в лесу, отросток. Искали час, два, четыре. Нет отростка! Палыч «размывался», судорожно листал учебники и атласы. Снова мыл руки, менял халат и возвращался к столу. Больному снова и снова кололи омнопон. Палыч добавлял местно новокаина и погружал руку в теплое чрево угольного начальника...

Отросток отсутствовал! За окнами операционной стемнело. Отшумела и утихла очередная метель из снега пополам с угольной крошкой, а Палыч все искал аппендикс. И тут жена больного (а кто еще!) по своим женским связям нашла в колонии ОЮ 187/47 заключенного-хирурга!

Обессиленный больным и Палыч так и страдали в операционной, когда в больницу ввалились два залепленных снегом охранника с автоматами. Между ними с трудом просматривался изможденный серый человек в полосатой робе. Из голенища его начищенного сапога торчал черенок алюминиевой ложки. На руках звякали наручники. За этой троицей вошел мордатый офицер и сказал:

– Заключенный № 2784 поступает в распоряжение доктора Козлова для проведения операции! – и, обращаясь уже к ЗК, добавил: – Лос, лос, ферфлюхте швайне!

Заключенный безошибочно, как будто всю жизнь здесь работал, двинулся в операционную.

Там он сказал измученному больному:

– Так. Втянули живот! – и покачал брюшную стенку.

Кишечник, как по волшебству, втянулся в брюшную полость. Врач сунул указательный палец в живот больного и сделал им движение, каким ковыряют в носу. И тут же в рану вывихнулся напряженный, заполненный гноем аппендикс. Несколькими движениями хирург удалил отросток.

– Зашивайте! – бросил он Палычу и отошел к окну.

– Ну, спасибо, мужик! – захрипел со стола начальник.

– Я не мужик! – вскинулся хирург. – Я блатной.

В ординаторской жена больного уже накрыла стол: жареное мясо, красная рыба, фрукты. В казахских степях все это было невиданным дефицитом.

– А спирт у вас есть? – и ЗК-хирург первый раз посмотрел на того, к кому обращался.

Явился спирт. Его у непьющего Палыча было много! Хирург стал быстро пить спирт стакан за стаканом. Закусывал одним и тем же кусочком черного хлеба с ломтиком сала.

Через полчаса охранники бережно отнесли безжизненное тело хирурга в автозак на носилках. Следом бежала жена прооперированного начальника и все подкладывала под голову врача домашнюю подушку.

Anamnesis vitae

Доставили в больницу молодого человека, прыгнувшего с четвертого этажа. Выяснилось, что этот человек знал расписание движения автобуса который отвозил его утром на работу. Он спокойно завтракал, а за пять минут до своего автобуса, выпрыгивал в окно кухни (жил он на первом этаже) и бежал на остановку. Так было быстрее, чем идти через подъезд и обходить дом.

В этот раз он тоже выпрыгнул в окно и, уже летя вниз, вспомнил, что накануне переехал по обмену на четвертый этаж этого же дома.

Усилитель молитв

I

Завидовать – тяжкий грех, но больным в коме нельзя не позавидовать. Многие стремятся к релаксу, кайфу, свободе от быта и желаний, к неторопливости. У больных, находящихся в коме, все это уже есть. Покой полный – атония, арефлексия. Силы не тратятся даже на дыхание – воздух в легкие нагнетает умный аппарат. Только сердца еще постукивает, но слабо-слабо, и поэтому души больных не рискуют отлетать далеко: болтая ножками, сидят себе в рядок на подоконнике реанимационного зала, в обнимку с судьбами своих подопечных.

Этих душ в реанимации видимо-невидимо. Вон у той, розовой души – отравившейся уксусом девочки, сорок дней давно миновало, а она все не отлетает и шпионит за действиями врачей.

От этих врачей, клоунов в разноцветных костюмах, больным в коме – одни неприятности: лезут отсосами в самое нутро дыхалки, удаляя мокроту, тормозят: «Открой глаза! Пожми руку!» – колют иглками, стучат молотком по коленкам, назначают клизмы и ворочают с боку на бок, как прохуdivшиеся лодки.

Что врачи знают о жизни и смерти? Ничего. А больные, выходя из комы, обо всем виденном «по ту сторону», рассказывать не спешат. Чтобы особенно не приставали, вернувшиеся из комы, как заведенные, рассказывают одну и ту же ерунду: тоннель... полет над собственным телом... Таков уговор.

А то еще налетят в реанимацию, откуда не ждали, размахивая черными крылами, священники, и ну давай сплеча, крест-на-крест, мочить всех подряд святой водой! Души нехристей в панике рассыпаются, как горошины, по углам. Помогает ли Бог коматозникам – не знаю. Статистики нет. Но общее впечатление таково, что атеисты после такого «мочилова» стремительно увядают. Как высохнет водица на челе – так и преставляются. Даже иудеи и мусульмане святую воду легче переносят.

II

Историю семерых сегодняшних коматозников, что лежат в реанимации, я хорошо знаю. Но почему упал в кому вот этот, восьмой – мальчишка двенадцати лет, – не понимаю. Не понимают этого и члены уже пяти комиссий, что разбирались с его случаем.

Началось все мирно. Привели на прием мальчика с дефектом правой теменной кости. Два года назад, отдыхая с родителями в Сочи, он упал и получил вдавленный перелом свода черепа. Курортные врачи удалили вдавленные отломки, а дефект в костях черепа закрывать не стали. Это распространенная и часто оправданная тактика. Неврологически мальчишка – без патологии.

Предложил я закрыть дефект, а мамаша мальчика говорит:

– Но нам ни в Москве, ни в Питере не стали делать операцию!

– А почему – объясняли?

– Да нет, – сказала мамашка.

«Интересно! – думаю. – Почему нет?»

Обследовали мы мальчонку. Здоров. Положили на стол. Ввели в наркоз. Обработал я операционное поле. Нарисовал линию разреза и стал обкладывать область вмешательства стерильными пеленками. И тут у ребенка остановилось сердце! Сорок минут реанимации: поломали ребра; «приделали» и ликвидировали двухсторонний пневмоторакс^[4]; вводили злую лечебную химию внутривенно и внутрисердечно... На 41-й минуте у трупа мальчонки появилась «гусиная кожа» и далеко, в глубине грудной клетки, глухо стукнуло сердце. Раз... Еще раз... И вдруг сердце разом замолотило, как безумный барабан перед командой «пли!». Формально – ребенок ожил. Но с тех пор и уже месяц с гаком он в коме. Значит, что-то знают столичные нейрохирурги, чего не знаю я, – при явных показаниях оперировать они мальчика не стали. А я – вляпался.

Обидно быть идиотом. Потом были разборки на всех уровнях. Комиссии, прокуратуры. Сделай я хотя бы только надрез кожи – ни за что бы не отвертелся. А пацан лежит себе в коме и не тужит. Рыдает мамаша, ругаюсь я с реаниматологами, главный орет: «Не потерплю!» – день идет за днем, а все остается по-прежнему: сознания нет, зрачки широкие, мышечный тонус и рефлексы отсутствуют, сам не дышит.

III

Вернулся я из реанимации в родное отделение. Коллеги радостно сообщают, что нашли мастера, который враз и бесплатно наладит нам компьютеры в отделении.

– А что это вдруг – бесплатно? Он где работает?

– Он – гений и нигде не работает. Он возле больничной церкви торгует бижутерией. Или типа того...

Гений – в растянутом свитере, бороденка торчком – оторвался от клавиатуры и сказал:

– По порносайтам меньше лазить надо! Нахватали вирусов. Всё! И больше к такой похабели не вызывайте!

Мастер стал натягивать куртку. К куртке были пришиты металлические крючки, как для кухонных полотенец. На этих крючках висели гроздья чего-то блестящего, похожего на дешёвые бусы. Такими, наверное, Кук совращал туземцев.

Я спросил:

– Вы этим торгуете? Что это?

– А это, видите ли, – усилители молитв. Когда человек молится совместно с единоверцами, да и в церкви – молитва сильна и угодна Богу. А дома? А в транспорте, когда на голову наступают? Эффект от молитв в таких условиях – ноль! Вы веры какой? Иудей, православный, буддист, адвентист седьмого дня?

– А что, есть разница? Бог-то один.

– Да, так многие считают. Но точно не знает никто. Поэтому я делаю усилители молитв для всех конфессий. Только я! Опасайтесь подделок! Вот эти серебряные – для мусульман. С множеством черных как бы звезд – для иудеев. Вот эти – для православных.

– А что это на них висюльки, как маленькие свастики...

– Заметили... Но именно эта форма наилучшим способом усиливает православные молитвы. Берите! Я вам уступлю, если оптом возьмете. Мужчины носят как браслеты, женщины – как бусы. Есть в виде диадемок. Эти исполнены в золоте. Вот эти – для «просительных» молитв. А эти, побольше, – для молитв благодарственных. Но их никто не берет. Покупайте! Усилители без обратной связи – за тысячу, а вот эти – разработка новая – за них прошу две. Видите на них три как бы камушка? Так вот: если «камушек» загорается зеленым огнем – значит, молитва дошла до адресата. А если зеленый огонек меняется на красный, то на вашу молитву есть положительная резолюция и желание ваше будет вскоре непременно исполнено. Один усилитель на три желания. Ваши взяли все.

– Кто это – «ваши»?

– Родственники ваших больных.

Я брать оптом, равно как и в розницу, отказался – и гений ушел.

IV

Через два дня у входа в реанимацию ко мне на шею вдруг бросилась мать этого самого мальчишки:

– Доктор! Милый, дорогой мой человек!

И натурально рыдает. Халат на груди вмиг промок. «Во как! – удивился я. – Вчера был „убийца“ и „блядин сын“, а сегодня – такие нежности!»

Тут реаниматолог поясняет:

– Мальчишка-то в сознание пришел! В одну минуту вдруг сам задышал! Сейчас он в полном сознании и адекватен. Как и не было ничего!

Ну что ж, думаю. День хорошо начинается. И женщина вполне еще ничего – мягонькая. Только все женские запахи из нее высквозило в больничных коридорах. Пахнет от нее как от мягкого больничного инвентаря. И тут вижу на склоненной ко мне на грудь голове диадеме, как две капли воды похожую на те, что продавал гений, а на ней – три огонька. Один красный, два зеленых. Так! Красный – это ответ на ее молитву о сыне. Сын пришел в сознание. А о чем две ее еще не «отоваренные» молитвы? Мамой клянусь, что мы, врачи, в этих молитвах упомянуты! Худо нам станет, когда зеленые огоньки станут красными! Придётся покупать у гения еще один усилитель молитв и дарить его мамке. Пусть отмаливает нам прощение!

Anamnesis vitae

На похоронах мужа вдова ударилась ногой о край гроба. Через день вся нога резко отекла, покраснела. При надавливании на отечную ногу ощущался «хруст» – развилась газовая гангрена. Лечение больной было безуспешным, и на девятый день после смерти мужа она умерла.

Встреча с прошлым без надежды на будущее

Случайно встретил ушедшую лет десять назад на пенсию женщину-хирурга. Что там «женщина» – бабка! В каких-то длинных одеждах. Многослойно замотана в шали и платки. Сверху всего этого – круглая мужская шляпа с широкими полями. Круглые чёрные очки, как у кота Базилио.

А голос остался прежний: громкий и трубный:

– Что, все за идею пахешь?

– Так...

– Ну и дурак! Сюда смотри! Ты помнишь, как я работала? Сутками из больницы не выходила. Операции, кровища, говно... А теперь никому на хер не нужна! Сунули пенсию и забыли.

– А где вы сейчас?

– Где-где! В деревне живу. Там у меня мама. Ей девяносто восемь лет. Крыша, конечно, съехала, но тихая, безобидная. А че! Я маму с утра помою, накормлю – и на лыжи! Красота кругом сейчас: лес, снег чистый, людей – никого. Слушай: никогда так не жила! Хозяйства я не веду – всё покупаю. Да и что нам надо?! Хлеб, молоко, картошка. Иногда – водочки выпью и так хорошо: печь трещит, мама посапывает, за окнами солнце и снег...

– Местные с медицинскими вопросами не пристают?

– Так я им сразу сказала: «Кто вспомнит, что я врачом была, – убью!» Я бабкам арабские танцы показываю и танец живота. Бабки – писают в штаны от этих танцев и уважают! Меня Людочка-внучка научила. Она же этими танцами в Москве большие деньги зарабатывает. Ещё она регентом служит в церкви Ильи-пророка в Черкизово, ласточка моя! Поют они там – слеза пробивает...

– По городу и друзьям не скучаете?

– По дурдому этому? А друзья... Так что – друзья? Ты меня часто вспоминал? То-то! А ведь рос у меня на глазах, дружили мы с тобой. Нет. Никто никому не нужен. Главное, самому себе быть нужным. И маме. Ты все пешком бегаешь?

– Да нет: вон моя стоит...

– Так подвези до автостанции. Давай-давай... На работу опоздаешь, так и хрен с ней. Долго ждут – долгожданной будешь! Вот этот мешок – в багажник. Там хлеб на всю деревню. Поехали!

Anamnesis vitae

Однажды привезли избитого мужчину в алкогольном опьянении. Когда его раздели для осмотра, все ахнули: мужчина был похож на Арлекина! Правая половина туловища была обычного цвета, а левая, от шеи и до пятки, багрово-синяя.

Мужчина этот пришел домой пьяным и уснул на полу, на правом боку. Разозлившаяся жена, в течение нескольких часов, методично била его скалкой и превратила левую половину мужа в сплошной синяк. Каждый из полученных ушибов сам по себе не был опасен, но вся излившаяся под кожу и мышцы измененная кровь стала всасываться, отравляя избитого и повреждая почки. Еле мы его выходили.

Донор по совместительству

Раньше основной врачебный документ – историю болезни – называли «скорбный лист». Читать да и писать на этих желтоватых, как бы пропитанных мочой листах – в самом деле – скорбный труд. Труд, который часто пропадает зря, начинаясь с жалоб и кончаясь сомнительным выздоровлением или несомненной смертью.

Есть определенная схема врачебных записей в этой истории. Все начинается с жалоб. Раньше врачей за то и любили, что им можно и нужно было жаловаться. Вы вспоминали, что, в самом деле, сушит во рту, что сильнее болит утром, что на работе нелады и соседи сволочи. Все это записывалось, да вот беда – часто таким почерком, что прочитать невозможно.

Записи одного хирурга могла расшифровать только медсестра, прошедшая с ним войну. Читала она, положив историю вверх ногами, и справа налево: всю войну она дублировала записи хирурга в карточках раненых, сидя напротив него. Так и привыкла к его каракулям в перевернутом виде.

Теперь не спрашивают и не слушают. Раздав распечатки «опросников», попросят подчеркнуть где «да», где «нет». А потом – скажет врач – я все обработаю, и мы поговорим.

Но не поговорит и не переспросит. Как ЛЕГО сложит ваши боли и страхи с бланками анализов, рентгена, компьютерной томографией и скажет: «Ну что, больной, будем оперироваться? Завтра».

Ну вот и операция. Хирургия. Любая победа хирургии – крах терапии. Операция – это такой метод лечения, который может убить. Удачная операция – это просто неудавшаяся попытка убийства больного группой лиц по предварительному сговору с применением холодного оружия и сильнодействующих психотропных ядов.

Труд хирурга – неблагодарен. Как ни объясняй больному и его родственникам сложность операции – не поймут. Можно удалить убивающую больного опухоль – напишут жалобу на холодный больничный суп. Удалишь бородавку: в газету благодарность тиснут, коньяк в руки сунут! Уж очень мешала бородавка в носу ковырять. А про опухоль больной обычно и не знает. Или не хочет знать.

Удаляли мы большую опухоль головного мозга. Началось все очень прилично. И вдруг, после легкого движения инструмента, – хлынула кровь. Бьет как из крана, шипит, заливает всё: рану, инструменты. В человеке от пяти до семи литров крови, и при таком темпе кровопотере вся она может вытечь из больного за десять – пятнадцать минут. Она и вытекла. Кровь больного и кровь чужая, которую лили в три вены анестезиологи. Давление у больного не определяется, сердце – еле-еле. А раз давления нет, то перестало кровить. Сразу увидели разрыв венозного коллектора. Быстро залатали мы эту дырку. Переливаем, что в этих случаях нужно. Давление появилось, но низкое и нестабильное. Нужна кровь, а ее на станции переливания уже нет: вся на этого больного и ушла.

Оперировал Иван – общеизвестный хам и крикун. Больные его боятся и не любят. Иван орет анестезиологу: «Кровь возьмете у меня!» А это против всех правил и приказов. Против не против, а только уложили хирурга на каталку рядом с операционным столом и шприцами, перелили его кровь больному. Группа и резус совпадали, да и пробы на совместимость, конечно, провели.

Давление у больного стабилизировалось. Иван снова помыл руки, переделся в стерильный халат и закончил операцию. Завершилось все благополучно: больной поправился – опухоль оказалась доброкачественной. Хирургу объявили выговор и на очередной квалификационной комиссии высшую категорию не подтвердили – опустили на первую. По больнице пошла ходить шутка, что несовпадение группы и Rh-фактора крови больного с показателями крови Ивана – абсолютное противопоказание к операции.

Я согласен с тем, что хороших врачей мало. Их не больше, чем хороших специалистов в любой другой профессии. Только не все профессии требуют такой большой крови. Попробуйте предъявить к своим близким те требования, которые предъявляются обычно к медикам. Вас постигнет глубокое разочарование – мало кто из них терпелив, добр и честен в той степени, в какой бы нам хотелось.

Anamnesis vitae

Солнечным днем вдруг высоко в листве деревьев – треск и шелест листьев, и на тротуар шлепнулся белый кулек. Прохожие глянули – завернутый в пеленки мертвый младенец. Пока «ох!» и «ах!» – снова треск и второй кулек. Подбежали – другой ребенок. Синий, из носа и рта кровь, не дышит. «Скорая» и милиция прилетели, высчитали, из каких окон выпали младенцы, нашли квартиру на восьмом этаже. На звонок двери открыла спокойная женщина. Спросили, есть ли у нее дети. Женщина ответила, что детей у нее трое: мальчик четырех лет и двойняшки – девочки: родились десять дней назад, три дня как выписались из роддома, сейчас спят. Бросились в спальню – кроватка пустая.

Четырехлетний мальчишка выбросил сестренку в открытое окно: кто-то из родственников в шутку сказал счастливой маме: «Ну зачем они тебе, сразу двое?! Нищету разводишь». В ответ женщина рассмеялась: «Конечно, не нужны! Мне и Леньки хватает» – и прижала к себе сына. Ленька понял всё по-своему.

Хирург из Освенцима

Во всех отделениях больницы еженедельно проводится «общий обход»: врачи во главе с заведующим осматривают больных, планируют лечение и обследование каждого. Сейчас это делается быстро, и обход напоминает веселую рысь на ипподроме. Но не у нас. В разных больницах обход называли по-разному. Часто – «показать больным заведующего». У нас – «водить слона», потому что протекает этот обход медленно и обстоятельно.

Наш «слон» – хирург ДЕД. На одном из таких обходов он осматривал женщину, которой на следующий день предстояла операция по удалению части щитовидной железы. ДЕД и раньше видел эту больную, но только сейчас заметил на предплечье у нее татуировку – восьмизначный номер.

«Аушвиц?» – спросил ДЕД. Больная утвердительно кивнула и сказала: «С 41-го и почти до конца». «Освобождали наши?» – помолчав, спросил ДЕД. «Нет, американцы». – «Понятно. И меня американцы».

ДЕД у нас сутулый, а тут его как-то совсем скрючило, лицо заострилось, посерело. Торопливо закончил он обход и ушел в свой кабинет, поручив разбор полетов старшему ординатору. До конца рабочего дня мы нашего вездесущего заведующего так и не видели.

В этот день я дежурил. Все разошлись, и я остался один в ординаторской. Сидел, дописывал истории болезни. ДЕД зашел в ординаторскую очень тихо. Присел в уголке дивана, нахохлился, побряхтел и вдруг стал рассказывать. Ни до, ни после я не слышал, чтобы он говорил так много и так взволнованно.

Оказалось, что ДЕД почти всю войну, попав в плен, провел в разных фашистских лагерях смерти. Я узнал, что «Аушвиц» – это «Освенцим», и что долгое время ДЕД находился в этом концлагере. Никогда и нигде я не читал и не слышал того, что рассказал ДЕД.

Он и в лагерях оставался врачом: немцы выделяли бараки для больных, давали лекарства, еду. Лечили, кормили, говорил ДЕД, и вдруг в один день могли забрать всех больных – и в газовую камеру. Логика немцев ДЕД понять не смог. В одном конце барака умирали с голода, а в другом ели вволю яйца, консервы, сало: в лагере можно было достать всё: были бы деньги или драгоценности. «Играем мы в волейбол (!), – продолжал ДЕД, – а рядом с нашей площадкой двигается очередь из измученных людей. В газовую камеру. И мы, и они знаем, куда их гонят, а они болеют за нашу игру, подсказывают. Солнце светит, трава зеленая, мы мяч гоняем, а их ведут травить газом. Мирная такая, повседневная жизнь».

ДЕД говорил быстро, волнуясь, и картины мне рисовались бредовые. Он совершенно очевидно стыдился того, что остался жив. «Вот вы, молодые, возмущаетесь, что бумаг много писать приходится, бюрократия говорите. А меня немецкая бюрократия от смерти спасла. Перегоняли нас из одного лагеря в другой. Идем колонной. Долго идем – охрана устала, злятся. Совсем стемнело, когда нас пригнали к новому лагерю. Ворота не открывают. Мы измучились, зайти в лагерь не терпится: знаем, что на новом месте немцы обязательно устроят помывку горячей водой, накормят – порядок такой они свято блюли. Немецкий я так и не выучил – не лез он в меня, только слышу, наша охрана орет „коммунисты“, „партизаны“, а им лагерная охрана в ответ: „папир“, и опять и не один раз слышу: „папир“ да „папир“ – „бумага“ по-немецки. Так нам ворота и не открыли.

Наша охрана заматерилась по-русски, завернула колонну и погнали нас дальше. Прошли мы еще километра четыре и попали в другой лагерь – там нас приняли. А позднее мне товарищ объяснил, что в первый раз немцы, чтобы не идти эти четыре километра, привели нас в ликвидационный лагерь. На уничтожение. Но служаки этого лагеря ночью возиться с нами не захотели: „Нет у вас бумаги-приказа на этих пленных. Не знаем мы, что с ними делать: то ли газ применить, то ли расстрелять“. Спасла нас немецкая бюрократия.

Вообще, за эти три года убить могли в любой день. Пронесло как-то... Досадно, что освободили нас американцы. Поэтому еще два года потом провел в наших, советских лагерях. У немцев – это понятно, а у своих сидеть очень обидно было. Потом разобрались – отпустили. Только в Москве жилье мое пропало, на работу не брали. Предложили поехать сюда, на Север, – организовывать хирургическую службу. Жилья и здесь не дали – жил в туалете для медперсонала. Этот туалет и сейчас есть в отделении грудной хирургии. Помыли сортир с хлоркой. Накрыли унитаза деревянной коробкой. Вместо кровати – смотровую кушетку поставили. Я такому жилью рад был до невозможности».

На следующий день ДЕД оперировал эту больную. Зря он делал это сам – очень уж старался. Известно: лучшее – враг хорошего. Вот и неладно получилось с этой больной: она до операции усердно лечилась – таблетки, уколы. В таких случаях ткани опухоли делаются хрупкими, сильно кровят – хирургу трудно ориентироваться в ране. Так или иначе, но оказалась поврежденной веточка нерва, отвечающего за голосовую связку – после операции у больной пропал голос.

Если бы это было возможно – ДЕД поседел бы еще больше. Он совсем бестелесным стал и серым как моль. Думаю, что, будь он помоложе и других правил – запил бы по-черному. А больная удивительно спокойно отнеслась к случившемуся. На прощание написала в книгу отзывов благодарность и просипела деду: «Все что нужно, я уже сказала».

После операции, облучения и химиотерапии она жила еще долго и считала себя здоровой. Наш заведующий жил гораздо меньше.

Anamnesis vitae

Одно время в нашем городе подростки практиковали вот такую шалость: обматывали лезвия ножей изолентой так, чтобы оставалось свободным не более 1 см остро заточенного кончика. Группой в 5–7 человек нападали на прохожих (обычно – пьяных мужчин), сбивали их с ног и наносили сотни колотых ран по всему телу и конечностям жертвы. Каждая из ранок не была опасной, но общее состояние больных было крайне тяжёлым.

Диагностика смерти

Двадцать седьмого декабря 2008 года, в 05.30 меня разбудил телефонный звонок из больницы. В трубке – заполошенный голос дежурного нейротравматолога Игоря Х.:

- Тут ахтунг у нас! Охрана делала обход территории больницы и нашла мой труп!
- Твой труп? На покойника ты как-то не тянешь! Так орешь... Тебе и телефон не нужен.
- Да не мой, конечно! Нашего больного нашли под окнами больницы!

Черт! Сколько говорил главному: не дело это – размещать нейротравму и нейрохиргию на седьмом этаже. От приемника далеко, до асфальта – высоко. Допрыгались!

– А кто выпрыгнул? Заплаткин?

– Какой Заплаткин! Никто вообще не выпрыгивал! Ко мне, по дежурству, «скорая» привезла мужика с разбитой головой. Я его осмотрел. Черепно-мозговую травму – исключил. Рану зашил и отпустил домой. А через полчаса его наша охрана нашла. Снежком его уже припорошило. Несколько капель крови на снегу. Охранники притащили труп назад, в приемный покой. Типа, может, живой еще. Какой там – мертвее мертвого! А в кармане – моя справка. «Дальнейшее лечение в поликлинике по месту жительства». Вы бы приехали. А то мне главный голову отвернет.

Приезжаю. В приемном покое, в закутке у рентген-кабинета, завис над каталкой длинный Игорь. На каталке – синий, плохо выбритый труп. На голове умершего – повязка с засохшим кровавым пятном.

– Ты бы его простынькой прикрыл! – говорю.

– Накрывал уже. Все сразу начинают приставать: «Это ваш жмурик стоит?» А так ничего: никто внимания не обращает.

– Хорошо. Записи свои покажи.

Читаю «Журнал отказов в госпитализации». «„Выпил“, „упал“, „сознания, со слов больного, – не терял...“» Пульс, давление, число дыханий – всё в норме. Сомневаюсь, что Игорь все это делал: измерял, считал. Дальше: «„Неврологический статус^[5] – без особенностей“». Не бывает НС «без особенностей»! Описывать его надо.

«ЭХО-ЭГ: без смещения срединных структур мозга. На R-снимках черепа – без костной патологии». Говорю Игорю:

– Снимки покажи.

Игорь мнется:

– Тут такое дело... Черт меня дернул...

– Не темни! За что тебя черт мог дернуть? Он тебе это место еще в прошлый раз оторвал!

– Да не делал я снимки! Написал от фонаря...

И смотрит зло.

Снимки – «от фонаря». ЭХО, видимо, такое же. Запись – шаблонная, «под копирку». Вывод: больного не смотрел и в итоге – труп.

С минуту я, стараясь быть спокойным, логически мыслил на тему: дать по морде или....

– Давай, Игоряша, так. Это дело мы пытаемся замять. Если замнем – ты, с чистой совестью и трудовой книжкой, – на свободу. Увольняешься «по собственному». Поимей совесть. Ты у нас только ее еще и не имел. Остальных всех перетрахал. Договорились? Если нет – я снимаю пенсне и сваливаю. А ты сам объясняйся с администрацией.

Согласно кивает.

Спрашиваю:

– Ты его слушал? Нет, Игорь, ты совсем умом тронулся! Зачем же его сейчас слушать? Оставь Николай Ивановича в покое. Давай – раздевай его. Готовь «больного» к осмотру. И делай по порядку все то, что следует делать для больного. Не сумел разобраться с живым – разбирайся с покойником.

Игорь поплелся к санитаркам. Вернулся через три минуты:

– Сказали, что чужие трупы раздевать в их обязанности не входит.

– Всё верно. Сам раздевай. Осматривай. Ты уверен, что его не ткнули в бок ножом? А уже от этого он упал и разбил голову. Был же у нас случай: ударили человека заточкой. Заточка из спицы целиком ушла в грудную клетку. На точечную ранку внимания не обратили. На вскрытии (вот тебе на!) – нашли заточенную спицу, пробившую стенки сердца! А к патологоанатому направляли как умершего от черепно-мозговой травмы.

Осматриваем труп. Труп не «белый». Не похоже на смерть от кровотечения. Однажды дежурный впопыхах оформил в отделение больного с сотрясением головного мозга. Мест в нейротравме не оказалось, и больного поместили в абдоминальную хирургию. А через полчаса он умер. На вскрытии – разрыв селезенки, печени. Умер от внутрибрюшного кровотечения. Дежурант от случившегося – запил. За пьянку его и уволили. Но не за халатность.

Закатали мы Николай Ивановича в рентген-кабинет. Отупевшая от бессонницы лаборантка погромела кассетами, «прицелилась»...

– Не дышите! – Аппарат зажужжал и щелкнул.

– Можете дышать! За всю ночь – первый спокойный больной. Вывозите!

На снимках кости черепа и грудной клетки – целы. А как выглядят легкие трупа в R-изображении – не знаю.

Далее Игорь действовал, заручившись моим согласием, быстро и рационально. Оформил историю на труп как на больного, поступившего в отделение нейротравмы. Зарегистрировал историю в отделении. Запись в журнале отказов дополнил фразой: «После дополнительной беседы больной на госпитализацию – согласился».

Дежурный терапевт сделал Игорю ЭКГ. Обнаружилось, что сердце Игоря безнадежно здорово и бьется ритмично. В истории болезни данные ЭКГ Игоря приписали ныне покойному Николай Ивановичу. Необходимые анализы для этого же трупа «нарисовала» дежурная лаборантка. Всё честь по чести. Даже с нормальным анализом спинномозговой жидкости.

Потом в истории Игорь сделал несколько записей о стремительно ухудшающемся состоянии больного, о безуспешности реанимационных мероприятий и о смерти больного. Таким образом, Николай Иванович Болдырев, поступивший в нейротравму в 04.45 после бытовой алкогольной травмы, скончался, предположительно от тромбоэмболии легочной артерии, в 08.45. Такая «правильная» смерть – *lege artis*^[6]!

На планерку Игорь успел.

– На хрена ты ему еще и алкогольное опьянение вмантурил, лиходей? – только и мог я сказать.

Все наши диагнозы на вскрытии подтвердились. Игорь уволился «по собственному».

Теперь он делает успешную карьеру в гинекологии.

Anamnesis vitae

В нейрохирургическое отделение поступил мужчина 32-х лет, страдающий судорожными приступами. Его мать очень горевала, самоотверженно ухаживала за ним, день и ночь проводила в больнице.

На рентгеновских снимках черепа обнаружилось более 20 швейных иголок в проекции сагиттального шва черепа. В своё время мать, с целью убийства, вводила новорожденному сыну иглы в мозг через родничок, но ребёнок выжил, прижился, полюбился матери на этом свете.

Как об этом сказать больному? Сообщать ли об этом случаи в милицию, как о попытке убийства тридцать два года назад?

Чем работают хирурги

Нет, ничего нельзя поручать молодым докторам-энтузиастам! И я не указываю врачу Липкину на его ошибку как коллеге, а ору на него, как на нашкодившего мальчишку:

– Ну ты даешь! Зачем же ты ботинок с него снимал, лиходей?! Нога и сама бы отпала! Говорил тебе – ничего не делай местно! Из шока выводить надо, а не ручонками сучить, травматолог хренов!!!

Ошалевший интерн Липкин стоит посередине «противошоковой» перевязочной с грязным ботинком в руках. Из ботинка торчит фрагмент человеческой голени. Хозяин оторванной ноги без пульса, давления и сознания лежит на каталке. Дышит через раз.

Это мальчишка лет десяти. Попал под колеса поезда. К нам «скорая» доставила как в ближайшую больницу. А травматологи у нас не дежурят! Абсурд и идиотизм: столько сочетанной и комбинированной травмы поступает к нам в больницу, а делать всё при скелетной травме приходится нам – нейрохирургам, хирургам, микрохирургам и пр. Наши костоправы величают себя ортопедами и экстренно дежурить не хотят.

Сестры окружили мальчонку, вставили в три вены капельницы. Ввели мы ему в кровь все что положено и бегом – в реанимацию.

На полпути встретили бегущего навстречу Безумного Реаниматолога:

– Дышит? Пульс есть?

– По дороге потеряли!

Останавливаемся в коридоре. Реаниматолог исполняет ритуальный танец вокруг каталки. Закончил молниеносный осмотр, схватился за ручки «колесницы»:

– Ну! Давайте быстрее!

Молодой! Еще храпит и бьет копытом. Но сейчас это уместно.

В реанимации стали восполнять кровопотерю, обезболить. Давление приподнялось чуть выше нуля, мальчик пришел в сознание, и тотчас же, из обеих ног, до верхней трети бедер превращённых в фарш, потекла кровь. Ясно стало, что ноги надо ампутировать: спасти их невозможно и кровотечение иначе не остановить.

Но детям ампутацию можно проводить только решением консилиума с непременно участии в этом консилиуме администрации больницы. С администрацией просто: наш главный всегда на месте.

Стали вызывать травматологов. Наши травматологи – все в глухой несознанке. Их жены внятно матерятся по телефону и советуют искать этих специалистов на озере Круглом, где они всем коллективом добывают рыбу из-под льда.

Я позвонил некоторым травматологическим любовницам. Оказалось, что жены не врут. Разговаривать с любовницами приятнее, чем с женами: очень вежливые и всегда готовые помочь девушки. Травматологи из детских больниц клянутся и божатся, что прислать к нам некого: «Сами понимаете – выходные! Кто – вне зоны доступа, кто в командировке, кто болен».

А наш парень тем временем теряет кровь. Переливаем эритроциты, но кровопотерю не догоняем. С отчаяния вызвали заведующего сосудистой хирургией. У них огромный опыт ампутаций! Происходит это от того, что они много оперируют несостоятельные артерии ног. Первым этапом заменяют участок «больной» артерии протезом. Затем, бывает – приходится не раз и не два удалять тромбы из этого протеза. Часто цепочка таких операций завершается ампутацией конечности. Ангиохирурги в этом так насобачились, что усекают конечность за считанные минуты!

Посоветовавшись с ангиохирургом, решили, что в этом случае необходим все-таки узкий специалист. То есть – травматолог. Желательно – с «корочкой» по детской травматологии.

Только через пять часов от момента поступления мальчишки в больницу нам удалось найти нужного специалиста – заведующую травматологией одной из клиник «скорой помощи» – толстенюкую маленькую старушку. Медленно и тщательно старушка ампутировала мальчонке обе ноги.

В предоперационной заведующий ангиохирургией изумленно спросил у меня:

– Что она там делает? Мы бы за это время обстригли ноги всей дежурной бригаде!

Мальчишка выжил. Культы сформированы хорошо.

Главный сочиняет приказ о введении должностей травматологов-дежурантов. Но дело это непростое: где взять кадры, как обосновать введение новых ставок и т. д. Опять бумаги, дразги, вопли и сопли. Сбудется, возможно, мечта интерна Липкина: будет и у нас экстренная травматология. Липкин считает, что только в травматологии все ясно и определено: кость или срослась, или не срослась. Третьего не дано. Еще он жаждет, как все молодые, оперировать, работать руками...

Можно подумать, что мы головой работаем.

Оракул

Вершить хирургические дела – одно удовольствие!

Сидишь себе в операционной, смотришь в микроскоп и, удаляя опухоль мозга, распутываешь постепенно узелки из сосудов и нервов. Это – как вязание для женщин: успокаивает и расслабляет. Все ярко, чисто и правильно. Слово твое – закон. Никакой демократии и либерализма – сугубая диктатура.

Но до этого еще надо дожить! Вокруг этой основной, казалось бы, работы – столько шелухи и шелупони! Приказы, пятиминутки, сестринские свары, бубнеж вечно недовольных коллег-оппозиционеров, заказы препаратов, их списание, заранее проигранная борьба за чистоту, жалобы больных на медиков и медиков на больных и т. д. и т. п. – без счета.

И самое болезненное – составление графиков и планов. Особенно опасен процесс и результат составления графиков на отпуска и дежурства. Опаснее, пожалуй, только распределение ставок и подработок.

А вот план операций на неделю составляется легко и весело. Но и в этом случае есть свои подводные камни.

* * *

Собрались мы в ординаторской всем коллективом.

Говорю:

– Так! Быстренько давайте, у кого есть больные на операцию на следующую неделю.

Липкин говорит:

– Больной Косяков, десять лет. Краниофарингиома^[7]. Все показатели и анализы в норме. Педиатр посмотрел. Анестезиолог тоже дает добро...

Спрашиваю:

– Назначаем на понедельник?

– Это как вы решите. Есть относительные противопоказания.

– Ну?!

– Он второй сын у низкооплачиваемых родителей. Старший брат – инвалид детства. Мамка ждет третьего ребенка. Живут в однокомнатной квартире. По данным «Оракула», после выписки нашего больного и рождения третьего сына папаша – уйдет в запой, а потом – к бездетной соседке Любове

Яковлевне пятидесяти лет. Мамаша больного быстро умрет в психдиспансере от черной тоски. Детишек распределят по интернатам. Так что, сказали – решайте сами. Абсолютных противопоказаний нет, но...

– Отложи пока в папку к «сомнительным». У вас что, Нифантий Мартемьянович?

– Бабуля Сидорова...

– Больная, Нифантий Мартемьянович, больная!

– Хорошо. Больная БАБУЛЯ Сидорова восьмидесяти двух лет. Хроническая гематома левой лобно-височной области. Афазия^[8]. Судорожный синдром. К операции готова. Перенесет хорошо. Но после операции – заговорит! И так заговорит, что умрет уже через полгода. Родственники будут всем рассказывать, что – от старости...

– И зачем же ее оперировать? О чем думали?

– Вы сказали на обходе: «Готовьте на следующую неделю».

– Я выписку имел в виду, а не операцию! Завтра чтоб духу ее здесь не было! Деятели...

– У меня еще есть больной Пахомов сорока пяти лет. Глиома^[9] левой лобной доли головного мозга.

Операцию перенесет хорошо. Проживет три года после трех курсов химиотерапии и облучений. Семья для этого продаст квартиру и машину, наберут кредитов. Дочь, что сейчас учится в Англии, вернется ни с чем на родину. Выйдет замуж за айтишника из Орла. Родят они двойню и уедут жить в деревню огородам. Таким образом, как и написал «Оракул», – есть относительные противопоказания к операции.

– Вы что, издеваетесь?!

– Я историю болезни вам докладываю! Не нравится – читайте сами. Вот и вот... (сует мне историю под нос и тычет пальцем в записи специалистов «Оракула»).

Вмешался Липкин:

– П. К.! Я совсем забыл! Надо что-то еще и с Клепиковым решить!

– А что с ним решать? К операции он готов. Планировал тебя на эту операцию поставить. Пора и тебе оперировать такие опухоли!

– Да я-то готов... Только тут вот какое дело. На Клепикова МВД добро не дает. По их данным, через год после операции Клепиков убьет с особой жестокостью свою сожительницу и ее малолетнюю дочь. Звонил капитан Несвященко и удивлялся. Говорит: «Что это вы такое с Клепиковым планируете сделать своей операцией? До нее он везде положительно характеризовался». Намекал, короче...

Тут проснулся дремавший все это время виртуоз-хирург Переверзев и сказал:

– У меня есть мальчик Федя. Шесть лет. Опухоль мозжечка... Чудесный ребенок! После пяти операций и химии с лучами – поправится. Закончит школу с золотой медалью, мединститут – с красным дипломом и станет нейрохирургом.

– Что ты сказал?! Это же абсолютно неоперабельный случай! Кто его на «Оракуле» смотрел? Накупили сверхумной техники, а посадили на нее круглых идиотов! «Нейрохирургом»! Они скоро участковых педиатров велят оперировать и будущих бомжей! Сколько раз уже писал докладные главному врачу! Надо же «Оракул» поставить в приемном покое, чтобы всякий неизлечимый люд к нам не лез! А то госпитализируем, обследуем, нервы и деньги потратим, а лечить – нельзя!

– А главный что говорит?

– Говорит, что сканер второго «Оракул-03» больнице не потянуть по деньгам. И еще говорит, что если запустить его в приемном покое, то больницу можно будет закрывать: восемьдесят процентов больных уйдет в бесперспективные.

Anamnesis vitae

Привезла «скорая» молодого человека с острой задержкой мочи. Занятый в отделении уролог, не осмотрев больного, велел молоденькой медсестре вывести больному мочу катетером. А у больного, во время ее манипуляций, наступила эрекция члена, оргазм и эякуляция.

Измученная сестричка вещала в восторге на весь приемный покой:

– Струей спермы катетер на полметра выбросило!

Парень же отряхнулся, поблагодарил и исчез в ночи. Дежурный уролог орал потом по телефону на диспетчера «скорой»:

– Этого извращенца вся медицинская общественность Черноземья наизусть знает! И адрес, и имя-отчество! Где вы нашли доктора, который был не в курсе? Напишите там у себя на видном месте: «Больного Кренева с задержкой мочи – в больницы не возить!»

Ипотека и смерть

Умер хороший мой знакомый – врач-реаниматолог Виктор. И умер, казалось бы, очень удачно: прямо на рабочем месте, в реанимации. Выслушивал сердце больного, потом, не вынимая из ушей фонендоскоп, повернулся к сестре, как будто что-то хотел сказать, но не сказал, а захрипел и рухнул на пол.

Тут же заинтубировали его, подключили к ИВЛ. Сразу – закрытый массаж сердца, лекарства в вену, в сердце, дефибрилляция. И все это по кругу, еще и еще раз, и многое другое многократно в течение двух с лишним часов: никто не мог сказать: «Умер». Периодически на экране монитора регистрировались сердечные сокращения, но тут же – исчезали.

Пришел главный врач, помялся, походил и сказал тихо:

– Что поделаешь... Не до трупных же пятен реанимировать. Отметьте время смерти.

Потом начались всяческие бюрократические непонятки. Кем считать умершего? Пациентом? Но он не проведен через приемный покой, и нет истории болезни. Есть ли такое понятие, как «смерть на рабочем месте по ненасильственным причинам»? Надо ли кого-то наказывать? Как же без этого, без «наказать»? Всегда легче на душе, если можно показать на кого-то пальцем и сказать: «Ату его! Это он во всем виноват!»

А если историю болезни не заводить, то на кого списать все использованные при реанимации сильнодействующие препараты? Как и в качестве кого направить тело в морг? Понятно, что в качестве трупа, но как объяснить, откуда он у нас взялся? Да и не станет его Рувимыч вскрывать! Хорошими друзьями были наш патологоанатом и покойный.

Стали думать и рядить, шелестя бумагами, а главный мне и говорит:

– Сейчас Альберт (завреанимацией) поедет к нему домой, жене сообщить. Ты езжай с ним. Все-таки он у вас в операционной и с вашими больными в реанимации больше других работал.

II

Приезжаем. Две комнаты в общежитии. Не смежные, а через коридор. Трое детей. Жена сидит в послеродовом отпуске с младенцем. В комнатах – беспорядок, ящики какие-то, узлы.

– Козлы вы с главным! – говорю я Альберту тихо. – Столько лет человек горбатил на больницу, а жил в общежитии! И жена его тоже ведь у тебя работает анестезисткой!

– Тут дело еще хуже, – отвечает Альберт. – Они квартиру по ипотеке купили. Видишь, к переезду готовились... Кто теперь эту ипотеку выплачивать будет?

Вошли, присели. Так и так, говорим мы его испуганной жене, стало Виктору плохо прямо в реанимации. Возможно, инфаркт. Сейчас он тяжелый. На ИВЛ. Если хотите, говорим, можем вас отвезти к нему. Всякое может быть, даже самое плохое – очень уж инфаркт обширный.

Тут запищал младенец на руках у вдовы. Она стала энергично, как градусник, трясти его у груди, одновременно говоря нам:

– Куда же я с ним поеду! А этих (кивнула на притихших отпрысков трех и пяти лет) куда дену? Какой инфаркт? Никогда не жаловался! Током его, наверное, ударило! Да, Альберт Михайлович? Я-то знаю, как там у нас с предохранителями и задними панелями у ИВЛ!

Альберт говорит:

– Саша, ты бы дала адреса родных. Может быть, надо заверенные телеграммы дать, чтобы кто-то приехал. Так мы дадим!

Тут Саша стала рыдать. Заревели и юные отпрыски в своем углу, и только младенец на Сашиних руках сохранял спокойствие сытого Будды. Хорошо, что Альберт догадался взять с собой старшую сестру реанимации. Та что-то зашептала, заходила вокруг Саши. Стали собираться, одевать детей...

Мы вышли на улицу. Альберт закурил и стал материться через сигарету, зло щурясь и сплевывая:

– Сюда бы этих писак! «Врачи взяточники!», «Медицинская коррупция!», «Халатность в белых халатах!». Много Витька взяток набрал!? Жил как божьей! Куда теперь Сашка с тремя детишками?

А министр наш, счетовод х@ев, всё пугает и пугает! Уйду и детям накажу: «В медицину – ни ногой!»

Вышла вдова Саша, ведя за руки «взрослых» детей. Старшая сестра реанимации несла на руках младенца.

* * *

Потом были похороны. Грязь, дождь. Из родственников была только старенькая мать Саши. У Виктора живых родных уже не осталось. На поминках мы с Альбертом напились. Совершенно неясно, как выплатить ипотеку? И кто будет давать наркоз нейрохирургическим больным?

Anamnesis vitae

Есть у нас пожилой ЛОР-врач. Знакомясь, звоня по телефону, он представляется так:

– Киселёв. Доктор по ушам.

Мы посмеиваемся, а он говорит:

– Вы и не представляете, сколько людей не знают, что такое – отоларинголог!

Нескорая помощь

Раньше или падали реже, или поднимали чаще, но столько народу на улицах не валялось. А может быть, тротуары лучше чистили да песком посыпали – не знаю.

Отбывал я в молодости повинность в городском травмпункте. Тогдашнее начальство требовало, чтобы строго фиксировалось в амбулаторной карте место падения поломанного гражданина. Улица, номер дома, остановка транспорта и т. д. Потом все это обрабатывалось, и, если выявлялись опасные места с повышенной частотой падения, срочно летел туда тогдашний мэр с лопатой и сыпал на скользкие места песок с солью.

Словом, столько народу, как сейчас, плашмя по дорогам родины не лежало, это точно. Может быть, дело в том, что сейчас никто особенно не торопится поднять упавшего? Обернутся на грохот, удивятся и топают дальше.

Но если все-таки помогают, то расклад такой. В девяти из десяти случаев «поднимателем» оказывается понаехавший с Кавказа или Средней Азии.

Часто помогают упавшим ребята-гопники. С ржанием, матом – но поднимут, оттащат к лавочке. «Скорую» вызывают редко, но могут, если это недалеко, оттащить поврежденного в какое ни есть лечебное учреждение.

«Скорую» любят вызывать бабушки. Особенно если упали под их окном. Если бабушек у окошек много, то они поднимают такой перезвон по телефонам «СП», что помощь приходит достаточно быстро.

Поддатые мужики могут помочь, но делают это так бестолково, что лучше бы шли мимо!

Старшие школьники из хороших семей чаще других помогают упавшим. Но с ними не всё ясно: то ли помогают, то ли по карманам травмированного шарят.

В одном ночном супермаркете два охранника поспорили, доживет ли до утра упавший у порога магазина бомж (дело было зимой). Утром вызвали «скорую». Пиво выиграл тот, кто поставил на «не доживет».

«Чистая» публика обычно не помогает. Старушку еще могут приподнять, или если споткнется девушка, так это – только дай! Неподвижно лежащего мужика поднимать точно не станут. Подойдут, покачают головой и начнут возмущаться: «Сколько же можно пить! Где милиция?! Куда смотрят волонтеры? Надо ж что-то делать!»

Но надо признать, что помогать убившемуся на улице человеку – сложно. Шел я как-то в свой выходной от газетного киоска к машине – и на тебе! Лежит на ступеньках перехода мужчина. Лежит пробитой головой вниз, и из раны кровь течет на грязное месиво из снега. Может быть, я и прошел бы мимо, но то, что положение тела было неправильным, и то, что чистая рана контактировала с явно нестерильным снегом, подвинуло меня на благое дело. Поменял я ноги с головой пьяного (разило – на гектар!) местами, выволок на поверхность. Тут же какой-то бичеватый гражданин стал мне способствовать и суетиться.

Кровь из головы – так и хлещет! Свернул я туго платок, придавил этим комком рану и привязал его к пробитой голове шарфом бессознательного гражданина. Ну и что теперь, думаю. «Скорую» вызывать? Но как представил, что придется объясняться с диспетчером этой славной службы, отвечать на десяток вопросов и оправдываться хрен знает в чем – плюнул и поволок мужика в свою многострадальную «тойоту». Тут, надо признать, несколько прохожих мне помогли.

Привез мужика в нашу больницу. Тут уже проще – санитарки, фельдшера, охранники подсобили. Дежурный нейротравматолог не спешил, естественно. Но потом сделал все как надо. Класть в отделение больного не стали. Мужик этот быстро протрезвел, попросил на пиво и ушел прочь.

Что имеем в «итоге»? Уделанный салон машины, такую же куртку, три часа потерянного времени, нагоняй от жены «Где ты был?». Трудно представить, что мог бы сделать любой другой гражданин. Ран он обычно – боится, кровь остановить не смог бы. В «скорой помощи» его бы послали. Если бы привез на своей машине, то уже на въезде в больницу его бы поворотили в зад: «Не дежурим мы сегодня по нейротравме!»

Даже если бы добродетель прорвался с пострадавшим в приемный покой, то и там могли бы послать. Это на какую смену бы нарвался. Так что упавшим остается надеяться только на мэра с лопатой, волонтеров, милицию и кавказцев.

Молодой мужчина очень шумно пытался убить жену. Вызвали милицию. Милиционерам мужчина стал говорить ерунду, смысл которой заключался в том, что его молодая жена постоянно ему изменяет. Обстоятельства измен были фантастичны. Жена спаривалась с его другом, сидя на заднем сиденье автомобиля, в то время когда муж был за рулем. С вызванным для прочистки канализации сантехником – прямо в туалете. С агитатором за кандидата в депутаты городской думы Собашиниковым – стоя в прихожей и т. д. и т. п. без счёта.

Милиция сдала бедолагу в психиатрическую больницу. Потом пришла жена и попросила выписать мужа, так как он говорил чистую правду: про заднее сиденье, про сантехника, про агитаторов за разных депутатов и про т. д., и про т. п. Мужа выписали с извинениями. Счастливая семейная жизнь возобновилась с прежней силой.

Перед операцией

Хирург Б. И. любил манипулировать с цифрами. Так, он математически доказал, что толщина истории болезни более 157 мм, свидетельствует о том, что больной неизлечим.

Затем он составил цветную карту заболеваемости детей опухолями головного мозга в области. Белые пятна на карте свидетельствовали о том, что в этих регионах детей с опухолями мозга не зарегистрировано. Нежно-розовый цвет говорил о единичных случаях опухолей. И так далее – до тревожно кровавого цвета: в местах нашей области, окрашенных в этот цвет, заболеваемость опухолями мозга у детей превышала все допустимые нормы.

Роковым образом кроваво-опухолевые очаги на карте, нарисованной Б. И., территориально совпали с местами размещения в нашей области военных ядерных объектов. Б. И. вызвали куда следует. Изъяли карту и документы, на основании которых эта карта составлялась. Все это засекретили, отчего показатели по опухолям у детей чудесным образом улучшились.

Тогда Б. И. увлекся показателями интенсивности и выяснил, что за одно и то же время в медицине происходит больше значимых событий, чем в армии в условиях войны. С этим никто особенно спорить не стал.

Но когда Б. И. рассчитал, сколько наше родное государство тратит на лечение одного больного и сколько оно же, родное, тратит на убийство одного здорового, грянула беда. Видимо, разница в затратах «на излечение» и «на убийство» была настолько потрясающая, что слабая психика Б. И. «расщепилась» и, как утверждают психиатры, дело дошло до вялотекущей шизофрении.

Тут еще вспомнили утверждения Б. И., что по телевизору показывают не Михаила Тимофеевича Калашникова – автора знаменитого автомата, а его двойника. И что, мол, настоящий Калашников уже давно постригся в монахи и на голом острове северного озера Имандра денно и ночно молится за убиенных из его чудо-автомата, конструкцию которого нашептал ему бес в чине полковника НКВД.

С помощью психиатров Б. И. исчез на год. Вернулся он тихим, со скованными движениями и с манерой ходить чуть боком и вдоль стены. К больным его не допустили, а пристроили в оргметодкабинет, что глупо, так как теперь все цифровые показатели работы больницы у Б. И. под рукой.

Я не верю, что Б. И. болен. Все его рассуждения логичны и доказательны, чем выгодно отличаются от домыслов психиатров. Особенно близок мне его постулат о перегруженности событиями единицы врачебного времени. Я описал однажды близкому мне человеку, события нескольких минут в начале моего рабочего дня и был обвинен в сгущении красок и фанфаронстве.

То же самое я расскажу вам. Судите сами. Итак – утро в хирургическом отделении.

Проведена утренняя конференция (доклады дежурных сестер, врачей; разбор промахов, ругань, план работы на день). Обход «своих» палат: назначение перевязок, капельниц, лекарств на сутки. Распорядился кого из больных можно перевязать без меня, а кого – обязательно показать, когда закончу запланированную на сегодня операцию).

Выписал троих больных, отдал «на руки» справки с рекомендациями, дал советы больным и родственникам.

Поговорил с матерью и женой умершего больного. Это самое тяжелое.

Поговорил с больным, идущим на операцию. Больной спокоен, уверен в успехе. Мне бы такое. Составил заявку в реанимацию на две завтрашние операции.

Тут пришел анестезиолог и стал объяснять, что с сегодняшней операцией придется повременить минут двадцать: что-то стряслось с дыхательной аппаратурой.

В ожидании операции пошел на балкон ординаторской подышать свежим воздухом. То есть – покурить.

С этого балкона хороший обзор – весь больничный городок как на ладони.

Вот идет домой, волоча ноги, наш дежурнт – хирург Мурин, усталый и с синяком под глазом: пьяного больного неосторожно развязали, и он ударил доктора в переносицу.

Плетется Мурин, а впереди него бодро и радостно идет мужчина. Чему он радовался, мы уже не узнаем, потому что мужчина внезапно упал, обогнав Мурина метра на два.

Мурин, постояв секунду, рухнул на колени рядом с упавшим и принялся делать ему массаж сердца. Набежала толпа. Затем от приемного покоя фельдшерицы подогнали каталку и человека рысью увезли назад, в больницу. Толпа разошлась. Только Мурин ещё минуты три ходил кругами на месте события и что-то искал.

Потом мы узнали, что мужчина этот выписался из кардиологии с успешно излеченным инфарктом миокарда. А у Мурина во время реанимации кто-то спёр перчатки.

Я и сигарету еще не докурил, как вижу, что из окна пятого этажа онкодиспансера, расположенного напротив нашего корпуса, высовывается человек, и высовывается очень активно, – уже через секунду становится ясно, что на подоконнике он не удержится.

Когда я подбежал к месту падения, то увидел, что у маленького серого тела самоубийцы уже стоят главный врач диспансера и зав абдоминальной хирургией Феликс. Тут же индифферентно присутствовали два сонных врача-интерна с носилками. Почему-то у молодых врачей всегда сонно-обиженный вид.

– Неприятности, конечно, будут, – говорил главный врач Феликсу. – Но для него все плохое кончилось.

А потом объяснил мне:

– Это муж нашего бухгалтера. Рак поджелудочной, метастазы. Это не лечится. По четырнадцать кубиков морфия в сутки вводили! По закону таких мы можем выписывать, но этот как бы свой.

– Я давно говорю, – возбудился Феликс, – что для таких больных хоспис надо открывать: уход, обезболивание, покой.

– Денег не дают, – зло буркнул главный. – Я уже и к священникам нашим раз десять подкатывал – у них ведь все условия есть: помещение, богомолот этих, бывших комсомолок-атеисток, толпы. Вот и сделали бы богоугодное дело: открыли бы хоспис – богадельню, мы бы специалистами помогли, а они Божьим словом и уходом: помыть, судно подать-вынести, покормить. Больным и их родственникам какое было бы облегчение! Нет, никому ничего не надо: проще в золотых балахонах оперу пропеть, водицей побрызгать да в пост диету соблюсти для своего здоровья. Мракобесы хреновы!

Бедного самоубийцу уложили на носилки и унесли. «Неважное начало рабочего дня, да еще перед операцией. Не к добру», – подумал я.

В нашем отделении меня уже искал анестезиолог. Сказал, что все готово и можно идти в операционную – самое спокойное место во всей больнице.

Anamnesis vitae

Молодая женщина страдала «звонковой эпилепсией». Такие больные в ответ на резкий звук (обычно звонок в дверь, телефонный звонок) выдают судороги с потерей сознания. Однажды, во время близости с мужем, раздался звонок в дверь. Развился судорожный приступ, напугавший мужа. Но главная беда в том, что после этого случая приступы у женщины замкнуло на половую близость: стоило мужу подступить к ней с ласками – у женщины развивались судороги.

Стена плача

Злокачественные опухоли головного мозга – лучше доброкачественных. Они – мягкие, «сопливые», часто образуют кисты и поэтому удаляются достаточно легко. Кровеносных сосудов в них мало, и кровопотеря во время операции – незначительная.

Доброкачественные опухоли головного мозга (та же менингиома) – плотные как подошва. Удалять такую одним блоком нельзя: травматично, и рвутся сосуды, кровоснабжающие и опухоль, и одновременно определенные участки головного мозга. Удалять менингиому надо маленькими кусочками, сохраняя все сосуды опухоли. Избежать кровотечения – очень трудно. Главное – не навредить, не «приделать» оперируемому новой неврологической симптоматики. Когда имеем дело со «злом», всегда есть надежда, что в дальнейшем начатое дело довершит лучевая и химиотерапия. Доброкачественную необходимо удалять тотально. Это долго и утомительно. Для больного – опасно.

Вот у этой семнадцатилетней девушки Кати, сидящей напротив меня, – злокачественная опухоль (глиобластома) левого полушария головного мозга. Удивительно приятная девушка. В юности я именно на такой хотел бы жениться: интеллигентная, домашняя девочка, улыбчивая и спокойная. А когда такая

со скрипачкой в футляре идет из своей филармонии... Неотразимо! Я же не знал тогда, что именно вот такие и бывают, чаще всего, ужасными стервами.

Мама у этой девушки – врач-лаборант из нашей больницы Людмила Яковлевна, для меня – просто Люда. Плачет и все рассказывает, какая умница у нее дочь. Говорит о ней уже как о покойнике – только хорошее.

Катю мы обследовали амбулаторно. Предложили операцию, и теперь она пришла в отделение, чтобы узнать окончательно, что и как, и дать (или – не дать) свое согласие на хирургическое вмешательство.

Разговариваем долго. В конце концов, я говорю:

– Катя! Где логика? Я тебе уже целый час твержу, что опухоль у тебя доброкачественная, а ты все сомневаешься! А если бы я сказал – «злокачественная», ты бы сразу поверила?

– Но в заключении по биопсии написано – «глиобластома»!

– Я так говорил? Нет – не говорил. За твоё лечение отвечаю я, а не гистологи. Вот удалим опухоль, рассмотрят ее целиком те же гистологи – тогда и будет верное заключение. И то – главное, все-таки клиника, а не анализы и умозаключение тех, кто сам не лечит...

– Удалите – и всё?

– Там видно будет. Есть такие случаи, когда бывает необходимо и лучевую терапию провести, и химиотерапию... Мне, Катя, проще всего было бы сказать тебе, что опухоль злокачественная. Это для меня было бы и алиби, и индульгенция! Что бы потом с тобой ни случилось, всегда можно сказать: «А что ты хочешь? Это – зло. Жива пока – вот и радуйся!» Не поверишь, но больные, знающие, что у них злокачественная опухоль, очень удобны в обращении! Они редко жалуются на грубость медсестер, больничную еду, сквозняки, поспешность врачей. Не до этого им! Они уже о Боге думают... Пойдем-ка, я тебе нашу «Стену плача» покажу.

Идем с Катей в ординаторскую. Когда-то, очень давно, наш первый, ныне покойный, заведующий удачно прооперировал девочку пяти лет с опухолью мозжечка. На радостях повесил на стенку в ординаторской небольшое ее фото. (Не опухоли, а девочки!) А лет через пять мамашка привела эту, уже почти взрослую, мадемуазель к нам в отделение. Никаких признаков рецидива опухоли у нее обнаружено не было.

Рядом с первой фотографией мы поместили новое фото уже здоровой и веселой пациентки. С тех пор у нас повелось вешать на стенку фото больных до операции и в случае благоприятного исхода – через несколько лет после операции. Под фото пишем дату операции, название опухоли и дату последнего снимка. Очень жизнеутверждающая «экспозиция», как мне кажется. Часто показываем ее предоперационным больным. Их это бодрит и обнадеживает. С подачи нашего ядовитого нейроофтальмолога Генриха стену эту зовут «Стеной плача».

Катя долго рассматривала фотографии.

– А вот у этой девочки тоже глиобластома была! И у этой! И вот еще... И все выздоровели?

– Да, здесь только те, что выздоровели.

– Здорово. А что это за цифры под фото?

– Это номера историй болезни...

Минут через двадцать, пересмотрев все фото, Катя сказала:

– Я подумаю еще сегодня, а завтра все вам скажу. Хорошо?

Попрощались. Одинокaя фигурка уходит в сторону яркого окна в конце пустого больничного коридора. Виден только трогательный Катин силуэт со светящейся короной светлых волос. Такая тоска!

* * *

На следующий день ко мне пришла Катина мама:

– Проплакали мы с ней вчера весь вечер. Решила согласиться на операцию. Вы ее только в хорошую палату определите, пожалуйста.

– О чем речь!

– И ничего не говорите ей о диагнозе! Она у меня такая...

Лицо Катинoй мамы сводит судорогой. А слез – нет. Платок не сунешь. Лезть со стаканом воды – глупо.

– Люд, не реви! Ничего я Кате не скажу. Нет никакого смысла – говорить. Что ей – завещание писать? Или «дело жизни» надо завершить? В ее возрасте главное дело – сама жизнь.

– Онкологи открытым текстом говорят...

– Флаг им в руки! По мне, так это даже подло. Получается: «Раз мы вылечить тебя не можем, так хоть остаток жизни тебе отравим!»

Люда роется в кармане халата:

– Тут Катя вам свою фотографию передала. Просила, чтобы прикрепили к «Стене плача», рядом с какой-то девочкой.... У нее тоже глиобластома была.

Я показываю, где находится фотография этой девочки.

Подойдя к стене, Людмила вдруг замирает. Потом сконфуженно говорит:

– Вот эта? Даша Х. Номер истории 674?

– Ну да, наверное... Кате именно она приглянулась.

– Вот как... Знаете, но эта не может быть Дашей... Никак не может... Это известная фотография Леонардо Ди Каприо в детстве! А выздоровел он у вас уже как дочь актрисы Фелисити Хаффмен. Я в этом – специалист. Собираю по Интернету фото американских актрис, актеров и их детей. Такая у них счастливая жизнь! Катюха надо мной смеется, а сама мою коллекцию постоянно пополняет...

* * *

Ладно. Проехали... Опухоль у Кати оказалась не глиобластомой. То, что «оказалось», – тоже не цветок незабудка, но гораздо добрее. Хорошо удалилось, хорошо поддалось на химию и лучевую терапию.

В июле будет ровно три года, как мы прооперировали Катю. Учится в медицинском. Удивляется, когда я спрашиваю об ее успехах в игре на скрипке:

– Никогда я на скрипке не играла!

Санитар Паша, выносивший за Катей судна, влюблен в нее до потери пульса и страдает.

Anamnesis vitae

Каждый год поступают в приемный покой нашей больницы мужчины, надевшие на уд обручальное кольцо. Член от такой забавы страшно отекает, снять кольцо трудно, последствия печальны. Диагноз в этом случае: «Penis в инородном теле».

Если заболит смотритель маяка

Болезнь – прекрасный тест на вшивость. Очень плохо болеют те, кого принято называть «простые люди»: гегемон-пролетарий и примкнувшие к ним бывшие колхозники с мелкими служащими. И смешно, и жалко их, и противно бывает. Всю жизнь они суетятся, выгадывают, подворовывают по мелочам, врут и числят себя в обиженных. Судя об остальных по себе, они и в больнице ищут, в чем их обманули, чего недодали и кто и насколько на них обогатился.

Разговаривать с этими больными и их родственниками надо всегда очень осторожно. Как-то сказал врач родным больного: «Такое отношение к своему здоровью ему дорого может стоить!» Родственники тут же написали жалобу на этого доктора, утверждая, что он вымогал у них деньги на дорогое лечение больного.

Другой врач предупредил родственников, что состояние больного угрожающее, и тот может погибнуть. Сделали вывод: «Раз безнадежный, значит, и лечить не будут!» Сочинена была жалоба во все инстанции на преступное бездействие врачей, которые заранее «списали» больного.

Фраза врачей «Мы делаем все, что можем» вызывает отповедь: «Да что вы можете!» (В некоторых случаях, впрочем, так и есть.) «Затяжелел» больной в отделении, и его срочно переводят в реанимацию. Вывод: «Увозят, чтобы мы не видели, отчего умер. Ошибки свои прикрывают».

Противоположны этому – большие начальники в больнице. Мне многих приходилось видеть в лечении. Некоторых я знал заочно и заранее их не любил. Но в общении и в лечении, чаще всего, эти начальники были покладистыми и приветливыми людьми. Надо – подождут, к разным медицинским организационным неувязкам относятся с юмором и пониманием. Пожалуй, только одно им можно поставить в упрёк: любят поговорить, рассказать о своих встречах с большими людьми, пофилософствовать. Но мы все это любим, просто мало кому из нашего окружения наши философствования и воспоминания интересны.

Лучше начальников – только бичи и бомжи. Им все нравится в больнице. Тепло, чисто, хорошо кормят. В праздники сердобольные и глупые медсестры могут налить им спиртику. Часто после этого бичи выдают психоз.

В девяностые годы открыли у нас «спецотделение», где за деньги могли лечиться бандиты (ставшие впоследствии олигархами). Так и лежали: в одной VIP-палате водочный король области, а рядом, в палате попроще, – два-три его телохранителя. Чаще всего эти бандюганы были большими и полнокровными тварями. Уколов боялись до холодного пота и обмороков! С этими мордоворотами всегда так: очень жидки «на расправу». Худенькие заморыши гораздо легче переносят все тяготы нашей медицины.

Неприятным было и то, что эти быки постоянно пьянствовали в отделении и приставали к сестрам. Оплатил, мол, лечение и хату, вот и делаю что хочу. К счастью, вскоре эту лавочку прикрыли.

Племя молодое и незнакомое, все эти менеджеры, промоутеры, мерчендайзеры, недалеко ушли от гегемона. Но круг общения у них побольше. Больше возможностей и времени для сбора слухов и сплетен. Да и желтую прессу о медиках почитывают. Считают себя знатоками медицины и ее мировых стандартов, так как доводилось лечиться от поноса у турецких врачей в Анталии и от триппера в Паттайе. Основные признаки этих больных: тонкая пленка из вежливости и *politesse*, под которой (только тронь!) – агрессивность и истеричность.

Приятнее всего лечить социально близких нам: учителей, работников культуры (но не артистов!), журналистов, инженеров, ботаников с зоологами и зрителей маяков. Последние мне особенно симпатичны: могут молчать месяцами, смотреть в окно и улыбаться.

Anamnesis vitae

Реаниматолог: «Когда все анализы у тяжелого больного приходят к норме, значит, всё – помрет на днях».

Для вас, Козлов

Липкин говорит:

– Умные операции надо делать умным больным. А Козлов из пятой палаты с грыжей межпозвоночного диска – дурак! Да и не хочет он оперироваться. Так что желания наши совпадают...

– Так ведь грыжа уже сдавила корешки спинного мозга и ноги у него скоро откажут! Ты ему это объяснял?

– Да все я ему объяснял! Рисовал, снимки показывал... Только что в присядку перед ним не плясал! Не хочет.

Иду в пятую палату. Козлов, полный и бледнокожий, стоит, изогнутый буквой «зю», и опирается руками на спинку койки. Только в этом положении боли в спине и правой ноге делаются у него чуть меньше. Так он и спит, точнее – дремлет, после инъекций промедола. А проснувшись – подвывает и матерится от боли. Выпал у него межпозвоночный хрящ и сдавил корешки спинного мозга.

– Слушай, Козлов! Мы на тебя весь запас наркоты на год вперед извели. Уже ведь и не помогает, поди, промедол?

– Не помогает! – сипит Козлов. И добавляет: – А можно без операции как-нибудь?

– «Как-нибудь» – можно. Я тебе расскажу – как, а ты сам решаешь.

Во-первых, надо сбросить вес. Килограммов шесть-семь. А лучше всего – десять. Второе – надо укрепить мышцы спины и живота. Создать «мышечный корсет», чтобы удерживать позвоночник в правильном положении. Вот этот твой живот... Это брюхо – должно исчезнуть! Есть специальные упражнения. Как только боли пройдут – врач ЛФК поможет тебе подобрать комплекс специальных упражнений. Третье – надо заняться плаванием. Ежедневно – час в бассейне. Раз в три месяца – массаж мышц спины и ног. Ежегодно – санаторий. Лучше всего – Саки. Можно – Мертвое море. Это – как кому нравится. Бывал в Израиле?

Козлов сдавленно мычит.

– Далее. Необходимо придерживаться специальной диеты. Мы тебе ее напишем при выписке. Параллельно – курсы лекарственной терапии. Таблетки, уколы. Желательно проводить также иглорефлексотерапию. Хотя бы раз в полгода. Спать надо на специальном матрасе. Ничего тяжелее трех килограммов – не носить. Ношу обязательно распределять на две руки. Тяжести «перед собой» – не носить! Половые акты – только в позиции «партнерша сверху». Многое я тебе сейчас не говорю: все равно забудешь. Подробнее – при выписке. Все понял?

Козлов зло всхлипывает:

– Вы бы распорядились, чтобы Липкин по два кубика промедола мне назначил!

– Может, тебе сразу героин колоть? Почему от блокады отказываешься?

– Это – в спину?! Боюсь!

Ухожу. Через полчаса приходит медсестра и сообщает, что Козлов согласен на операцию.

Лечиться никто не хочет. Все хотят волшебным образом исцеляться, не прикладывая при этом никакого труда. Грезят волшебными таблетками, уколами. Даже операциями. Но сами – палец о палец не ударят для своего здоровья! Не думает товарищ Козлов о том, что выпал у него один межпозвоночный хрящ, а их в человеке куда как больше. Не помню точно – сколько.

Anamnesis vitae

В анализах мочи коматозных больных (мужчин) за несколько часов до смерти часто находят большое количество сперматозоидов.

Выписка

На каталке – больной. Перенес тяжелую черепно-мозговую травму.

Худой: простыня на костях таза чуть приподнята. Шумно дышит через дырку в горле (трахеостома). Через нос – желудочный зонд для кормления. Моча стекает по катетеру в пластиковый мешок. Молодой нейрохирург Ванятка что-то вещает двум перепуганным женщинам.

Спрашиваю:

– Куда это вы его?

– Домой! Выписали.

Ванятка вновь обращается к публике:

– Надо купить шприц Жане (жестом рыболова показывает величину шприца). Этим шприцом надо три раза в день вводить вот в эту трубку бульон, жидкую кашу, можно – детское питание. Я вам все напишу. (Точно – забудет написать!)

– Отсюда, – (показывает на трахеостому), – необходимо специальным ручным отсосом удалять слизь и гной. Надо в аптеке или «Медтехнике» купить такой отсос.

(В какой аптеке? Какой отсос? Врет ведь!)

– Кожу утром и вечером надо обтирать одеколоном, спиртом. Каждый час – поворачивайте его. А то пролежни не заживут.

(Женщины худенькие. Как будут ворочать тело?)

– За мочевым катетером должен следить уролог. Вызовите из поликлиники. Он вам объяснит, чем промывать пузырь. Можно катетер удалить, но тогда будет лежать в моче. Белья не напасетесь! С нашей выпиской сходите в поликлинику. Будет приходить терапевт, невролог. Чем лечить, я вам напишу. Чуть не забыл! Каждые три дня – клизма.

Никто не придет, а если и придут – то что знает о трахеостоме и катетерах поликлинический врач!

Пожилая женщина начинает плакать. Молодая – теребит край грязной простыни. Больной смотрит на меня. Один раз увидев взгляд такого больного с акинетическим мутизмом^[10] – уже никогда его не забудешь: так смотрит человек, только что сказавший вам нечто умное и язвительное и с любопытством ждущий глупого ответа. Все понимающий и мудрый взгляд.

Ответить мне ему нечего. Я давно уже ничего не понимаю.

Anamnesis vitae

К нам привезли артиста румынской эстрады. Артист был без сознания. Травму мозга мы исключили и заподозрили отравление. Вышли на ресторан «Юбилейный»: там могли накормить румынов тухлятиной. Рестораторы свою вину отрицали, аргументируя тем, что, кроме артиста, никто не отравился.

Пока искали траву, румыну делалось все хуже. И вот на третий день к врачам обратился администратор румынской группы. Он, собственно, хотел уточнить, как будут транспортировать его подопечного на родину, когда тот умрет. Описывая жизнелюбие будущего покойника, администратор, между прочим, рассказал, что незадолго до госпитализации артист провел ночь с местной девицей и подцепил специфических вшей. Долго не думая, бедолага сбрил все волосы на теле и распылил на себя два баллончика «Дихлофоса».

Типичное (задним числом!) отравление фосфорорганическими соединениями! Как говаривал некий датский принц: «Вот и ответ!»

Мы применили взятые у военных врачей антитоксы к этой фосфорной пакости, и больной поправился. Ресторан «Юбилейный» был реабилитирован.

Сволочи

Встречаю в коридоре нашей больницы О. В. – доктора-гинеколога. Лет пятнадцать вместе работаем. Бледная как полотно. Отчетливо ее пошатывает.

– Что с тобой?

– Кровотечение из язвы желудка. Крови, наверное, много потеряла.

– ????!!!!

– Да вот... Вчера вечером спать легла – не уснуть: сердце частит и грохочет где-то в горле; страх, пот холодный. Вырвало. Все как в «букваре» – «кофейная гуща», «печеночные сгустки». Знаю, что у меня язва желудка. Значит – кровотечение. Муж отвез меня в нашу больницу. Дежурил Сергей. Знаешь его? Такой двухметровый баскетболист... Посмотрел, пульс пощупал: «Ерунда! Давай лучше в

шахматы сыграем». Сыграли пару партий. Вроде в самом деле – ничего. Муж отвез домой. Там – опять черная рвота и совсем плохо стало.

Муж повторно отвез в нашу больницу. Баскетболист говорит: «Ну раз ты так боишься, ложись в „люкс“, я к тебе заходить буду». Положил в одноместную палату. Через час зашел: «Чего не спишь?!» Распорядился, и мне внутривенно вкатили два куба реланиума. Утром проснулась – еле встала. До своего отделения, веришь ли, с трудом доплелась.

– И что, ни анализов, ни гастроскопии и историю не завели? Они что, убить тебя хотели? Ложись-ка в кабинет, я сюда хирургов вызову, закажу ФГДС^[11], капельницу пока поставим.

Отказалась:

– Неудобно. Пойду к себе. Скажу заву.

Предложил каталку, кресло – обида: «Что это я буду перед больными фигурять?!» Проводил ее до гинекологии. Обругал ее зава. Тот: «Да мы... да сейчас срочно... кто бы мог подумать...» Стал куда-то звонить.

Через два часа позвонил в гинекологию:

– Как там О. В.?

– Ее в операционную вызвали. Что-то там осложнилось у зава при удалении матки.

Хрен знает что такое! Человек того гляди – умрет, а его работать заставляют!

Звоню главному. Тот:

– Не может быть! Сейчас я им покажу кузькину мать!

Кто кому что поручил, перепоручил, не внушил, не донес, но только утром я узнал, что О. В. ночью из дома увезла «скорая помощь» в дежурную больницу. Там сделали гастроскопию, остановили кровотечение, восполнили кровопотерю.

Далее ей займутся гастроэнтерологи. Мы, с высоты авторитета нашей больницы, эту дежурную больницу всегда третировали и не уважали. Сволочи мы.

Anamnesis vitae

Молодые муж и жена собирали грибы. Жена шутиливо хлопнула мужа полиэтиленовым пакетом чуть ниже спины. В пакете оказался острый «грибной» нож. На крохотную ранку муж внимания не обратил и через два дня с газовой гангреной оказался в реанимации нашей больницы. Спасти его не удалось.

Недотыкомка

I

Каждое утро заведующий реанимацией звонит главному врачу нашей больнице или начмеду:

– Нам из-за нейрохирургов нормальных людей оживлять уже негде! Они завалили нас больными на голову по самое не балуй и все лечат их и лечат! На десяти из шестнадцати наших коек – лежат нейрохирургические больные! Прооперированных больных из других отделений – класть некуда!

Начмед хватает свою гелиевую авторучку с красным стержнем и, путаясь в юбке (начмед у нас – женщина), поспешает в реанимацию. Если не успею спастись в операционной – в реанимацию для ответа призывают и меня. Завидев меня Ольга (начмеда у нас Ольгой зовут) начинает орать, краснеть и энергично трясти историей болезни во всем виновного больного. Плохо подклеенные бланки анализов и информированных согласий разлетаются, как осенние листья, по реанимационному залу.

– П. К.! Что за дела? До операции вот этот ваш больной в сознании был, сам дышал и гемодинамика у него устойчивая была. А после операции – в коме, сам не дышит и давление держит только на доппине! Это как называется?! Реанимационную койку зря занимает! Вы уж определитесь! Туда его (машет историей в сторону потолка) или в свое отделение забирайте!

Кто ж его знает, «что за дела»?! Может, заболел чем...

Вслух объясняю:

– У больного – перелом второго шейного позвонка с повреждением спинного мозга. Рядом, чуть выше – ствол головного мозга. Отек шейного отдела спинного мозга, имевшийся после травмы, усугубился травмой операционной и распространился на ствол головного мозга. А там, в стволе, – дыхательный и сосудодвигательный центры, лимбическая система. Вот вам и кома с нарушением дыхания и низким давлением.

– Так, может быть, и не надо было оперировать?

– Как это «не оперировать»? – удивляюсь я. Хотя те, кто меня не любит, скажут: «Конечно, не надо было! Руки чешутся у этого П. К. и всегда впереди головы идут!»

Те же, с кем я дружен, за меня заступятся: «Тут, к бабке не ходи, – оперировать надо было. Сто процентов!»

И только люди умные и битые жизнью скажут, закуривая и сплевывая крошки «Беломорканала»: «А хрен его знает – „надо – не надо“! Оно всяко-разно бывает... Больной-то что? Не умер еще?»

Нет, почти не умер. Но без сознания и индифферентен поэтому к истерике начмеда и инсинуациям завреанимацией.

Аппарат искусственной вентиляции лёгких, чавкая, вдувает в него воздух, не давая бессмертной душе покинуть то, что осталось от Евгения Петровича Попова. Из дыхательной трубки отчетливо пахнет гнильцой. В вены Петровича льется всякая химическая дрянь. Подсыхают роговицы бессмысленно открытых, немигающих глаз. Периодически медсестра накрывает глаза больного влажными салфетками и тут же случайно смахивает их во время различных манипуляций.

Сегодня же сделаем блефарорафию^[12]! Через инсулиновую иголку «надуем» шприцом веки больного воздухом до полного их смыкания, и на три-четыре дня покой глазам обеспечен. Правда, каждый раз потом приходится объяснять родственникам, откуда у покойника синяки в области обеих орбит.

Говорю супостатам:

– Делайте что хотите! Вот больные, вот истории болезни. Напишите, что они не нуждаются в лечении в условиях реанимационного отделения и могут быть переведены в нейрохирургию, – заберем к себе! А по своей воле я его в свое отделение не возьму!

Ущипнул с отвращением начмеда за попу и ушел в свое родное нейрохирургическое отделение. Начмед, когда была простым реаниматологом, – очень недурна была собой! Увы, где прошлогодний снег?

Я уже подходил к дверям ординаторской, как вдруг от стены отделился серый, словно выцветший, мальчик лет одиннадцати-двенадцати. Худенький; серые внимательные глаза, сивый чубчик, застиранная сиротская рубашонка застегнутая под самое горло на все пуговицы.

Мальчик спросил:

– Вы ведь завотделением? А я – сын Попова. Он у вас в реанимации лежит. Вы ему водку даете?

Завел я мальчонку в ординаторскую. В углу, у компьютера, Марина, распустив по спине непозволительно шикарные свои волосы, шустро шелестит по клавиатуре. Клепает на меня очередную анонимку.

Липкин сидит на стуле по центру ординаторской. Напротив него – перепуганный больной, скорчившийся на диване. Липкин громогласно информирует его о необходимости хирургического лечения:

– Сейчас вам пятьдесят лет. Но вам будет и пятьдесят пять, и шестьдесят. Вы наберете лишний вес. Нагрянет сахарный диабет или астма. И вот вы опять, без вариантов, придете к нам! Но тогда уже мы не захотим вас оперировать.

Больной слабо возражает:

– Моего соседа так вот прооперировали, и у него парализовало обе ноги. Мочиться перестал...

– Не знаю, где и кто оперировал вашего соседа, но у нас такого не бывает!

– Его вы оперировали. В прошлом году перед Пасхой... Может, помните? Иванов его фамилия. Лысый такой, с церквами на груди...

Налил я мальчонке чаю, дал бутерброд с колбасой. Потом еще и еще один. Пацан вмиг все слопал, а больше у нас – не было. Марина побежала в буфет добывать еще съестного, а я сказал:

– Ну папа так папа. Расскажи, зачем твоему папе нужна сейчас именно водка?

– Он перед травмой несколько дней пил. Если сейчас ему выпить не дать – у него судороги начнутся. Его, когда уже пить не может, на второй день всегда трясет, выгибает... Изо рта – пена. Может обмочиться. Надо несколько дней давать ему водки по глоточку. Тогда судорог не бывает, и сон приходит.

– Понятно. Пьет папаша?

– Он пить стал, когда мама умерла. А если не пил, то лежал целыми днями с открытыми глазами и ничего не ел. Или начинал все крушить в квартире. Тогда надо обнять его и сказать на ухо: «Мама тебя уже простила!» Он сразу затихает и начинает все понимать.

Позвонил я реанимационному заведующему и передал ему разговор с мальчишкой.

– Нет проблем, – согласился тот. – Сейчас зальем в зонд разведенного спирта с глюкозой.

Наконец мальчонка наелся, и мы пошли с ним в реанимацию.

Сцена все та же. С теми же исполнителями и действующими лицами: чавкающий ИВЛ, чуть живой серо-желтый труп Евгения Петровича, санитарка Неля, имитирующая влажную уборку. Дежурная сестра всех ночных докторов Вера смотрит на беззвучно мигающую лампочку «алярма», соображая: «К чему бы это?»

Мальчик Саша (а это был именно он) подошел к расprostертому больному. Некоторое время он смотрел на него молча, а затем наклонился, обнял и что-то зашептал ему на ухо. Когда мальчик выпрямился и отошел от кровати, я увидел, что на подушке, слева от лица умирающего, лежит красное яблоко.

Мальчик сказал:

– Спасибо. Я пойду?

– Само собой. Когда еще раз появишься у нас?

– Не знаю. Это ведь не всегда от меня зависит.

Мы шли с ним по длинному коридору. Вдруг холодный сквозняк с грохотом распахнул дверь на черную лестницу.

– До свидания, – сказал голос мальчика Саши.

Когда я обернулся, чтобы ответить, – мальчика рядом уже не было.

Часом позже мне позвонили из реанимации и бодро сообщили:

– Попова мы переводим к вам. Пришлите девочек с каталкой.

– Я вам «переведу»! Сейчас посмотрю, и тогда – решим!

Евгений Петрович глянул на меня совершенно ясными глазами и улыбнулся. Дышал он свободно и глубоко. Пульс и давление – приличные. Движения в конечностях еще слабы, но они – были!

Подошел завреанимацией. Я спросил у него:

– А почему ты наше нейрохирургическое яблоко уже подложил больному Свиридову с перитонитом? Пока не завяло – отдай его нашему Харченко! Тому, что помирает после удаления опухоли мозолистого тела головного мозга.

– Что значит «наше нейрохирургическое»? Сашка этот умер у нас с тобой ровно двадцать лет назад прямо на операционном столе. Ты оперировал, я – наркоз давал. Так что яблоко – общее! Так ведь и не знаем от чего он умер... Заводили, заводили мы его, все ребра переломали. И все без толку – умер. И ведь операция была пустяковая! Пойдем, дернем за него по чуть-чуть. За то, что зла на нас не держит, за то, что помогает...

– Не, я не могу. Я в «завязке»! Живи, не кашляй. И присмотри за этой блядью Веркой, а то ведь сожрет ненароком Сашино яблоко. А оно, пока не завяло, нам еще не раз пригодится!

Anamnesis vitae

Известный хирург перенес сложную и длительную операцию. В реанимации, очнувшись от наркоза, он вдруг страшно закричал и, срывая капельницу, катетеры и датчики, бросился бежать. С трудом его уложили, фиксировали, ввели успокаивающие. Было решено, что у больного развился постнаркозный психоз.

Позже сам больной объяснил случившееся так: первое, что он увидел, открыв в реанимации глаза, – лицо своего друга. Патологоанатома. (Тот пришел навестить коллегу.) В отравленном наркозом мозгу возникла страшная догадка: «Операция не удалась... решили, что я умер... вскрывают!»

Я, бабушка, наркоман и другие

Зашел утром в реанимацию. Реаниматолог Сакерин между делом говорит:

– Вашим нейрохирургическим больным самое главное – вовремя мочевого катетер поставить, а то будут лежать по уши в моче.

А так – святые люди! Не жалуются, не скандалят. Что с ними ни делаешь – ухом не поведут, глазом не сморгнут. Не то что этот идиот Свиридов после резекции желудка! Все дренажи и зонды из себя повыдергивал! Сейчас хирурги набегут меня линчевать: «Не уследили! Проспали!»

Лежит у нас в седьмой палате нейрохирургии такой «святой». Привезли сегодня ночью по «скорой помощи». По истории – 25 лет, на вид – больше. Худой, на груди справа – татуировка: паук-крестовик в паутине, да «дороги» по венам рук. Сознания в нем мало. Открывает глаза на окрик, но взгляд не фиксирует. На уколы реагирует ненаправленными движениями. И всё. Макет человека в натуральную величину.

В голове посредством КТ выявили могучую опухоль основания лобной доли справа. Надо срочно, пока не декомпенсировался, оперировать. Стали готовить к операции. Попросил персонал дать мне

знать, если до операции появятся какие ни есть родственники. Сомневаюсь, конечно, что придут, но всегда спокойнее заручиться их согласием на операцию.

Но нет – ошибся! Вскоре заводят в кабинет маленькую старушку. Чистенькая. На голове платок белый. Представился. Познакомились. Ее Оксаной Поликарповной звали.

Спрашиваю:

– Вы кем будете Константину Александровичу?

– Я бабуся Костика. Рідних у нього немає: мати десь шлендаєт, батько помер. Я за ним другий рік присмітриваю... Беда!

– О-хо-хо! Оксана Поликарповна, извините, но я вашу мову – не розумію. Вы хоть через слово на русском можете?

– Так! Я по російськи трохи можу!

– Вот и отлично!

Спрашиваю:

– Давно Константин болеет?

– Я при нем уже третий год. Как мамка его с молодым полюбавником в Казахстан уехала, а отец через нее и Костика этого от сердца умер, так я к нему сюды и приехала.

– Чем же Костя так отца огорчил?

– Так вин же институт бросил! Отец его от армии спас, за учебу заплатил, а он колотья стал! Беда! То веселый и добрый, то как почнет всё громить, переворачивать. Все ищет как будто чего... На отца руку поднимал. Это сейчас он квелый, а тогда здоровый был. Начал отца поколачивать и деньги отнимать.

Как отец умер – притих чуток. Стала у него голова болеть. Утром за голову держится, стонет. Потом блевает, и лучше ему от того. Сходит порошка у барыг купить, наведет его с водой над газом и тем раствором в вены колется.

А потом сил у него не стало за дурью этой повзати: судороги у него начались. Упадет на спину, лицо синее, пена изо рта. Потом лежит без сил. Слезы текут, из носа – сопля ручьем, сам трусится. Молит: «Сходи, бабушка, за порошком! Ради бога сходи! Там, неподалеку, у парке ларек есть. Пивом да табаком торгует». Ну я приду, слово, которому меня Костик научил, скажу, да и деньги в окошко суну. А оттуда мне – пачка сигарет. Они пакетики с порошком между сигарет ховали. Месяц я так вот к ларьку этому ходила.

Так вот он в одно утро укололся и лег. Весь день проспал. На другой день утром слышу – не встает. Посмотрела – спит тихенечко. И день спит, и ночь. Утром опять не встает. Я его потолкала, так он глаза открыл, но меня – как не видит. Губы сухие. Обмочился. Я ему перестелила, умыла его. Молочка нагрела с маслом и сахаром, да и ложечками ему стакан споила. Ему если в рот влить – он глотает. Так вот с ним три дня возилась. Лежит чистенький, сухой, молочком напоенный. Хороший такой... Как в детстве.

А тут меня на улице молодой парень остановил, поздоровался и говорит:

– Что это вы к нам заглядывать перестали? В ларек.

Я про Костю ему и рассказала.

Парень этот говорит:

– Так он у вас и помереть может!

Пошел со мной к Косте. Потормошил его, пульс потрогал. Рот ему открыл и язык вытянул.

Потом говорит:

– Нет, мамаша, это не передоз. «Скорую» срочно вызывайте!

«Скорая» брать не хотела. Говорят: «Пока мы с вашим наркоманом возимся, у нас приличные люди умирают, может быть». Я на них шумнула: «А какой начальник и в каком приказе вас учит, что наркоманов лечить не надо?!» Денег еще им посулила, да тут же и отдала. Деньги-то у меня есть пока... Начали нас по больницам возить. Нигде не принимают. Возили-возили, пока сюда не привезли. Тут ваш доктор, молодэнький такой, посмотрел, в глаза фонариком Косте посветил, главному доктору показал, на компьютер свозил сам. Потом говорит мне: «Операцию надо делать вашему внуку. Опухоль мозга у него». Что, точно надо?

– Если не оперировать – умрет Костя скоро.

– Опасная операция?

– Сложная. Да и организм у него сейчас – не богатырский. Всякое может случиться.

Оксана Поликарповна начала теревить углы своего платка:

– И умереть может?

– Может. Но опухоль, по всей видимости, доброкачественная. Если все хорошо пойдет, то здоров будет ваш Костя. Вот почитайте. Здесь написано, какую операцию мы предлагаем, какие осложнения возможны, какие исходы. Если со всем согласны – распишитесь внизу. Что непонятно – спрашивайте.

Старушка, побряхтывая, достала очки с толстыми стеклами. Дужки очков – перемотаны проволочками. Долго читала. Потом спросила:

– Если выздоровеет, опять колоться будет?

– Вероятнее всего – будет. Операция эта его от наркомании не излечит.

– Вы же по мозгам специалисты! Неужто там нельзя чего почистить и дурь ту из головы выкинуть?

– Не научились еще.

– А может, он после операции остаться таким, как сейчас? Он теперь – как младенец. Дурного слова не скажет, смотрит как теля, голубок мой... Я б за ним, сколь могла – ходила бы. А там, Господь даст, и про отраву эту забудет, да и совсем поправится. Время-то, оно лечит...

Оксана Поликарповна всхлипнула. Что я мог сказать?

– Вполне возможно. Мозг у него поврежден сильно. Но еще раз говорю: при его теперешнем состоянии исход может быть самый разный.

Подписала старушка какие надо бумаги. Повздохала, вытерла лицо и очки от слез и направилась к дверям. У дверей обернулась ко мне и сказала:

– А якщо він помре на операції, так може воно так Богу і треба? И Костика, и моим мучениям тогда конец. Так вы, если что, – дюже не убивайтесь...

С этими словами Оксана Поликарповна ушла.

Anamnesis vitae

Поступил в психиатрическую больницу мужчина в состоянии острого психоза: возбужден, неадекватен, бредит. С трудом его зафиксировали, с трудом «загрузили» лошадиными дозами медикаментов. Разобрались с причиной психоза. Получалось, что психоз алкогольный. Однако родственники и знакомые в один голос утверждали, что больной практически не пьет. Выпьет рюмку в большой праздник – и всё. Пьяным его никогда не видели.

Когда больной, через неделю, пришел в себя, удалось выяснить, что работал он на большом складе продуктов для армии. В течение многих лет перед уходом с работы он выпивал большую кружку неразбавленного спирта и запивал его десятком сырых яиц. Жил он недалеко от места работы и, приходя домой, сразу укладывался перед телевизором. Там и засыпал. Выпиваемого спирта ему хватало для существования в зоне комфорта, но не опьянения до следующей дозы.

И вот за три дня до поступления в больницу его проводили на пенсию. Организм, лишенный привычного и уже необходимого спирта, взбунтовался и выдал психоз.

Случай в суде

I

Прооперировали мы одну тетечку, а потом стали ее лечить. С этим делом преуспели мы мало: лечили-лечили, а все не в коня корм – померла тетечка.

Была у нее черепно-мозговая травма. Муж поколачивал ее постоянно с различной интенсивностью, но в этот раз, видать, перестарался.

Стал светить мужику реальный срок за смертоубийство. Мужик, не будь дурак, купил тетрадь в клеточку и авторучку. Коряво и слезливо написал во все интимные органы нашего правосудия жалобы на врачей. Мол, поступила его жена в больницу с пустяковой травмой, а медики своими преступными деяниями загубили ее на корню. Он жену свою любимую и раньше бивал, но толковые врачи ее таблетками и ласковым словом в три дня в строй возвращали, а тут попались недоумки с купленными дипломами... «Что ж, – пишет, – мне теперь за всю нашу медицину – срок тянуть?»

Больная эта поступила к нам по «скорой помощи» ночью.

Без сознания. Все тело в кровоподтеках различной степени зрелости: от багрово-синих до отцветающих – желтых. Только на лице свежие фингалы – глаз не открыть.

Посмотрели головной мозг на КТ. Выявили массивную внутримозговую гематому, сдавливавшую правое полушарие головного мозга. На операции нашли хроническую гематому и свежий контузионный очаг в правой височной доле. Оперировал ее Саша Б., лечил как палатный врач – я.

II

Ну, значит, – умерла тетенька. Жалобы мужа сработали, как обычно, не сразу. Я совсем было забыл про этот случай, как вдруг вызывает меня к себе наш главный и говорит:

– Из прокуратуры на тебя жалуются: три повестки послали, а ты не являешься.

– А они эти повестки мне в почтовый ящик бросают! Ни за одну я не расписывался. И на повестках нет имени следователя, не указано дело, по которому меня приглашают. Такие повестки – недействительны!

– Борзеешь, юрист-любитель?

– Это я у Довлатова прочитал...

– Вот ты им в прокуратуре про Довлатова и расскажи! Сахарова еще помяни или Буковского с Солженицыным. Диссидент хренов! Вот тебе повестка! Они ее сюда принесли, и я за нее расписался. Вопросы есть?

– У меня сегодня – операционный день...

– А у нас незаменимых – нет. Пусть Нифантий помоется. Скажи, что я так распорядился. А по какому делу вызывают, в самом деле не знаешь?

– Не знаю!

– Ладно! Ты у нас уже ученый... На все вопросы там надо давать три ответа: «не знаю», «не помню», «забыл». Если это что по работе, то ничего они не нароют. Как обычно, станут выяснять, а имел ли ты вообще право лечить, оперировать и т. д. Да, и не был ли ты пьян или под наркотой. Как у тебя с этим?

– Бог миловал, – говорю. – Можно канать на исповедь?

– Дошутишься... Иди уж!

III

Не позавидуешь следователям, ведущим медицинские дела! Не знают они нашей специфики. Они, если им сто свидетелей не скажут, что вы плюнули на операции в рану, а потом добили пациента контрольным выстрелом в голову, доказать ничего не в состоянии. А потом: я в самом деле не помнил деталей этого случая.

Говорю:

– Там же в истории болезни все написано. Читайте, анализируйте. Пригласите независимого эксперта...

Как же, найдут они «независимого»? Разве что где-нибудь за Уралом. А до Урала мы со всеми водку пили. Да и дело это – обоюдоострое: сегодня ты – независимый эксперт, а завтра – я. А тут и жалоба – бредовая. Следователь это понимал и просто формально «отрабатывал номер». Вяло поспрашивал про то и се, махнул рукой и сказал, ухмыляясь:

– Следствие закончено, забудьте!

Однако отвертеться от этого дела совсем нам не удалось: Сашу и меня потянули в суд как свидетелей обвинения против этого убийцы!

IV

И вот – судный день. Скучно и грустно. И тут адвокат обвиняемого начинает задавать Сашке вопросы:

– А что значит «внутричерепная хроническая гематома»?

– Это такая гематома, которая имеет оболочки. Кровь внутри ее уже изменена.

– А за какое время свежая, «острая», гематома превращается в «хроническую»?

– Тут мнения ученых расходятся. По нашим данным – за три недели.

Адвокат достает какую-то бумагу и говорит:

– Есть заключение судмедэксперта. По его мнению, эта гематома существовала у больной не менее чем три месяца. Значит, образовалась гематома не после тех побоев, с которыми больная поступила в больницу. За три месяца до последнего поступления его жены в больницу мой подзащитный находился в наркодиспансере с алкогольным психозом. Вот справка из диспансера. Следовательно, эта гематома – не его рук дело.

Тут Саша стал клинически мыслить:

– Полученная травма (а у больной был свежий контузионный очаг височной доли) спровоцировала сдавление мозга уже имеющейся гематомой.

Короче: не побей ее муж в тот раз, она еще неизвестно сколько жила бы на радость всем нам с этой своей гематомой.

Адвокат достал другую бумагу:

– Но, по заключению судмедэксперта, больная умерла именно от этой гематомы, а не от полученных побоев, с проявлениями которых она поступила в больницу. Кстати, никем еще здесь не доказано, что именно мой подзащитный избил ее в последний раз! Известно – больная злоупотребляла

алкоголем. И, как утверждают свидетели, часто падала, ушибалась. Возможно, что она получила эту гематому в результате одного из таких падений три месяца назад.

И опять спрашивает Сашу:

– Вы как оперировали больную?

– Молча!

– А точнее?

– Сделал костно-пластическую трепанацию, удалил гематому. Оболочки мозга зашил, целостность черепа восстановил: костный лоскут уложил на его место. Понятно?!

– Более-менее... А вот, согласно работам НИИ нейрохирургии им. Бурденко, лучшие результаты дает операция, при которой делается всего одно небольшое отверстие в костях черепа и гематома дренируется тонкой трубкой, подключенной к специальному резервуару, обеспечивающему (цитирую!): «постоянные значения уровня разряжения в течение всего времени дренирования». Этим способом достигаются самые низкие показатели летальности после операции (в Бурденко – ноль процентов!). И рецидивы гораздо реже – пять процентов всего. Кроме того, применяются эндоскопические операции, когда гематома удаляется через небольшое отверстие с помощью специального эндоскопа. Летальность при таком способе у всех авторов – ноль! А вот при той операции, которую произвели вы, летальность составляет, по данным разных авторов, от десяти до двадцати пяти процентов!

Сашка взвился:

– Не показано ей дренирование! Там плотные сгустки были! А эндоскоп этот нам третий год администрация обещает, да все денег у них нет!

Тут адвокат почти слово в слово процитировал жалобу этого мужика:

– Что же, теперь моему подзащитному одному отвечать за бедственное положение всей нашей медицины?!

Короче, обул нас адвокат, а подзащитного этого чуть ли не в зале суда из-под стражи освободили.

– Слушай, Саша! – говорю. – Может, нам этого адвоката вместо тебя в дежуранты взять?

Но ведь не согласится, поди. Он и адвокатскую карьеру сделает будьте-нате, с такими-то знаниями нейрохирургии!

Anamnesis vitae

Один заключенный обломком безопасной бритвы вскрыл себе живот. На вопрос «Зачем?» объяснил, что хотел достать кишку и на ней повеситься.

Другой зэк доньшком кружки забил себе в голову дюймовый гвоздь. Гвоздь пробил лобную кость, повредил оболочки мозга и сам мозг. Поступил он к нам в больницу в ясном сознании, сам передвигался, был бодр и радостен.

«Гологоловый гад в кровавой луже»

Однажды весною, в час небывало жаркого заката, искал я на нашей больничной парковке свою машину между прочими «бентли» и «ламборджини». И вижу: из открытого авто моего хорошего товарища торчит объемистый женский зад, обтянутый белым халатом.

Во, думаю, дела: женщина-угонщик, да еще и в белом халате! Маскируется, зараза.

Но я ошибся! Нижние полушария сделали оверкиль: повернулись к авто задом, ко мне передом, и я увидел знакомое лицо заведующей нашей эндокринологией – жены хозяина машины.

Я поздоровался:

– Привет, Лола! Хочешь угнать семейную реликвию?! Водить научилась?

– Зачем «угнать»?! Километраж пробега записываю... – Лола помахала блокнотиком. – А то ездит неизвестно где...

Муж Лолы – до смешного целомудренный, несмотря на свое кавказское происхождение, человек. Многие больничные женщины серьезно обижены его невниманием. (Но мстят – Лоле.)

– Смешной ты человек, Лолочка! Твоего мужа как зовут? Ромео, если забыла. Он тебя так и любит, как Ромео! А ты километры считаешь...

Лола сделала плечами энергичное движение, которым полные женщины поправляют сместившийся бюстгальтер.

– Ромео?! Может быть... Только я – не Джульетта. Рожей не вышла.

Ни в чем нельзя быть уверенной...

Вот это – точно! И у меня нет «уверенности в завтрашнем дне», и во всем видится грустная сторона. Только началось лето, а уже прошла большая его часть. Смотришь на всю эту зелено-голубую, солнечную роскошь и тревожно думаешь: «Кончается! Скоро опять зарядит привычное – грязь, холод,

пьяные Деды Морозы, бешеный, как электричка, январь». Доживем ли до Пасхи? Доктора этого твердо уже не обещают.

Недавно хоронили нашу несколько месяцев назад ушедшую на пенсию доктора-гинеколога. Одинокая старуха. Жизнь прожила на работе. Муж, сам доктор, однажды не выдержал – ушел к молодой дуре и вскоре от этого умер. Дочь уехала за медиком-арабом в чужую страну. Сына от первого брака оставили бабушке. Холила она внука и лелеяла, как редкостный цветок. Мальчишка рос ласковым и разумным. Поступил в престижный вуз. Девушки от него – кипятком писали.

Бабушку он убил молотком. Судмедэксперты насчитали восемнадцать вдавленных переломов костей черепа. Мозг – всмятку. Вместо лица – отбивная. Хоронили в закрытом гробу.

Или планируешь, например, операцию. Обнадеживаешь больного, родственников его. В самом деле – чаще всего все проходит благополучно. Но всегда держишь в голове возможные ужасы: неловкое движение, кровотечение, отек мозга. Смерть на ровном месте после судорожных десяти дней на ИВЛ в реанимации.

«И что же это за результат, на что это похоже: гологоловый гад в кровавой луже» (с)^[13].

Люблю читать мемуары и книги типа «ЖЗЛ».

Последние три года замечаю: всегда лезу в конец книги. Болезненное любопытство сверлит: «А как он умирал?»

Знать бы при рождении, что так удачно начавшаяся жизнь рано или поздно кончается в зловонной яме. Можно было бы принять меры. Только вот – какие?

Anamnesis vitae

Худенький дед 65 лет. Был крупным специалистом по всяким подземным стройкам: метро, подземные коммуникации, военные ангары и т. д. объездил всю страну. Неисчерпаемый кладёзь всяких «случаев из личной жизни» и историй. Всегда весел, говорлив. Не таясь, засматривается на молодых сестричек.

Его жена, молодая бизнес-леди, часто уезжает в командировки. По дружбе сдает его на это время в больницу на сохранение.

Дед говорит:

– Вы бы пригласили ко мне психиатра.

– Что так? Единорог приснился?

– Да нет, настроение у меня в последнее время нехорошее: как-то тревожно, сплю плохо... Вроде всё как всегда, а гложет что-то, гложет... Даже не знаю отчего! Может, таблеток каких попить? Психиатры – они это умеют, наверное, таблетки-то...

У деда рак простаты. Метастазы в позвоночник. Получал химию и облучения. Полностью знает свой диагноз и перспективы. И в самом деле, какие тут могут быть причины для плохого настроения?!

Чукча и ее муж

Месяца три назад эта женщина была похожа на пьяную чукчу. От полученных травм головы лицо ее отекло, стало круглым – шире плеч, а глаза – узкими щелочками. При ходьбе ее шатало. Словом – пьяная чукча.

Она, ее муж и пятилетний сын попали в автоаварию. Муж, сидевший за рулем, пострадал гораздо серьезнее: тяжелая черепно-мозговая травма, множественные переломы. Хотя обычно в автоавариях тяжелее травмируется пассажир, сидящий справа от водителя. Женщина-«чукча» там и находилась. Мальчишка отделался ушибами и переломом плечевой кости

На заднем сиденье их перекоренной машины стояла корзинка с куриными яйцами. Ни одно яйцо не разбилось!

А теперь в моем кабинете сидит милая молодая женщина. Никаких следов перенесенной травмы! Умный взгляд, правильная речь. Светлая кофточка, серый английский костюм. Копна пепельных волос. Она у нас в отделении всем нравилась. Едва придя в себя после аварии, стала очень активно и разумно ухаживать за супругом, который лежал тут же. Месяц назад мы и мужа выписали.

Говорю:

– Какими судьбами? Стряслось что?!

– У меня – все нормально. Я о муже хотела поговорить...

– Ах, вот оно что! Как он? В сознании? Вас узнает?

– Узнает. У него и речь восстановилась. Только голос хриплый... Но вы говорили, что так и будет после трахеостомы.

– Обслуживает себя сам?

– С этим все хорошо. И в туалет сам ходит, и ест самостоятельно за общим столом. Недавно стал сам бриться. Плохо еще получается, но старается.

Думаю: «Что же ей надо? Все идет нормально. И даже лучше, чем можно было ожидать». За дверями кабинета по больничному коридору торопливо зашкрипели колеса каталки, и санитарка Римма заорала:

– Куда ж ты его вперед ногами, дура! Рано еще!

Словно подслушав мои мысли, женщина сказала:

– Я не жаловаться пришла, доктор. Нормально все идет и с каждым днем – все лучше. Но только это – не мой муж.

– Как это – не ваш?!

Женщина достала две фотографии:

– На этой – мой настоящий муж, а на этой – тот, кто живет сейчас у меня.

Со снимков на меня глянули два совершенно непохожих лица.

– Я думаю, доктор, что его в реанимации подменили. Там ведь постоянно больных перемещают. Меня туда пускали, насмотрелась... Или в отделении у вас. Повезли на перевязку из одной палаты, а вернули – в другую. А на койку моего мужа положили этого – постороннего. Они ведь все так похожи!! Лица – отечные, деформированы, синяки... Там гипс, там повязки. Все – одинаковые. Как коконы. Когда его выписали, я сына на время к бабушке отправила. А то, думала, будет потом отца бояться.

А когда муж... Когда этот человек стал чуть-чуть получше выглядеть – привели к нему Игорька. Игорь глянул на него и – в слезы: «Это не папа!» А Дмитрий (я его, как и мужа, Дмитрием зову) ребенка узнал! Захрипел радостно. Обнять попытался. Я к этому времени тоже стала что-то подозревать... Вы – доктор, вам можно рассказать. Дмитрий этот стал очень настойчиво мною как женщиной интересоваться. Вот у нас и случилось... Мой Митя слаб был в этом деле, а тут... Раньше я такого – не испытывала.

А когда у Дмитрия этого отеки и синяки сошли, я поняла окончательно – не мой это муж! Как же так, доктор? Я тоже виновата, конечно, – недосмотрела, не узнала, но вы-то? Где мой настоящий муж?

Оставил я женщину в кабинете, и стали мы всем коллективом лихорадочно рыться в архиве, звонить, выяснять. И нарыли! Вместо Дмитрия Александровича Х, мужа этой женщины, выдали мы ей на руки Дмитрия Алексеевича У. Первый, Дмитрий Х – умер и был похоронен группой товарищей по работе как Дмитрий У.

С трудом подавил я в себе желание бежать тотчас же в приемную к главному с заявлением на увольнение по собственному желанию. А до увольнения – на больничный, к неврологам-психиатрам-наркологам! Чтоб подальше и понадежнее упрятали.

Но я не побежал, а пошел в свой кабинет, где в углу дивана дремала вдова Дмитрия Х. Все я ей рассказал и покался. Ни рева, ни истерики не последовало. Вдова высморкалась в платочек и сказала:

– А может быть, это – судьба?

– Что значит «судьба»?

– А то, что мужу моему уже не поможешь. Вы сказали, что этот Дмитрий У – одинок?

– Ну да. Он приехал в наш город по приглашению, как ценный специалист. Но семья его здесь – трагически погибла. Горевал сильно. А потом бросился вниз с пятого этажа. Так он оказался в этой больнице, одновременно с вами и вашим мужем.

– А что его друзья о нем говорили? Ну те, кто забирал моего мужа?

– Да ведь об умерших, сами знаете, как говорят! Он и работал у них всего ничего – чуть больше года. Но жалели, что такого специалиста потеряли. Говорят – настоящий профи. Спокойный, выдержанный, не пьет.

– Не пьет...

Тут я понял, что надо ковать, пока горячо. Говорю:

– Знаете, а может быть, вы и правы. Давайте сделаем так, чтобы никто не пострадал. Можно оставить так как есть. Живите с этим Дмитрием как со своим мужем. Устроить это – несложно. Собственно, все уже и устроилось. Можно, конечно, не возбуждая толков, все «переиграть». Но это и долго, и хлопотно: признать, что ваш муж все-таки умер, выправить бумаги, изменить надпись на памятнике... А вашего вновь приобретенного мужа – пристроить в богадельню...

– Почему – «в богадельню»?

– А куда еще? Одинок, больной, никому не нужный человек, потерявший всех близких...

– Нет! Давайте я подумаю не спеша, поговорю с Дмитрием. А вдруг он – против?! И вот что еще скажите: почему он меня узнает? И ведет себя так, как будто знает меня сотню лет?

– Сами сказали – судьба. И почему вы думаете, что именно «узнает»? Вы – первая, кого он увидел, выйдя из комы. Кто его знает, что там произошло в его сознании. И может быть, это еще и любовь. Вы это исключаете?

Тут жена двух Дмитриев стала торопливо прощаться:

– Я позвоню вам, доктор. Мы все обсудим. Если что, поможете нам?

– Конечно! Это ведь и в наших интересах тоже. Мы с себя вины не снимаем. До свидания. Буду ждать вашего звонка.

До сих пор жду, но женщина, бывшая чукчей, мне не звонит.

Anamnesis vitae

В 90-х годах в нашей области славилась акушер-гинеколог Октябрина. Орала она и ее подручная акушерка тетя Моня на бедных рожениц безобразно: оскорбляли, случался и мат. Но все женщины хотели, чтобы роды у них принимала эта «сладкая парочка» – Октябрина и Моня.

Главный врач, узнав о таком хамстве, Октябрину и Моню вздрючил. Хотя он сам был еще тот любитель изящной словесности. Родовосприемницы обиделись и стали принимать роды через «пожалуйста» и «не затруднит ли вас». Пошли осложнения и кесаревы сечения (последние ранее считались показателем плохой работы). Главный опять объяснил им, как умел, что они неправы. Крики «Тужься, корова!» вновь зазвучали в родилке с прежней силой.

Побратимы

Сразу хочу сказать: все, о чем я сейчас расскажу, происходило в прошлом. В этом недалеком прошлом врачи у нас были очень хорошими, а медицинская техника и приборы – очень плохими. А говоря проще – не было их вовсе: ни техники, ни приборов, ни хороших, ни плохих. С лекарствами тоже было херовато. Сейчас у нас все наоборот, но не об этом речь. В том недалеком прошлом, во время ныне ругаемой перестройки, нас сильно полюбили на Западе. Из города-побратима нашего Энска – Джексонвилла, штат Флорида, заездили к нам делегации американских врачей, а мы стали бывать у них. Чтобы, значит, удивляться друг другом. Мы удивлялись чудесам их медицинской цивилизации и уровню «Ох и живут же люди!», но и у нас было чем их удивить.

Оперировал я как-то опухоль глубоких отделов мозга, а американский нейрохирург, доктор Скат мне ассистировал. Следящей аппаратуры у нас, повторяю, – ноль. Пульс и давление у оперируемого больного измеряла «вручную» анестезистка, докладывала о результатах анестезиологу и рисовала в наркозном листе «великую китайскую стену»^[14].

Как-то я осматривал коматозного больного в реанимации. А в это время медсестра, блонда Римма, вдумчиво считала пульс у этого же болящего, посматривая на ручные часики.

Спрашиваю:

– Что это ты делаешь, Риммуля? У тебя же на часах секундной стрелки нет!

– А я наизусть считаю! – ничуть не смутившись, сказала маленькая стерва.

Залезли мы со Скотом по самые локти в головной мозг. Четких границ у опухоли нет. Убрать ее всю – невозможно. Анестезиолог нервничает. А Скат вошел в раж и все меня теребит:

– Давай еще в третий желудочек заглянем!

У них в Америке, чтобы мне в операционную войти, надо было соблюсти десятки условий: согласие больного на мое присутствие в операционной, мой кал на яйца глист, тест на трезвость и так далее... А о том, чтобы ассистировать американцам – и думать не могли! Зато американцы у нас по полной душу отводили! До всего, что у них нельзя и за что в Америке наступает «Wanted!», они дорывались у нас с упоением!

– Хорош, – говорю, – коллега Скат! Компьютер пишет брадикардию^[15], и давление у больного зашкаливает! Заканчиваем!

– Где компьютер?! – всполошился Скат, все уже понявший о нашей медицине.

– А вон он, на длинных ногах! – мотнул я головой в сторону все той же Риммы, неустанно считающей пульс у больного. При этом она так интимно склонялась к больному, что ее золотистые, в лучах пробившегося в операционную солнца, колготки легко обозревались до промежности. Мы-то что – привыкли, а Скат тут же отвлекся, и операцию удалось закончить.

В другой раз душно мне стало в операционной.

– Включи-ка, пожалуйста, кондиционер! – попросил я санитарку.

Ассистирующий мне в очередной раз Скат стал озираться, ища глазами кондиционер. Санитарка открыла форточку.

Вот что еще интересно. Скат приезжал к нам всегда в сопровождении своей помощницы Синтии. В Америке он к ней ближе чем на метр не подходил. Общался с ней только по делу, доброжелательно, но в рамках строгого приличия. У нас, особенно в конце срока, ходил с этой Синтией по отделению разве что не в обнимку! И под наших девушек клинья бил! Синтия ему за это сцены делала.

Как-то, во время приезда очередной делегации врачей из солнечной Флориды в наш выросший в вечную мерзлоту Энск, удалял я грыжу то ли L4-L5 то ли L5-S1^[16] – не суть: там все рядом. Тогдашний заведующий все бегал в операционную и спрашивал:

– Можно американцев пригласить? Они очень хотели посмотреть, как мы это делаем.

Вот беда! Не всё, значит, наше дерьмо они еще увидели!

И тут что-то из механизма операционного стола вытекло, и стол вместе с больным начал стремительно опускаться. Операционная рана очутилась где-то на уровне моих колен.

Что делать? Тащить разрезанного больного в другую операционную? Свободных – нет, да и тащить далеко. Чинить стол прямо под больным? Невозможно. Но и оперировать я теперь могу только встав на колени.

Нашли выход. Перевернули вверх дном таз, накрыли его стерильными простынями. Я сел на этот трон и, согнувшись в три погибели, смог кое-как продолжить операцию. Сказал заглянувшему в очередной раз в операционную заведующему:

– А вот теперь – зовите американцев!

Но нет худа без добра! Через какое-то время подарили нам американцы новый навороченный операционный стол, отличную биполярную коагуляцию, регулируемые вакуумные отсосы.

Они в то трудное время очень во многом нам помогли.

Шутка ли, привезли кардиохирургам подержанный АИК^[17] провели десятки показательных операций на сердце, а когда наши эти операции освоили, «премировали» их еще одним, уже новым АИК и набором современных инструментов.

Так что когда теперь многие ругают американцев, я с ними – не соглашаюсь.

А наш завтравмой, доктор П., рассказывал «за Америку»:

– Очень я хотел у них одну операцию подсмотреть! Но как только они ее начали – у анестезиолога какой-то прибор, в виде шкафа с лампочками, отключился. Загальдели они по-американски и стали операцию отменять. А я – «хлоп!» ладонью по прибору, как по своему телевизору, – он и включился! Так эти чудачки все равно не стали оперировать! Надо, мол, вызывать специалистов, тестировать, регулировать, разбираться... Одно слово – америкосы! Так и не посмотрел я операцию. Подарили они мне книгу по этой методике, так она – на английском!

Один пожилой французский нейрохирург все ходил по нашему отделению, улыбался и головой кивал. Уезжая, сказал:

– Знаете, я в молодости в Африке работал. В вашем отделении я вновь почувствовал себя молодым!

Anamnesis vitae

Учась многие годы лечить, поневоле научаешься и убивать.

Судьба не лечится

Некоторые больные, что с ними ни делай, упорно лезут на тот свет. Как будто ждут их там и срок встречи давно назначен.

Прихожу на работу и в реанимации обнаруживаю сына своего соседа по лестничной площадке. Идиот этот спер у папы ключи от машины и по пьяни въехал в столб. Машина – в хлам, череп идиота – того хуже: обе лобные доли мозга размазались по рулю. Дежуранты произвели над ним филигранную нейрохирургическую операцию: выломали на хрен «пассатижами» внедрившиеся в мозг осколки костей черепа и отсосали большую часть мозга, разбитую всмятку и похожую... Правильно! На манную кашу пополам с малиновым вареньем. Над всем этим безобразием красиво ушили мягкие ткани.

К утру парень был уже в сознании. Спрашиваю:

– Что ж ты, Костя, папин «лексус» так уделал?! Убьет тебя папаша, если жив останешься!

– Зачем «убьет»? Это же я машину разбил! Не чужой какой-нибудь...

В предбаннике реанимации мама Кости уже всю плешь проела папе на тему: «Где хранить ключи» и «У всех муж как муж, и только моему все по фигуре: и жена, и дети. Одни девки и выпивка на уме».

Рассказал я им о Костиных делах и посулил благоприятный исход.

Не тут-то было! В пустое место Костиного черепа набежала кровь. Образовалась массивная гематома, которая сдавила остатки его бестолкового мозга. Костя впал в кому и стал целенаправленно отбрасывать тапочки. Взяли мы его еще раз в операционную и удалили гематому. У Кости развилась деструктивная пневмония, и он половину легких выкашлял на потолок через трахеостому.

Кое-как справились мы и с пневмонией, и тут же у Кости возникло массивное желудочное кровотечение. Это не редкость у больных с тяжелой черепно-мозговой травмой. Кое-как, с чехардой: «отделение – реанимация; реанимация – отделение» и так пять раз, остановили и кровотечение.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Настал-таки день, когда мы осторожно заговорили о выписке. Тут Костя и его родители встали на дыбы!

– Это как же он с таким дефектом в костях черепа будет жить? А если упадет или кто из друзей кулаком в дыру въедет?! Опять же, мы новую машину купили...

Объясняли мы долго, что не стоит торопиться и закрывать дефект. Говорили, что слаб еще Костя и что надо, как минимум, с полгода подождать... Родители кивали и даже как будто соглашались. А потом поднялись на крыло и увезли сына в Москву, где в больнице Икс, за немалые деньги, закрыли Костину дыру дешевой пластмассой.

После этого Костю стали бить судороги. А так как (напоминаю) жили они со мной на одной площадке, то через две ночи на третью меня начали призывать к содрогающемуся в пароксизмах Косте. В конце концов Костя впал в эпилепсию^[18], из которого его удалось вывести только хирургическим удалением пластмассовой пластины, закрывающей дыру в его черепе.

А еще через два месяца Костя попал уже в гематологию с дебютом миелолейкоза, который, несмотря на все медицинские усилия, свел его в могилу. Были по этому поводу длительные разбирательства и пересуды. Как же в самом деле: произвели во время всех Костиных злоключений бесчисленное количество анализов, а заболевание крови – не диагностировали! Но сколько мы ни анализировали старые истории болезни и стекла с мазками Костиной крови, указаний на возможный лейкоз – не обнаружили.

Через год после смерти Кости, пришел ко мне домой его отец с бутылкой водки:

– Извини, – говорит, – что не коньяк, но поминают всегда водкой. Давай выпьем и помиримся!

– А мы – ссорились?

– А то! Мы ведь все бумаги на тебя для прокуратуры подготовили, но я сказал: «П. К. – человек!» Уважаю, хоть ты нашего Костю и загубил! Не бзди! Не будем мы никуда писать. Проехали.

Что делать? Выпили, помянули.

Но мать Кости при встрече старается на меня не смотреть и не здоровается.

Anamnesis vitae

В Кабарде, в Заюково, жил легендарный целитель Адам. Лечил он не лекарствами, а словом, советами. У дверей его полуразвалившегося дома всегда толпились люди.

Однажды к Адаму пришла чета супругов. Оба они были очень толстыми. К Адаму они обратились в надежде похудеть. Адам посмотрел на них, горько улыбнулся и сказал, что не о том они беспокоятся, и что через полгода один из супругов умрет. На вопрос «кто?» он ничего не ответил и занялся следующим больным.

Через год эти люди вновь обратились к Адаму, уже с претензиями:

– Прошел год, но мы оба живы и здоровы!

– А что вы хотели год назад? – сказал Адам. – Посмотрите на себя!

За год любящие супруги, ожидая неминуемой смерти одного из них, извелись так, что страшно похудели.

I

Мой хороший знакомый и коллега (назовем его Борода) долгое время жил холостяком. Привычки он имел соответствующие. Все они были связаны с неумеренным употреблением алкоголя и женщин. Но в душе Борода был человеком домашним и тяготеющим к семейному уюту. Поэтому рестораны и прочий казенный общепит он не жаловал и все пьянки-гулянки праздновал по-семейному, у себя на квартире.

Естественно, что такое его счастье огорчало многих, а пуще всего – соседей. Они неустанно направляли кляузные эпистолы во все внутренние органы нашего города с требованиями покарать вертопраха. Мол, громкая музыка до утра, на лестнице от перегара не продохнуть и диваном Борода скрипит так, что два подъезда с ритма сбиваются.

Конечно, куда им, убогим, поспеть за Бородой! Он ведь, в самом деле, имел черную разбойничью бороду, зверский сверкающий взгляд и неутомимость секс-машины с электрическим приводом. Женщины постоянно теряли у него на дому головы и прочие предметы интимного туалета. О том, что Борода шизофреник, тогда никто не догадывался.

Кляузы доходили и до администрации больницы. Но Борода никогда похмельем не страдал, всегда был собран, пунктуален и работоспособен. Поэтому в личную жизнь его начальство не считало необходимым вмешиваться и оставляло кляузы без последствий.

Соседям Борода мстил следующим образом. В теплую погоду, дождавшись, когда под его окнами соберутся погреться на солнышке соседские бабушки – старушки и мамки с колясками, Борода выставлял на подоконник открытого окна колонки проигрывателя и запускал на средней мощности, дабы децибелы не глушили кладбищенскую тоску, запиленный виниловый диск фирмы «Мелодия» с «похоронной» музыкой.

Особым успехом пользовался «Граурный марш» Фредерика Шопена, он же – Соната № 2, оп. 35, часть 3. Уже после первых рвущих душу тактов вступления старушки поспешно покидали насиженные места и отправлялись сочинять очередную коллективную жалобу на нашего меломана. Мамаши же с колясками, наоборот, усаживались поудобнее на нагретые бабкиными задами скамейки и закуривали: детишки под траурного Шопена и скорбного Мендельсона спали лучше, чем под надоевшие колыбельные типа «Спи моя радость, усни».

Приходившему вскоре участковому, Борода демонстрировал диск и декламировал:

– Поправьте меня, пожалуйста, если я неправ, но ни Шопена, ни Перселла, как мне кажется, у нас никто не запрещал! Я, видите ли, люблю эту музыку и слушаю ее строго после семи и до двадцати двух. Какие могут быть претензии?!

Участковый, проконсультировавшись в очередной раз по поводу своей эпилепсии и неизлечимой стервозности жены («А нет ли у нее психического заболевания?»), уходил писать рапорт о том, что меры к нарушителю приняты.

II

Удалить некоторые опухоли мозга так же просто, как из торта под названием «Киевский» удалить орехи, сохранив при этом все кондиции торта: форму, кремовые завитки, коржи и так далее. Словом, это должен быть все тот же киевский торт, но без орехов. Вот и мозг надо лишать опухоли так, что бы все структуры его сохранялись и были работоспособными.

В тот день мы с Бородой как раз отковыривали такую опухоль, примостившуюся на основании мозга, в самой середине куста из мозговых артерий и вен. На пятом часу операции, когда стало совершенно ясно, что мы не сможем удалить опухоль целиком, Борода сказал, тыча наконечником аспиратора в опухолевый узел:

– Вот тут, за углом, всегда такой бардак! Шумно и плохо пахнет.

– Шутки шутишь? Ты, Михаил, лучше суши тщательнее! Видишь, сопливет на полвторого! Деятель! Пахнет ему! Не нюхай.

– Что мне – «нюхать»? У меня самого точно такая же опухоль. Уже в нос проросла, и запахи я не чувствую...

– С чем тебя и поздравляю! Только ты уж определись: «воняет» или «запахи не чувствую»? И давай-давай, не спи! Завтра, кстати, приходи на работу пораньше. Мы с тобой вдвоем остаемся: Нифантий себе отпуск продлил. Из Крыма он, хрен старый, выбраться не может. Каждый год одно и то же! И Мария на три дня отпросилась. Свекровь у нее умерла. Отпустил. Нельзя же девушке такой праздник испортить!

* * *

Поздно вечером мне позвонил зам главного врача большой ЦРБ, расположенной в городке неподалеку от нашего областного центра.

– Что это вы нас решили проверять? И зачем ночью и так аврально? Прямо не проверка, а захват подпольной нарколаборатории ОМОНОм!

– А вас только так и надо!

– Нет, серьезно! Приехал этот ваш доктор... Который с бородой! В десять вечера явился и потребовал предъявить истории болезней всех больных с нейротравмой. Ночью сделал обход и такого понаписал в историях! Теперь нас всех тут под суд можно отдавать!

Говорю:

– Давно пора!

А сам думаю: «Допился-таки, Мишка!»

ЦРБ продолжает кипятироваться:

– Если нас – сажать, так вас всех давно расстрелять пора без суда и следствия! Уж извините за откровенность! Вот что он написал в истории больного Сергеева (мы этому Сергееву двухстороннюю трепанацию черепа сделали, но патологии не нашли)... Но и у вас такое бывает, наверное? Пишет,

значит: «Изучать неврологию надо, а уже потом лезть с немытыми руками оперировать черепно-мозговую травму». Это что?!!!

Показали ему больного, которого мы хотели выписать домой на долечивание, так он взвился: «Как это домой?! С трахеостомой, с мочевым катетером, с зондом в желудке, с пролежнями?!» И написал... Где это? Ага, вот: «Нельзя свое говно по невинным размазывать! Нельзя решение проблем медицины перекладывать на самих больных и их родных».

Сейчас он в моем кабинете с родственниками больных беседует. На предмет взяток. Расспрашивает, кто кому сколько дал и за что. Я понимаю: пришло новое начальство, новые методы контроля. Но не до такой же степени! Поговорите вы с ним! Мы тут сами наведем порядок. Не впервой. А истории – перепишем!

Я позвонил Бороде на мобильник:

– Ну что, Миша, заканчиваешь? Ты вот что сделай: собери все истории, в которых ты сделал записи, и привези сюда. Проанализируем, примем меры. Тамошние лиходеи пусть пока дубликаты историй заведут. Или мне лучше самому подъехать? А то местное начальство мне уже названивает...

Борода спокойно ответил:

– Сам справлюсь! А вот с историями вы хорошо придумали. Тут такое творится! Завтра утром расскажу.

III

Но утром Борода на работу не пришел. Запланированная операция повисла в воздухе. И тут же мне донесли, что с сегодняшнего дня Михаил находится в отпуске. Было, мол, от него заявление, и главный его подписал.

Побежал к главному:

– А вы знаете, В. К., что я один остался в отделении? Как вы могли подписать заявление Бороде, не спросив меня?

Главный помрачнел:

– Как это «один»?

Секретарь нашла Мишкино заявление. Вот его текст: «Прошу предоставить мне отпуск, в связи со смертью моей свекрови на десять рабочих дней». В верхнем левом углу Борода написал за меня, не меня своего почерка: «Не возражаю. Зав. отделением (ФИО)» – и спародировал мою подпись. Тут же красовалась разрешающая виза главного врача: «В приказ».

– У Бороды не может быть свекрови... Он все-таки мужчина. У него и тещи быть не может. Он не женат.

– Что значит «не женат»? Он уже полгода как женился на своей однокласснице из Ростова. Мне это зав. облздравотделом сказал. Миша ведь его протеже. Вот он и приглашал босса к себе на свадьбу.

– И что? Сходил босс на свадьбу?

– Нет.

– Не удивлюсь, если никакой свадьбы и не было! Женился! Да наши больничные тетki за полгода до свадьбы все бы знали! Не верю!

Но я ошибся. Часов в шесть вечера, когда я уже закончил операцию (в ассистенты пришлось взять небритого и не выпавшегося дежуранта, задержав его после смены), в ординаторскую пришла сильно беременная и заплаканная девочка. Девочка похлопала носом и объявила себя женой нашего Бороды. Сам же Борода, с ее слов, нашел себе пристанище в психиатрической больнице.

Жена поведала нам его печальную историю. Утром Борода на работу не пошел. Сидя в трусах на постели, он читал истории болезни, привезенные им из злосчастной ЦРБ. Делал какие-то пометки, куда-то звонил и вел долгие профессиональные разговоры. Суть этих разговоров жена не уловила.

– Но ругался очень! – сокрушалась беременная сирота.

Затем Борода оделся и пошел «погулять». Жена последовала за ним на некотором расстоянии. Борода зашел в дорогой ресторан и в полупустом зале занял угловой столик. Жена присела там же. Борода заказал себе чай без сахара и тарелку гречневой каши без масла. Официант отказался было принимать такой заказ, но Борода поднял на уши всю администрацию ресторана: «Значит, как бандитов и проворовавшихся чиновников с олигархами устрицами кормить, так вы „будьте любезны!“, а как покормить простого врача кашей, так „пшел на хуй“?!»

Вскоре несладкий чай и сваренная в отдельной кастрюльке гречневая каша явились на столе перед доктором.

Поев, Борода заявил, что денег у него нет.

– Но я взамен денег могу вам прочитать лекцию! На любую тему. Рекомендую лекцию о вкусной и здоровой пище. Вам это будет интересно. А еще лучше, я вам станцую! – И, не дожидаясь согласия, Борода принялся танцевать.

– Такой дикий танец! – рассказывала мне его плачущая жена. – Ни на что не похоже! Я так испугалась!

Когда ресторанный челядь стала говорить танцующему, что денег им не нужно, Борода пришел в ярость и принялся крушить помещение. Перебил посуду, сломал несколько столиков. Ворвался на эстраду и разгромил ударную установку.

Подоспевшая милиция с большим трудом фиксировала нашего коллегу, но в отдел его не повезла: безумие было слишком явным. Милиция вызвала на себя специализированную бригаду «скорой», и Бороду увезли в психбольницу.

Вышедший на работу через два месяца Борода был тих и печален.

Как-то он пожаловался мне:

– Больше всего я боюсь, когда у меня появляется намек... Да, только намек на хорошее настроение!

Вскоре после выписки жена его родила девочку с черными и тревожными, как и у Миши, глазами.

И вот что удивительно: Борода всегда не любил рестораны, но и первый приступ безумия, и все последующие случались с ним именно в этих злосчастных местах. Так, однажды он выпил в баре двенадцать коктейлей и, заявив, что степень его опьянения не соответствует количеству выпитого, потребовал выдать ему весь недолитый в коктейли коньяк в чистом виде. «Иначе, – кричал Борода, – я сейчас же поеду к судмедэкспертам и сдам кровь на алкоголь! Если в ней алкоголя будет мало – под суд пойдете!» Коньяк ему выдали, но тут же, втихаря, вызвали милицию, а та уже определила Мишу в психиатрию.

Психиатры Бороду жалели и долгое время не определяли его на инвалидность. А у нас ничто не поворачивалось поставить вопрос о его трудоустройстве. Жена, маленькая дочь... Нейрохирургическая зарплата была побольше, чем в любом из тех мест, куда мы могли определить Бороду.

Но однажды он пришел на очередную психиатрическую комиссию и выложил на стол груды медикаментов, которыми его снабжали добрые психиатры бесплатно.

Миша сказал:

– Я это никогда не пил и пить не буду! У меня жена молодая, и мне не хочется огорчать ее своей несостоятельностью: от ваших таблеток совершенно не стоит! Что мне теперь, на виагру всю жизнь работать?!

Тут же его определили на вторую рабочую группу инвалидности, и Миша уволился.

Дружбу с ним мы не прерывали. Я частенько бывал у Миши дома.

Складывалось впечатление, что в его квартире постоянно шел ремонт, но это было не так. Просто, начав дело, Борода редко доводил его до конца. Решив, например, починить люстру, он ставил под ней стол, взваливал на него книги, чтобы по ним подобраться к проводке, но ничего сделать не мог, а стол так и оставался стоять, загромождая комнату. И так во всем. Посередине этого хаоса бродила одинокая малышка с сопливым носом и растерянная жена Бороды с тряпкой в руке.

А потом Борода и его девочки исчезли. Соседи рассказали, что однажды к дому подкатил грузовик, и работяги побросали в его нутро все нехитрые пожитки Мишиной семьи.

Сам Борода с домочадцами сел в такси и убыл в неизвестном направлении. По нашим агентурным данным, из квартиры Борода не выписался. С работы он не увольнялся, и его трудовая книжка до сих пор хранится в сейфе отдела кадров.

Anamnesis vitae

Заведующему нашим урологическим отделением 65 лет. Как начал он в молодости бегать марафонские дистанции в погоне за здоровьем, так и бежит до сих пор. Чуть где объявят о марафонском забеге в честь какого-нибудь праздника, так он сразу летит туда со своими тапочками.

После каждого марафона месяцами лежит в кардиологии. На работе мы его почти не видим.

Сын нашелся

– Алло! Это 7440209? Прошу меня простить, но ваш телефон я нашла в записной книжке моего сына. Знаете, я его, сына, второй день ищу. Ушел с приятелями, и вот все нет и нет... Может быть, вы что-нибудь о нем знаете?

Зовут Михаилом... Михаил Вышеславцев. Что?! Он у вас?!

Ой, подождите минуточку... Голова... Что-то худо стало... Я ведь уже все больницы обзвонила и морги!

Как «не все»? Я по справочнику везде звоню. Всем его приятелям, на вокзалы, больницы, отделения милиции... В ФСБ и наркоконтроль звонила...

С ним все в порядке?

Говорите, руки-ноги целы и вообще приличный парень? Одет чистенько?

Да он хороший у меня мальчик.

Только слабохарактерный. Предложат выпить, нюхнуть, уколиться – за компанию всё сделает.

Аспирантуру бросил...

Сколько его лечили. И у Маршака, и у Назаралиева. От пьянки, наркотиков.

Женился. Жена – дура. Он чуть свет на работу убегает, так она и не встанет. Ни завтрака, ни кофе с бутербродом. Так весь день и носится по больнице на одних сигаретах. Желудок болит, язву нашли.

В этом году плюнула я на его женульку и повезла Мишку прямо насильно в отпуск, на море.

Разделся он на пляже – смотреть страшно: кожа да кости. Бледный. Вся спина в прыщах...

Месяц его откармливала. К концу отпуска на человека стал походить: глаза заблестели, улыбаться стал...

Вы его к телефону позовите...

Нет, не надо. Я сейчас сама подъеду на такси...

Говорите, не увезти мне его на такси?

Понятно. Значит, опять напился. Вы уж его утром никуда не отпускайте. Скажите – мать приедет. Продиктуйте, пожалуйста, свой адрес...

Так, записываю...

А квартира? Не ошибусь?

Хорошо. Спасибо вам большое.

Голос у вас приятный. Трезвый. Может быть, мой Миша, наконец, в хорошую компанию попал. До свидания... Утром увидимся.

Женщина вздохнула и положила телефонную трубку.

На другом конце провода сделал то же самое и санитар морга:

– Как это ее так угораздило удачно ошибиться номером! Миша...

Вон какой смиренный лежит. Целехонький. Видно, передоз...

А компания у него в самом деле приличная: на соседнем столе – наш профессор после аортокоронарного шунтирования. Слева деваха – блондинка после криминального аборта... А вон тот – звезда: певец из соседнего кабака...

Никаких бичей и бомжей... Чистая публика.

Пойду и я спать. Дело к утру...

Жмуриков больше не привезут – мест нет.

Утром мамка этого Миши нальет мне не радостях: шутка ли – сына пропавшего нашла!

Кончились, стало быть, теперь все ее страхи и заботы!

Anamnesis vitae

Иногда неосознанно, подсознательно, человек хочет заболеть. Он и болеет, и болеет, при отсутствии болезненного субстрата. Но придуманная болезнь не делается легче от того, что она не существует: человек может от нее погибнуть, а при вскрытии ничего не найдут.

Но если есть самовнушенная болезнь, то должно быть и внушенное выздоровление. Главное, чтобы человек хотел выздороветь и верил в выздоровление. На этом желании и вере и основаны все чудесные исцеления.

Прощание с Новым годом

Ах, Новый год! – говорят, – Новый год! Новое, мол, счастье и прочие успехи в личной жизни. Для кого Новый, а для кого и Последний! Лично знаю с десятков людей, для которых дело обстоит именно так. И что в нем нового? Все старое никуда не исчезает, а плавно перетекает из года в год. Переливается пустое в порожнее.

* * *

Найти тридцать первого декабря в больнице нормального человека – совершенно невозможно! Все бегут, спешат, горячатся и опаздывают. Спешащие выписаться «под елочку» больные осаждают ординаторскую и кабинет старшей сестры. Врачи – неуловимы. Сестры лихорадочно румяны и предвкушают. Все говорят громко и разом, не слушая друг друга. Часто и немотивированно смеются.

Тихо и уютно только в холле, где стоит наряженная елка. Зеленый такой маячок, посылающий добрые лучи из детства.

Зазвал в кабинет Липкина.

– Слушай, Иосифович. Еще раз напоминаю: я уеду из города до второго января. Все вызовы и срочные консультации – на тебе. Договорились?

Тут же пришла начмед и стала нудить о том, что отчет за год надо сдать не позднее пятого января.

– Естественно, Ольга Сергеевна! – говорю я. – Не вопрос! Как из пушки и именно пятого!

К отчету я еще не приступал. Как-то так повелось, что пишется он в последнюю ночь перед днем сдачи.

Позвонила жена и долго перечисляла, что я должен прикупить к столу. «Хорошо, хорошо, хорошо, – соглашаюсь я со всем. – Обязательно! Нет, не опоздаю... Еще бы... Целую!»

Пришли тетки из пятой палаты:

– П. К.! Нельзя ли хоть на Новый год убрать из нашей палаты эту молодуху с дитем? Ни днем ни ночью покоя нет!

Эти тетки уже слоновью тропу ко мне протоптали со своими претензиями! Хорошо, что перед праздником есть места в люксах. Юную мамашу и ее гидроцефала переводим в одиночную палату с душем и туалетом.

– Нет, – говорю, – Юля, платить ничего не надо. Лежите в праздники здесь. Но когда появится платный клиент – придется перейти в другую палату. Уж не обижайся!

Пришла дикого вида девка лет пятнадцати. Вся в перстнях, прыщах и пирсинге. Стала просить, чтобы ей разрешили побыть с умирающей матерью в реанимации. Позвонил я в реанимацию Альберту, и тот дал добро. Получив такой подарок, счастливая девица ушла, позванивая колокольчиком в носу. Славная у нее будет новогодняя ночь!

Как трамвай на стыках, день догрохотал до позднего вечера. Я сел поудобнее, вдохнул поглубже, сделал беззаботное лицо и позвонил домой жене:

– Слушай, жена! Тут такое дело! Вызывают меня в город Н. Срочно. Там у них больной затяжелел... Я понимаю! Я согласен! Но что мне прикажешь делать?! Не ехать?! Давай не будем... Что значит «как всегда»?

Бросила трубку. Я оделся. Попрощался с дежурными. Еще и еще раз поздравил их с Новым годом и посочувствовал. Но они, похоже, не очень грустят. В праздновании Нового года на работе в отделении – масса привлекательного и неповторимого!

Вышел из больницы. Обошел ее и вернулся в здание через неприметную дверь. По черным лестницам, коридорам и переходам добрался до запасного входа в наше нейрохирургическое отделение. Своим ключом открыл дверь и незамеченным проскользнул в кабинет. Закрылся на задвижку. Зажег настольную уютную лампу. Поставил на стол вазу с еловыми ветками и прикрепил к ним два блестящих шара. Рядом с вазой зажег свечу. Запахло хвоей. Выставил на стол корзинку с мандаринами, а из холодильника достал бутылку коньяка. Включил вполголоса магнитофон. Окуджава запел:

Ель
моя,
Ель,
–
уходя
щий
олень
,
зря
ты,
навер
но,
стара
лась:
женщ
ины
той
остор

ожная тень
в
хвое
твоей
затер
ялась
!

Я добился нужного: аромат хвои и мандаринов смешался со священным запахом дымка свечи. Мерцают елочные шары, фиолетовые тени от хвойных лап колеблются на эмалевой стене. Налил коньяк в широкий стакан и с наслаждением выпил. Стало светло и спокойно. Установив таймер в телевизоре на 23.55, я растянулся на заслуженном диване.

Уже засыпая, я слышу громкое тиканье часов. Но часов в кабинете нет. Что они отсчитывают, эти призрачные часы? Что произойдет, когда они остановятся?

Anamnesis vitae

Доставили к нам побитого гражданина. Побитый плакал, проклинал Америку, негров и почему-то ООН. Чуть протрезвев, рассказал, что в ресторане «Юбилейный» его побили американские полицейские. Посмеялись мы над этим пьяным бредом.

В дальнейшем узнали, что по приглашению УВД в наш город приезжала в порядке дружественного обмена делегация американских полицейских из Джэксонвилла (Флорида). В тот день русские менты задавали им в ресторане прощальный пир. Наш будущий пациент попытался поговорить с гостями на английском языке и, натолкнувшись на полное непонимание, обозвал копов «мазефакерами». Американцы обиделись и всем коллективом его отдубасили при молчаливой поддержке наших милицейских.

Нерождественский рассказ

Утром больной мальчик Алеша просыпается раньше всех в своей палате.

Раньше Живой Головы со щелками вместо глаз, которая лежит у окна, стонет и плохо пахнет. Раньше Тяжелой Больной, мама которой спит, положив голову к ней на ноги, а свои – на приставленный к койке стул. Раньше смешливой девушки Нади. У этой Нади все время дергаются лицо и правая рука. Говорит она много и весело, но, что говорит – понять совершенно невозможно.

Алеша уже Большой Мальчик, поэтому он сам натягивает пузырящиеся на коленках колготки. Затем он надевает застиранную рубашонку и застегивает ее на все пуговицы.

Эта застегнутая «под горлышко» рубашка, почему-то всегда злит Липкина – лечащего врача Алеши. Утром, осмотрев мальчика, он обязательно, перед тем как потрепать его напоследок по голове, расстегивает ему самую верхнюю пуговицу и говорит:

– Что ты ее так застегиваешь? Выглядишь как белогвардейский поручик из кино!

А про себя Липкин думает: «Как покойник в гробу!» И всегда, как только лечащий врач уходит, Алеша вновь аккуратно застегивает верхнюю пуговицу рубашки.

Одевшись, Алеша садится на край своей кровати, складывает руки на коленках так, как его учили в детском саду, и начинает ждать, когда отделение проснется. Вот по коридору загрохотала каталка и забренчали на ней пустые кастрюли. Это добрая буфетчица Кира поехала на кухню за завтраком.

Слышно, как гремит в процедурке стеклянными дверцами шкафов и звенит флаконами с антибиотиками медсестра Света. Скоро она появится в палате, улыбаясь во все свои фальшивые зубы, и заорет с порога:

– А вот кому уколы, девочки! Просыпаемся, просыпаемся! Время уже!

Вот застучали в коридоре костыли деда Акиньшина из одиннадцатой палаты. Заложив сигарету за ухо, он поспешает в сортир.

Алеша улыбается и выходит в коридор. Ему не нравится жить в своей палате, и все свободное время он проводит с Мужиками в палате № 11. В этой большой, на девять коек, комнате пахнет прелыми носками, табачным перегаром и еще чем-то родным и знакомым, что напоминает Алеше дом и маму.

Липкин все время говорит ему:

– Как только мама придет – скажи ей, чтобы она обязательно нашла меня. Нам надо с ней серьезно поговорить!

Произносит это Липкин так, что Алеше делается страшно за маму.

О том же Липкин говорит всем медсестрам и другим больным.

Но мама – не приходит. Навестила она его только один раз, в самом начале госпитализации. Мама принесла тогда Алеше пакет хрустящих кукурузных палочек и пакетик с жевательными конфетами «Мамба». Алеша спрятал все это в тумбочку и ел понемногу вечерами, вспоминая маму. Потом и кукурузные палочки, и конфеты закончились, а мама так и не пришла.

В одиннадцатой палате было весело. Мужики говорили громко и часто смеялись. Слова употребляли знакомые. Они отбирали у инвалида Афганца кресло с колесами и катали в нем Алешу по всей больнице.

Вечером они усаживались за Общий Стол и угощали его вкусной колбасой, консервами из ярких банок и фруктами. Колбасу и консервы Алеша ел с удовольствием, но на фрукты смотрел с подозрением и всегда от них отказывался.

Часто Мужики Нарушали Режим. Нарушая, они делались деловитыми и спешащими. Говорили: «Давай-давай! По-быстрому!» – звякали стеклом и сильно дышали. По палате разливался знакомый Алеше запах спиртного. Потом все начинали петь, но тихо пели недолго. Вскоре в палату с руганью прибежала Дежурная Смена. Утром Мужики были тихими и грустными и многие куда-то исчезали.

Но больше всех других Алеше нравился дед Акиншин. С дедом он сдружился так, что и в перевязочную, и на все исследования Алешу можно было доставить только в сопровождении Акиншина. Без деда он орал, кусался и брыкался так, что в конце концов уставшие сестры говорили: «Ну всё! Зовите этого мудака Акиншина из одиннадцатой!»

Акиншин знал много историй и сказок. Сидя у большого окна в холле отделения, Алеша слышал от него про деревянного мальчика с длинным носом, про Чипполино и про Страшилу с Железным Дровосеком.

За окном лил дождь. Осенний ветер срывал последние листья с больничных рябин и берез.

Дед говорил:

– Видишь: деревья были сначала маленькими и зелеными, как ты. Потом они подросли, листья у них потемнели и стали большими. Такими бывают взрослые и здоровые люди. А сейчас – осенью, листва с деревьев облетела, ветер клонит их до земли. Теперь они похожи на нас с тобой, больных и слабых.

Наступит зима. Деревья застынут от мороза, покроются белым. Некоторые могут даже подумать, что они умерли. Но это не так! Опять наступит весна, и деревья станут здоровыми и веселыми от солнышка и теплого ветра.

Так и мы: поболеем, поскрипим... Однажды нас даже могут принять за умерших... А мы – ррраз! – и выздоровеем!

Через три дня, выглянув в то же окно, Алеша увидел, что чем-то мощным и железным все деревья больничного палисадника были безжалостно выдернуты из земли. Стройные и веселые раньше, теперь деревья лежали жалкими и некрасивыми. В тех местах, где они вращались в землю своими корнями, теперь чернели ямы.

– Ты чего плачешь, Леха? – спросила добрая медсестра.

Потом она увидела изуродованный палисадник, вздохнула, погладила Алешу по голове и сказала:

– Ничего! Их, говорят, в другом месте теперь посадят.

Но сестре Саша не поверил. А спросить о вечно живых деревьях у деда Акиншина было уже нельзя: за очередное Нарушение Режима деда выписали вместе с его частично удаленной опухолью спинного мозга.

Как сказал врач Липкин: «До лучших времен». Но что такое «лучшие времена», Алеша не знал и почему-то не верил, что они вообще бывают.

Anamnesis vitae

Мой друг, известный хирург, ушел на пенсию. За время работы он собрал уникальную библиотеку медицинских книг. И вот решил отдать эти книги «в хорошие руки». Любовно их отреставрировал. Составил каталог и стал обзванивать больницы города. Но ни в одной больнице, ни один хирург этими книгами не заинтересовался! Мой друг не отчаялся и позвонил в библиотеку медицинского института, который в свое время закончил.

Голос в трубке сообщил, что в плане работы библиотеки на текущий год приемка книг «у населения» не значится.

Свои бесценные книги мой друг смог пристроить только в областную медицинскую библиотеку. Не поинтересовавшись названиями, не узнав имени дарителя, с недовольным видом свалили сотрудницы библиотеки тома в угол и спасибо не сказали.

Друг горевал:

– У меня такое чувство, что я свои книги предал! Столько раз они мне помогли, а я отдал их в руки равнодушных теток и безграмотных врачей!

Жить, болеть, выздороветь и умереть

I

Больная старушка в отделении абдоминальной хирургии. Сухие руки, темные – на белой простыне. Глаза голубенькие. Я, в то время врач-интерн, прошу ее показать живот: старушка умирает от перитонита. В глазах у больной – ужас:

– У вас руки холодные...

У нее – рак желудка с множественными метастазами. От этого в брюшной полости скапливается большое количество жидкости – асцит.

Старушка «блатная», и поэтому ее положили в нашу больницу, и сам заведующий отделением, Степан Николаевич, проколов брюшную стенку, выпустил 10 литров коричневатого выпота^[19]. При этом он повредил кишку, и у больной начался перитонит. Бросились ее героически лечить, но успехов не достигли, и теперь старушка умирает.

Это был первый в моей практике случай печальных последствий, вызванных действиями врача.

– Что теперь заведующему будет? – спросил я своего куратора Палыча.

– Ему – ничего не будет. Если бы это сделал я – пожурили бы «старшие товарищи». Рядовому ординатору влепили бы выговор, поношали на ЛКК^[20] и категорию могли бы не подтвердить. Тебя бы – просто убили. А почему ты, собственно, так хочешь хоть кого-то да наказать?

– Так умирает же от нашего прокола... В смысле – прокола кишки.

– Она умирает от рака! Не будь у нее этой болезни, стали бы выводить асцит? И если Николаевича посадят в тюрьму, как ты, похоже, хочешь, кто будет оперировать больных, запланированных на месяцы вперед?

Больница наша – не санаторий. В ней как бы положено умирать. А иначе можно подумать, что вовсе и не больница у нас, а так – поликлиника со спальными местами.

Психологически для врачей и родственников больных предпочтительнее, чтобы больные умирали или сразу после поступления в больницу, или после долгой волынки в реанимации, под фанфары, кимвалы и бубны последних достижений медицины.

В первом случае неожиданная смерть оглушает и притупляет остроту потери как для врачей, так и для родственников. На врачей в таком случае почти не жалуются. Во втором случае все – и врачи, и родственники так устают от длительного ожидания неизбежного, что вполне не против того, чтобы их дорогой больной культурно помер с соблюдением всех церемоний.

Сколько можно, в самом деле! Лучше ужасный конец, чем ужас без конца. В связи с этим возникает вопрос. Где лучше умирать? В больнице или в кругу близких? (Так и вижу этот «круг»: тридцать три плачущих родственника и у каждого – стакан воды в руке...)

На деле родные предпочитают, чтобы папы-мамы умирали в больнице. Так спокойнее: не надо лицезреть агонию, бегать за бумагами о смерти, обмывать, одевать труп, держать его три дня дома и т. д. Подогнали катафалк к больничному моргу, загрузили, свезли, закопали. Самого больного никто не спросит: «Где вы, папа, хотели бы умереть?» Какое может быть разумное мнение у полупокойника?

Живые – тупо рациональны. Живым нужен «позитив» и здоровый образ жизни. Всегда, когда слышу агрессивные призывы к такому образу этой самой жизни – спорту, диетам и «здоровому сексу» (интересно, как выглядит секс нездоровый?), – мне вспоминаются голые до пояса, загорелые и белозубые спортсмены, марширующие по Красной площади пред очами Сталина. Или немецкие штурмовики. Те тоже были очень здоровыми ребятами. Нездоровых они, как и мы, считали лузерами и травили керосином внутренне.

Для всех это кончилось плохо: и для спортсменов, и для штурмовиков, и для немецких шизофреников. Почему-то идеи сокрушительного здоровья присущи именно тоталитарным режимам.

II

Вернемся к нашим больным. Умирующие, они всегда симпатичнее выздоравливающих и, тем более, гораздо симпатичнее они здоровых выписантов. Умирующие – не жалуются. Все им – до лампочки. Главное тут – не мешать.

У выздоравливающих же появляются неисполнимые желания и аппетит. Они капризно требуют внимания и разносолов. Выздоровевшие больные и их родственники – хуже всех. Пока больной тяжел – все говорят: «Лишь бы выжил!» Когда идет на поправку: «А когда у него речь восстановится?»

(Дождешься! Многое он тебе скажет, когда сможет!) Перед выпиской: «Он совсем другим стал! Лечили плохо!»

А еще через месяц выписанный больной под диктовку жены пишет жалобу министру здравоохранения: «После операции, из-за безответственных действий хирурга П. К. и медсестер из кружка его члена, у меня снизилась половая потенция. От этого моя счастливая семейная жизнь – под угрозой. Прошу разобраться, наказать и восстановить».

Так что смерть – не самый плохой вариант. Даже похороны, которых многие страшатся, мало чем отличаются от свадьбы: те же цветы, музыка, выпивка. Только чокаться нельзя.

Anamnesis vitae

Случай мании: человек зарабатывал, выпрашивал, крал деньги и жег их. Таким образом он хотел уничтожить Мировое Зло.

Когда здоровье не по карману

Одна больная написала на нас жалобу. Прооперировали мы ее по поводу грыжи межпозвонкового диска, но через четыре месяца после операции ее перевели на инвалидность в поликлинике по месту жительства. Больная считает, что инвалидом ее сделали мы, хирурги.

Подняли бумаги, стали разбираться. Спрашиваем больную:

– Мы рекомендовали вам курсы массажа ног и поясничной области. Делали?

– Какой массаж! На него записываться надо за три месяца вперед. Платно – пожалуйста, сколько хочешь. Но у меня таких денег – нет.

– Занятия в бассейне посещали?

– Вы издеваетесь, что ли? Какой бассейн! До него добираться надо с тремя пересадками, а доберешься – так и заплачешь: один час в бассейне – шестьсот рублей!

– Ну хотя бы рекомендованные вам упражнения делали?

– А вы их сами пробовали делать? У меня гипертония, сахарный диабет и веса лишнего двадцать килограмм! Пару упражнению сделаю и валюсь с давлением двести на сто двадцать!

– Мы ведь рекомендовали вам и диету, курс гипотензивной терапии, наблюдение у эндокринолога...

– Эндокринолога! Не смешите меня. У нас эндокринологом девочка-сорокадвумовочка сидит! Поперек меня шире в два раза! Глянула на меня одним глазом, другим – в анализы, прописала манинил, который я уже и так пять лет пью, и сказала, чтобы я к ней полгода не приходила. А за гипертонию вы мне вот что скажите, доктор. Мне знакомый сантехник сказал, что понижать давление – вредно. Если в ржавых, забитых шлаками трубах упадет давление – вода до верхних этажей не доходит. Так, говорит, и в сосудах, заросших холестерином: понизили давление – и кровь до головы не добрасывается! Получается инсульт. Врет или нет?

– Оригинально! Но вы об этом лучше с кардиологами поговорите. Давайте с нашими делами разберемся. Прописанную нами диету вы соблюдали? Вам ведь, в самом деле, стоило бы похудеть...

– Капуста брокколи, салат латук и рыба форель? А вы знаете, сколько я получаю? Сколько за квартиру и свет плачу? Тут еще счетчики на воду поставила, денег за них заплатила из отложенных на отпуск, а платить стала в полтора раза больше! При советской власти ванну каждый день принимала, а теперь подмоешься кое-как тонкой струйкой и бежишь к счетчику: «Сколько там накрутило?»

– Понятно. Но вы нам, Олимпиада Семеновна, вот что скажите. До операции вас два месяца мучили боли в ногах, спине. Наркотики не помогали! Сейчас болей у вас нет. Мочу – держите.

– Что это?

– При кашле, натуживании моча не подтекает в штаны?

– Нет! Слава богу – прошло!

– Сила в ногах тоже восстановилась: стопы не висят, ходите нормально... А ведь до операции – пластом лежали!

– Так я – не против...

– И еще скажите нам, любезная Олимпиада Семеновна, как это вам так быстро инвалидность дали? Кроме мышечных контрактур, которые при желании можно за месяц ликвидировать, нет у вас симптомов!

– «Дали»! Заплатила, вот и дали инвалидность. Добрые люди подсказали, кому и сколько занести....

– Ловко! Это вы, значит, за взятку получили рабочую группу и еще на нас за это жалобу написали? Хорошо ли это, уважаемая?

– Да ладно вам, доктор! Вам небось ничего все равно не будет, а мне – компенсация положена за частичную утрату здоровья через вашу операцию.

– Вот как! Но чтобы деньги получить, Олимпиада Семеновна, надо было не жалобу в облздравотдел писать, а в суд идти!

– В суд? А я в прокуратуру еще на вас написала!

– Это правильно! Через прокуратуру вы быстрее до суда дойдете. Всего хорошего. До встречи в суде!

– Ой, доктор, миленький! Простите меня, дуру неграмотную! Я ведь как думала: по инвалидности получу, с зарплаты отложу, с вас вытребую – вот и будут у меня денежки на массажи, диету и бассейн! Вы мне еще вот что скажите, а то я другим не верю: мовалис мне можно пить? А амбене? Хотя что я горожу: амбене уже не выпускают....

Рассказываем тетке про мовалис и прочее. Еще раз говорим о способах реабилитации. Слушает, кивает и извиняется через слово. Ни в какие бассейны она, конечно, ходить не будет. Потратит все деньги на БАДы и пивовок.

Anamnes vitae

Мужчина работал санитаром в больничном морге, а по выходным торговал мясом на Центральном рынке.

От Москвы до самых до окраин

Заглянула к нам в отделение девочка-москвичка. Год назад эта Люся еще была нашей, местной, из прибрежной деревни, но теперь всё – москвичка, и даже со своим личным москвичом. Привезла его с собой. Здоровый такой оболтус ходит за нашей девицей по больнице. Она всем его демонстрирует, как приз, а москвич смотрит на нее влюбленными глазами и все время кивает. Соглашается то есть.

У нас Люся была лаборанткой. Год отработала после окончания медучилища. Была «прикреплена» к нашему отделению. Редкой бестолковости девушка! Гоняли ее тут, как сидорову козу. Люся обиделась, нашла через Интернет вакансию в Москве, в какой-то частной лаборатории при очень частном центре и – уехала. Полгода проработала и выбилась в какие ни есть, но «старшие»: что-то она там контролирует и мелко руководит. Получает совершенно сказочные, по нашим представлениям, деньги. От своей молочно-восковой упитанности девица лечится бассейном и фитнесом. И то и другое ей оплачивает работодатель.

Говорю:

– Ты узнай, может, им старые хирурги нужны? Я много не запрошу.

– Ой, там никто никому не нужен!

Липкин хихикнул:

– Что, на москвичек потянуло?

– А то! Москва – не Тула: можно и без своего самовара поехать.

Люся говорит:

– Про врачей – ничего не скажу: не узнала еще хорошо, но сестры и лаборантки – совсем работать не умеют и не хотят!

– Иди ты! От кого мы это слышим?! Хотя если ты у них – звезда, то...

– Да! Нас, оказывается, хорошо учили. А они простейшего не знают! Научились кнопки на анализаторах нажимать, а что к чему – не понимают!

Не знаю, не знаю... Хотя у нас многие врачи уехали в Москву. При этом – уехали не лучшие, а все те, кто не смог пробиться у нас. И еще я заметил, что практически нет у нас в больнице успешных врачей, которые закончили бы московские вузы. Те, что периодически появляются, у нас – не приживаются. Бледно они как-то выглядят на фоне борзых провинциалов.

Из Питера – гораздо лучше ребята. Но самые толковые – из периферийных мединститутков. Особенно хороши – из Петрозаводска, Архангельска. Может быть, толковые в Москве пристраиваются, а к нам едут «неудачники»?

Мой хороший в прошлом приятель анестезиолог Равиль уехал в Москву.

Года через три, оказавшись по делам в столице, я ему позвонил. Думал: ох и встретимся, ох и выпьем под разговоры о былом! Приятель долго и уклончиво экал и мэкал в трубку, мучительно что-то соображая. А казалось бы – такое простое дело!

Назначил встречу в кафе. Скучно посидели полчаса. Равиль томился и ерзал на стуле. Распрощались без сожалений.

А вот молодой коллега Архангельский уехал три года назад в Норвегию. Мы с ним и не дружили. Так, деловые отношения: давал у нас наркозы нейрохирургическим больным. Приехал зачем-то в Россию, зашел к нам в отделение. Кинулся ко мне, как блудный сын к папаше, повис у меня на шее и весь халат обмочил слезами:

– Как же они меня затрахли, в этой Норвегии, как затрахли! Не могу больше...

То ли это приятели у меня разные, то ли на них место пребывания по-разному действует! Но ничего – прижился Архангельский у норгов.

Третий год уже не пишет и не звонит.

Anamnesis vitae

В диспетчерскую «скорой помощи» поступает вызов: «Болит живот». Отправляется фельдшер. Минут через 15 перезванивают: «Почему не едете?» Диспетчер вежливо объясняет, что бригада отбыла и скоро будет. Вызывающий: «Так он же кровью истечет!»

Диспетчер: «При чем тут кровь? У него же живот болит?»

Ответ: «Ну да – болит, потому что у него из живота нож торчит».

Немая сцена. Вызывается милиция, вдогонку фельдшеру посылается реанимационная бригада.

Обручальные шунты

I

Из иных больных жизнь колом не вышибешь. Бывает, оперируешь такого, а все прахом идет: кровь свистит из всех дыр, ткани рвутся, в ране тесно, инструменты срываются. Больной тем временем просыпается и норовит с операционного стола сбежать. Его анестезиолог за ногу ловит в самый последний момент. Такого натворишь в самом нутре организма – смотреть тошно! Стыдливо прикроешь всю эту окрошку бледной кожей. Ушьешь ее особым подарочным вариантом косметического шва. С молитвой, но без всякой надежды. Гемостаз-то на соплях^[21], мозг – отечен, крови потеряли полведра.

Глядь, а на следующий день этот болезный уже вдоль стенок к сортиру пробирается, пряча сигарету в рукаве! Да кури ты, дорогой, на здоровье, не таись! Я бы тебе и выпить налил ради такого счастливого случая, да у самого нет ни грамма. Не поднесли еще.

Но есть больные противоположные. Жизнь в них – еле держится. Только тронешь такого скальпелем или введешь препарат, который мы уже сто лет не одной тысяче больных вводим, и – abs! – всё по нулям: ни пульса, ни дыхания, ни прочих признаков недавно еще вполне счастливой жизни. Умер с дискуссионным прогнозом на оживление.

И что особенно печально – ничем те и другие больные до врачебного вмешательства не отличаются!

II

Жизнь некоторых наших нейрохирургических больных висит на тонкой силиконовой трубочке диаметром со стержень разовой шариковой авторучки.

У многих больных с опухолями головного мозга развивается гидроцефалия. В естественных полостях мозга начинает скапливаться излишнее количество жидкости – ликвора. Маленькие эти полости (желудочки мозга) превращаются в раздутые водой баллоны.

Постепенно давление жидкости в желудочках нарастает и начинает выдавливать мозг из черепа, как зубную пасту из тюбика. В результате больные гибнут не от самой опухоли, а от избытка воды в полостях мозга.

Спасает этих людей немудреная операция. С помощью системы тоненьких трубок и клапана (шунта) мы отводим избыток жидкости из мозга в брюшную полость больного. Вся эта система – под кожей. Она абсолютно незаметна и не доставляет никаких неудобств больному. Называется такая операция вентрикуло-перитонеальным шунтированием. Особенно часто такие операции приходится делать детям.

Немудреная, казалось бы, вещь – шунт. Две трубочки, клапан, переходники. А сколько жизней спас! Беда только в том, что жизнь большинства таких больных в дальнейшем полностью зависит от работы шунта. Работает шунт – они здоровы. Стоит возникнуть малейшей его дисфункции – все симптомы возвращаются: головная боль, рвота, судороги, кома. Не успеем мы вовремя восстановить функцию шунта – смерть.

Вот так-то мы и подвешиваем жизнь больного на тонкую силиконовую трубочку.

III

У большинства таких больных шунты стоят как влитые и работают хорошо, без сбоев. Но у некоторых, таких как наши Андрей и Юля, они выходят из строя регулярно.

Андрею было шесть лет, когда у него обнаружили гидроцефалию, обусловленную опухолью третьего желудочка. Хрен его знает, что это за опухоль. За многие годы она почти не выросла. Специалисты различных медучреждений в России и за рубежом судили-рядили, но так и не пришли к какому-нибудь определенному выводу. Только одно мнение было единодушным: удалять саму опухоль – безумие! Третий желудочек – очень скверная для вмешательства зона. Решено было так и вести Андрея: на шунте и под пристальным наблюдением с контрольными МРТ головного мозга.

Юлю мы первый раз прооперировали в пять лет. Удалили опухоль мозжечка. Но после этого нормальный отток ликвора от мозга не восстановился. Пришлось наложить все тот же шунт.

И пошла писать губерния! По разу в год, а то и чаще, стали эти ребята поступать к нам наперегонки с отказавшими шунтами! У Андрея каждый отказ шунта вызывал стремительное ухудшение. Час-другой головных болей, рвота – и он уже в коме!

У Юли симптомы отказа шунта были более «мягкими». Она вдруг становилась грустной и начинала часто плакать. Делалась сонливой: рано ложилась спать, с трудом просыпалась. Пять-шесть дней такого состояния – и утром ее уже не могли добудиться. При этом – никаких нарушений дыхания, судорог. Полное впечатление спокойно спящего человека. Но – не добудиться! Мама Юли впадала в панику от малейшего Юлькиного зевка во внеурочное время.

Родители девочки провезли ее по всем возможным клиникам России и зарубежья. Два раза ей полностью заменяли шунтирующие системы на более современные и дорогие, травили химией и облучали остатки опухоли в мозжечке. В конце концов с опухолью справились, но восстановить естественный отток ликвора так и не смогли. И всякий раз вернувшуюся из очередной флориды Юлю через некоторое время доставляли к нам в коме на заблеванном российском реамобиле.

Андрея врачи-родители за рубеж возить не могли и обходились отечественными средствами.

Так все это и тянулось на протяжении более десяти лет.

А потом Юля пропала на два года. Оптимисты говорили мне: «Значит, все хорошо! Иначе давно бы привезли со светомузыкой на „скорой“». Пессимисты, напротив, отводили глаза и говорили: «Может быть, огорчать не хотят...»

И вот в аккурат под Новый год – привезли к нам долгожданную!

Доставили точно так, как и предполагали оптимисты, – с сиреной, мигалками, грохотом и плачем Юлиной мамы. Срочно взяли Юлю в операционную. После операции говорю её зареванной матери:

– Вы, Людмила Петровна, чем дитя кормили? Она же на операционный стол вся не помещается! Ноги висят!

– Ой, и не говорите! Ей кто-то сказал, что, если она хочет хорошо выглядеть, надо или на десять килограммов похудеть, или на двадцать сантиметров подрасти. Так эта упертая решила сразу двух зайцев убить: есть совсем перестала, а в рост пошла – как на дрожжах. За два года на полметра выросла!

– Так у нас тоже есть такой Гулливер! Вы Андрея Нифонтова знаете? Снова у нас лежит с прошлой недели.

– Нет, не припомню что-то... А какой у него рост?

– Два метра восемнадцать сантиметров.

– А у Юльки моей – два ноль шесть! Ну вот и хорошо! Будет нам жених. А то от моей дылды все ребята шарахаются!

И ведь как в воду смотрела! Пришли эти субчики в сознание, увидели друг друга, как в первый раз, еще в реанимации, и приклячилась с ними любовь. Как удивленные инопланетяне, бродили они парой по больнице, держась за руки. И головы их качались под самым потолком, как воздушные шарик на сквозняке. Нас, старых врачей, они терпели, молодых – игнорировали, на ретивых медсестер смотрели с изумлением.

Тут же больничная общественность разделилась на две враждующие фанатские группы. Одни говорили: «Совет им да любовь!» – а другие шипели: «Ох, беда! Это кого ж они нарожают?»

Отношения же Юли и Андрея достигли такого сердечного согласия, что даже шунты у них стали отказывать одновременно. Привезут Андрея, и мы уже знаем, что не сегодня, так завтра привезут Юлю. И наоборот.

Мамаши их стали смотреть на нас как на сводников. Оказалось, что ни потенциальная свекровь, ни возможная теща не желают иметь в родственниках больного человека с опухолью в голове и с краном на животе, как у самовара. Только бабка Андрея, заслуженная подпольщица-чекистка, хрипло рывкнула как-то на мамашек:

– Дайте детям в счастье пожить, курицы! Они ведь оба в любой момент помереть могут! Вот тогда-то они вам перечить и не будут. Дождетесь!

Вот и в последний раз они поступили к нам почти одновременно. Лежали в соседних палатах, дверь в дверь, через больничный коридор.

На третий день своего пребывания в больнице пришел ко мне очень злой Андрей:

– П. К.! Нам с Юлей предохраняться надо? Или – нет? У нее ведь и лучевая терапия была, и химия. Меня тоже облучали один раз.

– Вы что, прямо сейчас и здесь этим заняться хотите? Мне-то что, плодитесь и размножайтесь. Но я знаю людей, которые сочтут это нарушением больничного режима!

– Вы все шутите! А я вас серьезно спрашиваю! Мы ведь поженимся скоро.

– Во-первых, Андрей, я не специалист в этом деле...

– Но по опыту своему, вы ведь...

– ...а во-вторых, будь я специалистом – все равно ничего бы тебе не сказал. Юле, когда это ее заинтересует, специалисты все расскажут. А уж там она сама решит, что тебе говорить, а что – нет.

– Тут нам сестры рассказали, что Наташа Залесова – родила! А у нее ведь такая же опухоль была, как у Юли. И лечили ее так же!

– Наташа нашего совета не спрашивала. Посоветовалась со священником в своей церкви и – вперед как в прорубь! Дуреха! Хорошо, что так все кончилось. Мы еще на свадьбе заметили, что беременная она. Кстати, Андрей, ты знаешь, что тебе вызов пришел из Москвы? Сделают тебе операцию, о которой я рассказывал. Если все гладко пройдет, сможешь жить без шунта!

– А Юля? Почему ее в Москву не направляют?

– Советовались мы с Москвой... Ей такую операцию делать бессмысленно.

– Ну так и я никуда не поеду!

Ушел грохнув дверь.

Ночью позвонил мне дежурный по отделению и сообщил, что Юля и Андрей исчезли. Начали искать. Налетели с воем родные обоих беглецов. Все службы города подняли на ноги. Но, как говорится, поиски по горячим следам успеха не принесли. А через сутки позвонила мне Андреева бабка-чекистка и захрипела в трубку:

– Дети у меня. Все хорошо. Не беспокойтесь...

Говорю:

– Клара Готфридовна! Спасибо вам, конечно, но тут, того гляди, уголовное дело откроют. Мне как свидетелю теперь какие показания давать? Может быть, вам стоило позвонить-таки родителям Андрея?

– Это исключено! – прорычала в трубку чекистка и грохнула трубку на черные рога телефона а-ля нарком.

Отчетливо дохнуло на меня из трубки табачным перегаром «Беломора».

Вскоре беглецов нашли. Как-то очень быстро мамаша Юлии увезла ее на самолете в далекую страну и пристроила в дорогую суперклинику.

Там-то Юля и умерла. Причина смерти, по рассказам матери, показалась мне необычайно нелепой. Возможно, Людмила Петровна что-то не так поняла.

– Похоронить Юльку дороже обошлось, чем прооперировать, – плакала безутешная мать. – Оформление, гроб дубовый, потом – цинк... Перевозка самолетом...

Хмурый папа возражал:

– Что уж ты, мать! Похороны все-таки – одни. А операций сколько было! И сколько бы их еще наделали, не помри Юля.

Не ведаю, как о смерти Юли узнал Андрей. Мы с ним об этом не говорили. Вскоре после смерти Юли его привезли к нам в коме с плохо определяемыми признаками жизни. Кома, судороги. Высокий мышечный тонус. Патологические рефлексy – во всю ивановскую. Шунт – не работает.

– Что ж, – говорю. – Готовьте операционную! И быстрее давайте!

Тут, кашлянув, вмешался Нифантий Мартемьянович:

– Постой! Ты что, ничего не видишь?

– А что тут особенно интересного можно увидеть, Нифантий?!

Тот хмыкнул и поддел что-то в черных волосах на животе у Андрея:

– Нитка! Он, мерзавец, дренажную трубку прошил и перевязал!

Точно! В том месте, где под кожей проходила трубочка ликворошунтирующей системы, был наложен грубый шов. Андрей хорошо знал свою болезнь и суть нашей операции! Перевязав дренажную трубку, он перекрыл отток ликвора из мозга. Нарастающее внутричерепное давление привело его к коме. Самоубийца чёртов!

Я срезал удавку. Тут же заработала клапанная система. Форсированно перекачали ликвор из головы в живот, и уже через двадцать минут Андрей стал подавать признаки сознания. Операцию отменили, и через сутки, проведенные в реанимации на ИВЛ, Андрей был практически здоров. По крайней мере так казалось всякому, кто не знал всей его истории.

Anamnesis vitae

Сейчас в медицине много магов и чародеев статистики. Например: бумаги можно оформить так, что на 60 койках отделения будут числиться 75–85 больных. Просто больных выписывают, а истории болезни продолжают вести так, словно больной продолжает лечиться: пишутся дневники, назначаются лекарства и процедуры.

Я знал отделение неврологии, где лежали тяжеленные больные. Но они не умирали! Летальность в этом чудо-отделении была равна нулю (!). Отделение это ставили в пример. Заведующий отделением стремительно шел в гору. Секрет «бессмертия» был прост: больной умирал, скажем, 5 мая, но историю болезни оформляли так, что он числился выписанным домой ещё 3 мая. Так что на день смерти он формально не был пациентом больницы.

Нейроофтальмолог Генрих

Худой, черный с проседью Генрих сверкнул на меня еврейским глазом, цыкнул золотым зубом и спросил:

– Вы, друг любезный, предпочитаете как: стучать или перестукиваться?

Это были первые слова, которые я услышал вместо «здрате», прибыв на специализацию в нейрохирургическое отделение Н-ской больницы. Гораздо позже я узнал, что Генрих не зря опасался стукачей: он отсидел три года за антисоветчину, по доносу.

«Лучшие годы моей жизни! – говорил Генрих, вспоминая тюрьму. – Какие люди! На воле такие не живут!»

– Ну вот и познакомились, – облегченно хохотнул заведующий отделением Иван, наблюдавший нашу встречу. – В операционную не рвись, успеешь. Познавай неврологию! Весь рабочий день – с Генрихом Александровичем.

И заведующий ткнул пальцем в табличку на дверях кабинета: «Нейроофтальмолог Понятовский». Шепотом добавил:

– И не вздумай назвать его окулистом.

* * *

Все больше и больше забываю я неврологию и все остальное, чему меня научил Генрих. Я ещё не дошел до отрицания симптомов Фуа-I и Фуа-II, синдрома Маркиафавы – Биньями и даже помню, что есть синдром «прыгающего француза из штата Мэн», но спросите у меня о них – и я не уверен, что смогу объяснить что-либо внятно. Сейчас ведь как: сунем больного в томограф – и диагноз как на ладони. Много думать уже не приходится.

В обязанности Генриха всего-то и входило, что оценить глазное дно больных, иногда – сделать поля зрения^[22]. Во многих нейрохирургиях обходятся вообще без офтальмолога. Приглашают консультантов из «глазного» отделения. В некоторых – есть окулист на полставки. У нас отсутствующие в те времена томографы успешно заменял нейроофтальмолог Генрих.

* * *

На работу Генрих приходил рано. Ровно в 5.30 он распахивал дверь ординаторской и орал с порога:

– Какая есть информация к размышлению!!!

Уже гораздо позже, сдружившись с Генрихом, я мог позволить себе ответить, не открывая глаз:

– Генрих Александрович! Ну ёшкин-кошкин! Такое дежурство было! Дайте хоть полчаса вздремнуть!

– Извини, извини... – говорил тогда вполголоса Генрих, присаживался на корточки у моего изголовья и громко шептал прямо в ухо, дыша табачным перегаром «Примы»:

– Какая информация к размышлению?

Приходилось вставать, брать истории болезни и обходить с Генрихом поступивших больных.

* * *

Сначала смотрели травматиков.

– Что это он молчит? – спрашивал Генрих, пытаясь поймать лучом офтальмоскопа зрачок рычащего и извивающегося на койке, как Лаокоон, больного.

Вязки, которыми больной был прикручен к постели, заменяли змей.

– Хрипит, а ни одного мата. Афазия? И веки не поднять! Ты его пунктировал?

– Нет.

– И не вздумай! Лобные доли у него разбиты. А если он правша – то более пострадала левая лобная доля мозга. «Ангелографию» надо делать! Смотри, какой Кохановский^[23]! А стопные! И Оппенгейм, и Бабинский с обеих сторон, и Гордон! Мудак ты, друг любезный! Заведующий тебя убьет. Беги, заказывай рентген!

Бегу, звоню, заказываю рентген, вызываю анестезиолога: ангиографию^[24] («ангелографию», по Генриху) делаем под наркозом.

* * *

К приходу заведующего больной «раскручен»: поступил, наблюдался, консультирован нейроофтальмологом, ангиография, операция, сейчас в реанимации, показатели стабильные. Обо всем этом я победно докладываю на утренней «пятиминутке».

Генрих сипит за спиной:

– С тебя коньяк, ласунчик, сукин кот.

Потом, в течение всего рабочего дня, можно было видеть, как Генрих в своем кабинете «пытает» интересного больного.

Жалобы он собирал часа два.

Генрих говорил:

– Если правильно задавать вопросы, направлять больного, то только по одним жалобам можно поставить диагноз. Без осмотра и ваших дурацких рентгенов!

Часами он мог расспрашивать о головной боли. Сейчас-то я знаю, что эта тема – неисчерпаема и увлекательна, как хороший детектив, но тогда... Генрих отпускал больного только на завтрак и обед, лишая «тихого часа». Сидел, пыхая мундштуком с половинкой той же «Примы», – думал.

Приходил заведующий:

– Что получается, Генрих Александрович?

– Пока что надо дифференцировать опухоль лобной доли с опухолью доли височной, не исключая опухоль мозжечка. А вероятнее всего – нет ничего. Не наш это больной.

В самом конце рабочего дня Генрих явился в ординаторскую и сказал с пафосом:

– Какой идиот направил этого больного к нам, в нейрохирургию? (И ведь знал – кто этот идиот!)

– Вообще-то, я и направил, – буркнул заведующий.

– Так вот! У больного туберкулез. Туберкулезное поражение оболочек мозга и самого мозга. Видали, какие ресницы? На полметра! Склеры глаз – как у младенца, глаза – блестят. И всегда – легкий румянец.

Заведующий взвился:

– Генрих Александрович! Мы еще по ресницам диагноза не ставили!

– Дело ваше, но я свое мнение уже записал. А далее – как хотите.

* * *

Рабочий день закончился. Я достал бутылку «Каспия» о пяти звездах, яблоко. Попросил в процедурке две мензурки, в которых больным дают микстуры. Праздничный стол накрыт! Выпили по чуть-чуть. Генриха повело:

– Видал, как взвился бугор? Думать не хочет. Всё давай-давай: ангиография, пневмоэнцефалография... И резать, резать!

Выпили ещё по одной. Генрих продолжал:

– Чтобы поставить диагноз ОРЗ, нам ведь не нужны сложные анализы, рентген и прочая чушь. Посмотришь, а больной чихает, сопلي у него ручьем, глаза – красные, горячий лоб... Вот и диагноз. Или хромает человек, и опытный ортопед-травматолог уже по походке понимает, что у больного сломано. Значит, и у опухолей головного мозга должны быть простые признаки, и мы их видим, но не понимаем, не трактуем. Ходи, смотри, пересматривай. Ходи на вскрытия. Я ведь всегда хожу. Не верю я шефу и его «находкам» на операциях... Да и патологоанатомам все меньше верю! Спелись эти голубчики давно!

– Ох, Генрих Александрович! Опять посадят.

В это время в дверь постучали условленным стуком. Вошел главный врач. Еще полгода назад он был нашим заведующим, но сейчас – вознесся!

Генрих засуетился:

– Вот тут мы, В. К., больного обсуждаем...

– Я так и понял, – сказал главный и вышел вон.

Через пять минут он вернулся, неся в руках бульонную чашку. Поставил на стол:

– Наливай!

Генрих стал лить коньяк в чашку, тревожно посматривая на главного.

– Вам сколько?

– Ты что, краев не видишь, окулист?

Взял полную чашку обеими руками и понес прочь, боясь расплескать.

У порога обернулся и сказал:

– У меня кабинет – прямо под вами, на одном стояке. Не ссыте вы, ради бога, в раковину: такая вонь идет, и всё – ко мне! Посетители нервничают.

– Это не мы! – возбудился Генрих. – Сами страдаем. Это мамки из детской хирургии горшки выливают в раковины.

Главный ушел. Генрих посуровел:

– Опять обпил! Говоришь, что я опухоли носом чую?! Лучше бы я выпивку чуял, как наш главный!

Всегда, как только первую выпьем – он уже тут как тут!

Хрен с ним. Ты что думаешь о мальчонке из шестой палаты? Тот, у которого опухоль мозжечка.

– Что теперь думать! В среду – операция.

– Мальчишке угрожают «сардельки»...

Я знал этот пунктик Генриха: он считал, что тогдашний заведующий нейрохирургией оперирует плохо. И. Т. был хорошим человеком и прекрасным организатором. Был упорным и целеустремленным.

В семнадцать лет получил черепно-мозговую травму. После излечения решил, что станет нейрохирургом. Семь раз поступал в мединститут. Поступил на восьмой раз. Недавно защитил кандидатскую. Но умом не отличался, и мануальные его способности, в самом деле, были не на высоте. Пальцы имел толстые, на короткой массивной лапе. Вот отсюда – «сардельки».

– Может быть, сказать мамаше, чтобы сваливала, пока не поздно, в Бурденко. У меня ведь там знакомых выше крыши. Могу позвонить, чтобы приняли сразу, без волокиты. Мальчонке ведь лучше, я думаю, сначала шунт поставить и облучать. Если компенсируется – можно думать о чем-то радикальном... Вторым этапом. А так... Помрет.

– Может быть, лучше с Иваном поговорить?

– Бесполезно! Я и ругался с ним, и дрался, и кляузы на него писал... Да-да – кляузы! А хули?! Я ведь не анонимки писал! Всегда ему читал их вслух, прежде чем отправить по адресу. Раб цифири! Лишь бы в отчетах покрасоваться! Мы то, мы сё! Говорит, что мы должны всё оперировать, иначе ни инструментов нам не закупят и томографа не видать, как своих ушей! Получается, что сейчас гробим больных, чтобы вылечить других пациентов в светлом будущем!

– Не знаю, Генрих Александрович! Мальчика жаль, но вот так, за спиной – тоже нехорошо.

* * *

На следующий день, на утренней планерке, доложили, что мать мальчика из шестой палаты вечером собрала вещи, вызвала такси и вместе с сыном – уехала. Сестры слышали, как она переговаривалась с мужем по телефону и просила его взять билет на самолет до Москвы. Генрих внимательно посмотрел на меня, подмигнул и отвернулся к окну.

Anamnesis vitae

Целитель из Заюково Адам говорит, что проще всего лечить женские болезни: женщина должна сменить место жительства, работу и мужа – любая напасть тут же отступит.

Позвонковые и одnogоршочные

– Слушай, Липкин! Это что за пушистая студентка с голыми коленками сидит за твоим столом в ординаторской?! И все пишет, пишет... Второй час. Опять? Коллектив больше не станет терпеть твоего распутства! Что – пятый развод грядет? Я ведь стукну Маринке для твоего же блага!

– Что, понравилась? Только это никакое не распутство, а консультант-онколог. Вы же сами три дня назад крышу поднимали: «Почему Полуэктова до сих пор онколог не посмотрел?!» Вот вам и онколог!

– Что?! Эта принцесса – онколог?! Откуда?

– Оттуда! Я им три заявки посылал, а они всё не ехали. Позвонил и наварался на Зенкевича. Вежливо я ему говорю... Что вы смеетесь? Гадом буду! Что бы он вам там ни говорил, но я с ним очень вежливо разговаривал! «Какого черта – говорю, – твои бездельники нашего больного третий день не смотрят? Забыл, как мы вас от прокурора отмазывали, когда вы аденому гипофиза за полип в носу приняли и успешно удалили его с последующим естественным исходом?» Не, он вежливый... Иудей как-никак... Говорит: «Прошу прощения, это наша недоработка! Сегодня же к вам сама Сидорова приедет!» Ну я думал, он Светлану Федоровну пришлет, а приехало вот это! Может быть, это Светланы Федоровны дочь?

– Светкину дочку я с пеленок знаю! Умная девочка, не чета нам с тобой: в хирургию не пошла. Лечит больных разговорами. «Психолог» называется. Какая-то хитрая у нее методика... Учит, короче, безнадежных больных любить свою болезнь и смотреть на свой ужасный конец с оптимизмом и позитивом.

– Так, может быть, эта Сидорова и есть – психолог? Во как долго пишет! Онкологи, они ведь как – тыр-пыр-восемь дыр и: «Четвертая стадия, четвертая клиническая группа, неоперабельно, инкурабельно, в лечении у онколога – не нуждается и наше вам с кисточкой!» Потом у больных визитки похоронных бюро находим: «Венки. Памятники в бюджетном варианте и по индивидуальному заказу. Наши цены Вас приятно удивят! Помывка трупов круглосуточно – бонус!»

– Остынь! Говорю же тебе: я Светкину Варю с раннего детства знаю. Она черная как ведьма и смотрит нехорошо... А эта – принцесса беленькая! На горошинке к нам прикатила, наверное!

– Не, я видел! На «матисе» приехала. Красном. Такие папики своим девочкам дарят. Может быть, это родственница профессора Сидорова с госпитальной хирургии?

– Тогда она может быть только его женой! Он на всех своих новых ассистентках и аспирантках женится... Хотя – нет! Я неделю назад был на его семидесятилетнем юбилее. И он был там со своей последней женой! Совсем другое лицо и коленки! Сидоров подпил и все толкал тост за свою жену: «Моя Фира – как Ависага, возвращает мне молодость!» Одно слово – Соломон!

– Есть еще Вячик Сидоров в городской травме. И у нашего главного секретарша – Яна Сергеевна Сидорова! Может, это ее внучка? Короче, Сидоровых в нашей медицине – навалом! Что-то мы с вами сплетни развели, уважаемый П. К.! Ладно я, но вы-то – вечный борец со слухами и пересудами!

– Я не сплетничаю. Я высвечиваю язвы и пороки нашей кадровой политики. Только высвечиваю! Потому как, если, как это предлагают иные горячие головы, «жечь каленым железом» – врачей у нас не останется! Вот ты как у нас оказался? Напоминаю. Пришла к нашему главному, предварительно подготовив почву в облздравотделе, твоя мама – заслуженный и уважаемый всеми врач Берта Наумовна Липкина, и сказала, что сынуля ее с детства сны о нейрохирургии видит. (Жуткие кошмары тебя преследуют с детства, однако!)

О наших скрытых от посторонних глаз ставках она, конечно, знала. Как ей наш главный откажет?! Они к тому же еще в детсаду с Бертой на одном горшке сидели! Вот ты и нейрохирург! Хорошо, что повезло в этом случае и нам, и тебе: работаешь достойно. А как вон урологи с Валеркой и Светой мучаются! И сколько таких по больнице? Да все!

Я сам сюда по блату попал. Я был уже три года хирургом, а мой брат работал санитаром в этой вот нейрохирургии. Два года трубил, до армии. Поехал я в Питер на специализацию по абдоминальной хирургии. Моюсь в подвале Дома врача в похабном коллективном душе, а рядом брызгается, фырчит и отплеивается гигантский доктор. Присмотрелся – а это тогдашний завнейрохирургией Иван! Мне он не начальник, а земляк! Поздоровался, по имени-отчеству с ним, сказал, что я брат их санитаря. Иван обрадовался. Домылись мы, выпили чаю... В самом деле – чаю, я тебе говорю! Иван в рот спиртного не брал.

Тут-то Иван и предложил мне перейти к нему в отделение и проспециализироваться, для начала, по нейротравме. А я, поверишь ли, еще в институте хотел стать нейрохирургом и оперировать больных с психическими заболеваниями! А когда перешел – мне год покоя не давали: всё пытались узнать, чей я протеже и как со мной себя надо вести. Рассказывал про брата-санитаря – никто не верил.

Так что все мы здесь по блату – позвонковые, одногоршочные... Про тех, кто за хорошие деньги сюда попал, – это ты уже лучше меня знаешь. Когда сюда приходишь, никого не интересуют твои знания, умения. Только – чей ты протеже и сколько дал. Пойдем, посмотрим, что там девушка накропала, да и познакомимся.

Но прелестница-онколог уже ушла. В истории на трех листах детским почерком была записана вся подноготная больного от Адама и Евы. Но заканчивалась она стандартно: «Четвертая стадия, четвертая клиническая группа, неоперабельно, инкурабельно, в лечении у онколога – не нуждается».

Anamnesis vitae

Пьяный травматик орет в приемном покое: «Отпустите! Килограмм денег дам!» С больным доставили тубус, в каком студенты носят чертежи. Тубус плотно набит скомканными купюрами.

Кровь свидетеля

Главное в нейрохирургии – это умение останавливать кровотечение.

Там, внутри головы, невозможно использовать обычные хирургические приемы гемостаза – наложить зажим, перевязать сосуд и т. д. Так что лучший способ остановить кровотечение из сосудов мозга – это вообще не допускать его. А то борешься с ним, борешься, пихаешь во все дырки пластинки

тахокомба ценою в 300 долларов штука – и вот (о, чудо!) кровотечение останавливается! Но не успеешь этому обрадоваться, как анестезиолог сообщает:

– Давление у больного – по нолям!

Поэтому и не кровит – у трупа кровотечения не бывает.

Теперь, когда у нас есть томографы, мы еще до операции хорошо представляем локализацию опухоли мозга, ее соотношение с крупными сосудами, кровоснабжение опухоли. Это позволяет избегать кровотечения.

Но бывает и так, что на томограммах мы видим плотную опухоль, прорастающую сквозь крупные артерии и венозные коллекторы. Значит, будет кровить, и надо заранее запастись кровью для переливания ее во время операции. И вот мы планируем доступ к опухоли, методы ее удаления, заказываем кровь на станции переливания. Побольше заказываем! Назначаем ответственного за переливание крови, назначаем день операции...

И этот больной оказывается свидетелем Иеговы! А они себе кровь переливать не разрешают! Как-то поступил к нам по дежурству с головою всмятку их видный член. Всю ночь его оперировали и полведра крови перелили. Член умер. Так эти иеговы на нас в суд подали! Мол, умер их единоведец от переливания не той крови. И вообще, говорят, – у члена в нагрудном кармане была печатная бумага со строгим наказом: «Кровь мне – ни-ни!»

* * *

Вот и сейчас передо мной сидит хорошо одетая, холеная женщина, похожая на манекенщицу из доисторического журнала «Rigas Modes», – румяная, во рту зубов, как в кукурузном початке – зерен, и все наружу: постоянно улыбается. Как крокодил, честное слово! В местном сонмище свидетелей Иеговы она – большой начальник. Рассекает по городу на навороченном «хаммере». На автостоянку у больницы охрана пропускает ее безоговорочно. Владеет сетью аптек.

Не раз уже так вот она приходила к нам в отделение утешать попавших к нам иеговистов и следила, чтобы мы не вздумали перелить им из засады кровь. Настойчиво втюхивает нам под это дело искусственную «голубую кровь» – перфторан. Бизнес свой аптечный она так двигает, как я понимаю.

Едва усевшись напротив меня, эта фанатка лакированная сразу пошла в атаку:

– Христа не на кресте распяли, а на столбе!

– Успокойте меня, пожалуйста, – его все-таки распяли?

– Это я к тому говорю, что вы носите крестик, а это – ложно.

– Что же мне теперь на груди кол осиновый носить?! Пожалуйста, давайте ближе к телу.

– Я пришла узнать, как здоровье Колычевой Даши. Это дочь моих хороших знакомых....

– Вы бы попробовали спросить об этом родителей девочки. Что посчитают нужным, они вам сообщат. Мы же сведений о больных посторонним – не сообщаем.

Дама снисходительно улыбается:

– У них не может быть тайн от меня! Видите ли, они, как и я, являются свидетелями Иеговы, а я....

– Вы свидетели обвинения или защиты по делу этого персонажа?

– Не надо так шутить! Вы плохо разговариваете с людьми!

– Но я же заранее знаю, о чем пойдет речь! И зачем вы пришли ко мне, если вам и так все известно?

Впрочем, давайте так: приходите с родителями девочки, и если они не будут возражать, то я при них отвечу на ваши вопросы. До свидания!

Холеная дама идет пятнами, но послушно встает и выходит, тяжело грохая сапогами от Sergio Rossi.

Даша эта – шестилетняя беленькая девочка с голубыми глазами. Если останется жива – разобьет не одно мужское сердце. У Даши – опухоль на полголовы. Но, по всей видимости, – доброкачественная. Оперировать ее и не переливать кровь – нереально.

И тут в кабинет вторгается все та же Rigas Modes и чуть ли не тащит за собой маму и папу Даши. Наверное, в десятый раз я завожу им свою версию «предупреждения Миранды»: сложная операция, все возможно, исход – трудно прогнозировать, осложнения – неизбежны, большая кровопотеря...

При упоминании крови мама Даши заученно проговаривает:

– Мы против переливания крови.

– Но ребенок может не перенести кровопотерю!

Мама и папа упорно молчат и глядят, как двоечники, в пол.

Говорю:

– Хорошо – вы иеговисты...

– Свидетели Иеговы! – тут же поправляет аптекарша.

– Да... Черт с вами – свидетели... Но Даша – не может быть свидетелем Иеговы! Вы ведь креститесь только в зрелом возрасте. Девочка ваша, дай-то бог, выздоровеет, вырастет и, возможно, не захочет быть одной с вами веры. Дети многое делают наперекор родителям...

– Мы против...

– Вы бы что-нибудь новенькое сказали! Вам бы я ни капли крови не перелил. Но здесь – ребенок! Не жалко?!

– Это – невозможно...

– Тогда забирайте девочку и везите в Москву, в Бурденко. У них есть реинфузор. С его помощью они смогут «собрать» всю потерянную во время операции кровь и вернуть ее Даше. Собственную кровь ей можно переливать?

Троица задумывается. Этот вариант в их программу не заложен.

Пытаюсь ковать, пока горячо, – они сбиты с толку:

– Вашим неприятием переливания крови вы обрекаете взрослых практически на самоубийство, но руками врачей! А в этом случае – планируете прямое убийство ребенка! Я в этом участвовать не хочу! Я уже написал докладную главному врачу больницы. Соберем консилиум. После этого мы обратимся в прокуратуру и к уполномоченному по делам ребенка нашей области. Вы хотите, чтобы вас лишили родительских прав?

Мама с папой молчат. Сбились вдвоем в один комок и тупо молчат.

Иеговистская бендерша зло чеканит:

– Они могут быть лишены общения, если дадут согласие на переливание! Собрание отлучит их!

Терпение мое кончается:

– Значит, так! Если вы соглашаетесь на операцию и по ходу ее возникнет угрожающее кровотечение, мы, независимо от вашего желания, кровь переливать будем. Решите ехать в Москву – дадим все документы и подскажем, к кому там лучше обратиться. Бумаги в прокуратуру мы в любом случае направим и к уполномоченному – обратимся. Думайте! Завтра дадите мне ответ. Дадите вы, родители, а не главарша вашей банды!

На следующий день Даши в палате нет. Родители забрали ее из больницы, даже не сообщив об этом дежурному врачу. Поехали ли они в Москву или ищут нейрохирурга, умеющего оперировать бескровно, – не знаю. Мы в самом деле подали бумаги в прокуратуру, но ответа не получили, и никто к нам за разъяснениями не обращался.

Anamnesis vitae

Медсестра-практикантка пожаловалась: «Захожу в палату № 6, здороваюсь, а все больные смотрят на меня и молчат! Я что-то не так сделала?»

В палате № 6 лежат четыре женщины с поражением левых полушарий мозга. У всех афазия: не говорят и не понимают, что говорят им.

Фак мимо кадра

В палате № 3 мальчишка шести лет с опухолью головного мозга примостился на подоконнике и рисует на казенном листе А4 акварельными красками. Рисунок его мне сразу не понравился. В два цвета, синий и черный, нарисовал он три, предположительно человеческие, фигуры.

Говорю:

– Привет, Пикассо! Что это у тебя за Авиньонские девушки?

Максим смотрит на меня с укоризной:

– Это мама, папа и я!

– А почему у тебя и мама, и папа – в платьях? И ноги у них какие-то короткие!

Мальчишка тычет в черную фигуру пальцем и возражает:

– У папы не платье! Это – ряса. И совсем не короткие ноги у моей мамы! Это у нее платье такое длинное!

Отец у Максима – сельский священник. А мать, стало быть, – попадья, и мини-юбки ей в самом деле – не пристали.

– А небо у тебя почему черное?

– Это – тучи! Сейчас дождь пойдет.

И Максим начинает смело ляпать по всему рисунку черные (опять этот цвет!) кляксы.

– А это у тебя что? Вот это, между тучами... Самолет?

– Это Господь Бог наш сущий на небесах. Он всегда такой. Его у нас много на стенке висит.

Максим перенес три операции и теперь готовится еще к одной, четвертой. Была у него уже и клиническая смерть, и кома в течение месяца...

Больной, лежащий на койке через одну от Максима, внезапно захрипел, свернул голову направо, закатил туда же глаза и забился в судорогах... Если после приступа будет еще и афазия, то искать аневризму надо будет в левом полушарии мозга, в переднем адверсивном поле. Сделаем ангиографию системы левой внутренней сонной артерии.

– Во как его кондратий-то лупит! – буднично прокомментировал Максим и запел: – Томболия-тромболетта, тромболия, тромбола!

Вот этим он и славится! После первой операции у Максима появилась способность к сочинению бессмысленных стишат, которые он поет на один мотив, типа «карамболина-карамболетта». Наши же больные вообразили, что песенки Максима имеют тайный смысл. Стоит ему появиться у нас в отделении – тут же начинают его навещать с фруктами-шоколадками болезные со всей больницы. Особенно те, кому предложили хирургическое лечение. Слушают, записывают, трактуют и осмысливают Максимовы бессмысленности, а потом многие отказываются от всякого лечения и поспешно выписываются.

Тут есть какая-то тайна. Больные люди охотно верят именно ущербным людям: воющим дедам-отшельникам, безграмотным знахаркам, невинным младенчикам...

Пришла как-то ко мне на консультативный прием тетка по поводу болей в спине. Совершенно убогая, заскорюзлая гражданка средних лет. Двух слов связать не могла! А когда, наконец, она ушла – тут же набежали возбужденные женщины нашего отделения и, делая круглые глаза, стали наперебой рассказывать об этой каракатице чудеса. Все, мол, она лечит и все наперед знает! Попасть к ней можно только в очередь и за большие деньги.

Говорю:

– Что ж вы, девки, мне заранее не сказали! Полечил бы я у нее свой алкоголизм!

Ночью сосед Максима внезапно умер. В два часа ночи он пришел на пост и попросил «чего-нибудь для сна». Когда сестра через полчаса принесла ему в палату таблетку феназепама, списанную в трех журналах и истории болезни, – больной был мертв.

Стали мы сочинять посмертный эпикриз. Наши больные умирают часто, и поэтому в подобных сочинениях мы премного преуспели: расхождений наших диагнозов и патологоанатомических – не бывает. Так и в этом случае. В истории болезни умершего, в графе «осложнения» вписали мы тромбоэмболию легочной артерии, и на вскрытии так оно и оказалось!

«Томболия-тромболетта...» – вспомнил я песню Максима.

Бывают же такие совпадения!

* * *

Готовили-готовили мы Максима к операции, и все прахом пошло! Утром, за час до начала операции, пришла плачущая постовая сестра в сопровождении разъяренной старшей отделения.

– Ну говори, дура! – рявкнула старшая сестра. – Я уже, П. К., не знаю, что с ними делать! Говоришь-говоришь, а толку – ноль!

Всхлипывая и утирая сопли, молоденькая сестричка поведала, что Максим наелся с утра конфет и выпил два стакана газировки.

– Я его предупреждала! Я все его съестное спрятала! А больной из сосудистой хирургии принес ему коробку конфет и бутылку «Тархуна»! Максимка «Тархун» любит. Говорю ему: «Что ж ты наделал! Сейчас анестезиолог придет. Операцию отменяют, а меня – убьют!!» А он только улыбается!

Пошел я в палату к виновнику торжества.

История, конечно, непонятная. Максим – очень умный ребенок. К тому же опухоль привела к развитию у него водянки головного мозга, а такие дети всегда мудры не по годам! КПД умирающего мозга почему-то невероятно повышается.

Максим дожевывал, сидя на том же подоконнике, оставшиеся конфеты. Пластиковая бутылка с газировкой была наполовину пуста. «Безжалостно буду гнать теперь всех Максимовых посетителей!» – подумал я.

По постели мальчишки были разбросаны все те же черные рисунки. Горячая игла кольнула мне в сердце: «Что это он все в черном видит? Может быть, и хорошо, что сегодня операции не будет...»

Максим поднял на меня веселые глаза, сказал:

– Здравсте, командир-начальник!

И запел все ту же «карамболину»:

– Фак мимо кадра! Фак мимо кадра!

Во дела! Он и английский знает?! И слово употребляет по назначению и к месту...

– Ты что такое поешь?

– Песню.

– А где ты такую услышал?

Смотрит на меня озадаченно:

– Нигде. Сам сочинил.

Потрепал я Максимку по изрезанной голове и пошел к себе в кабинет. Боль в сердце становилась все сильнее. Прилег на диван, но лежать не смог: меня охватили страх и тоска. Пробыл холодный пот. Стало тяжело дышать...

Набежавшие коллеги сволокли меня в кардиореанимацию, и суровый тамошний доктор Альберт Михайлович сказал сквозь провонявшую табачным перегаром маску:

– Лежи уж, сукин сын! Не дергайся. Инфаркт миокарда у тебя.

«А, – подумал я. – Максим! Вот мне и „фак мимо кадра“! Может быть, он в самом деле что-то узнал там, после жизни в своей клинической смерти и коме, где ангелы и бесы с прозрачными стрекозьими крылами... Летают вверх-вниз... Мама варит абрикосовое варенье в большом медном тазу... Мы идем под жарким солнцем на шумливую речку Нальчик ловить пескарей и плотву...» Так начинает действовать на меня введенный стгоряча промедол и что-то еще седативное.

Боль утихла, и я погружаюсь в сон, где нет операций, часто умирающих больных и бестолковых их родственников.

Anamnesis vitae

Когда состояние больного с черепно-мозговой травмой тяжелое, и его, в связи с этим, нет времени обследовать, допустимо насверлить в стандартных точках отверстия в костях черепа и осмотреть через них мозг и его оболочки.

Нейрохирург-дежурнт наложил 6 фрезевых отверстий поступившему коматозному больному (был доставлен по «скорой» как больной с черепно-мозговой травмой). Ничего не нашел. Больной умер.

На вскрытии нашли доброкачественную опухоль мозга, исходящую из его оболочек. Все поисковые отверстия были произведены в аккурат по окружности этой опухоли! Стоило сделать хотя бы одно из шести отверстий на 3–5 мм ближе к центру – и опухоль была бы обнаружена. Но не повезло обоим: и врачу, и больному.

Родные убивцы

Молодой мужчина 34-х лет занедужил опухолью головного мозга. Лет пять болел, и многие на нем неплохо заработали. Обошел он кучу медицинских центров, врачей, знахарей и продавцов чудодейственных БАДов. Хиропрактик свернул ему шею, а пиявки пили его кровь литрами. Потом кто-то догадался сунуть его голову в томограф, и сразу нашлась доброкачественная опухоль, занимающая $\frac{1}{2}$ правой гемисферы головного мозга. Мы его прооперировали и, как назло, – успешно. Молодой человек выздоровел и убил маму мясорубкой.

Выяснилось это так. Привезли к нам пожилую женщину с тяжелой открытой черепно-мозговой травмой: вдавленные множественные переломы костей черепа с обширным размождением головного мозга. Стали ее лечить в реанимации. Тут же пришел ее сын и, как наш бывший пациент, стал жить у нас в отделении. Сестры и санитарки выделили ему лежак в подсобке и подкармливали с больничного стола. Периодически он наведывался к дверям реанимации. Там он ловил реанимационных врачей и сестер и со слезами расспрашивал их о здоровье своей умирающей мамы.

Тут пришли к нам из милиции и попросили справку о тяжести травмы, полученной этой женщиной. Между прочим посетовали, что никак не могут найти сына этой мамы, который, по мнению ментов, ее и зашиб. «Во дела!» – подумали мы. Нам-то этот убивец ничего такого не говорил. Только плакал, сморкался и канючил подробности.

Говорим:

– Так что ж его искать?! Вон он сидит в холле, ждет хороших известий о здоровье мамы.

Повязали сынулю. Мама его вскоре умрет. Нас начнут спрашивать умные следователи: «А не явился ли его поступок следствием перенесенной операции?» То есть виноватыми будем опять мы. Мы, вообще-то, и сами себя таковыми чувствуем. Но что делать? Если бы знали заранее, что все случится именно так, – не оперировали бы?

Был у нас уже похожий по обстоятельствам случай. Пришедшего из армии сына пьяный папа рубанул топором по голове. Потом этот папа так же дежурил у реанимации и в палате ни в чем не признаваясь, а милиция с ног сбилась, разыскивая его. Потом нас долго таскали по следователям и судам. Ушлый адвокат повернул дело так, что главными виновниками смерти парня стали мы. Мол, травма сама по себе была не так уж и смертельна. Но «скорая» долго ехала, потом в приемном покое

осмотрели, мол, не сразу и долго решали вопрос об операции. И оперировал больного не ас, и в реанимации лекарств недодавали...

И еще бочка губернаторов с дерьмом пополам на наши головы. Молодец, адвокат! Его бы к нам – в начмеды.

Anamnesis vitae

Без всяких медицинских причиндалов цена нам, врачам, – невелика.

Одна моя хорошая знакомая, врач-реаниматолог, возит с собой в машине реанимационный набор: трубки, ларингоскоп, роторасширители, зажимы, мешок Амбу и т. д. В отдельном пакете лежит у нее прозрачная фирменная интубационная трубка. На пакете крупная надпись: «Pro te» (Для меня).

Завидую терапевтам. С помощью фонендоскопа, тонометра, рецептурных бланков и авторучки они могут вылечить десятки больных в течение рабочего дня.

Мне же, чтобы полечить больного, нужна операционная, помощники, анестезиолог, сотни инструментов и прочая лабуда, забыл как называется.

«В больнице – лучше»

Последний раз Орел женился шесть лет назад. Это пятая его женитьба, и женится он каждый раз на медсестрах с готовыми детьми. Может, комплекс какой – не знаю. Умный такой доктор, чуткий и ранимый, можно сказать, а выбирает себе в жены таких хабалок, что оторви и брось! Поживет пару лет с очередной благоверной, запьет, завьет горе веревочкой и – в развод! Уже у него и квартир не осталось, и машину продал, и жил по съемным углам.

Молодые хозяйки сдавали ему углы с удовольствием и с дальним прицелом, да не тут-то было: доктор наш любит только медсестер с детьми.

И что интересно – свои дети у него в браке не получаются. По слухам (да и сам он рассказывает!), есть у него случайные детишки в Астрахани, Нальчике, Москве, Норильске и Биробиджане. И ни одного прижитого в браке!

Но все это – в прошлом: вот уже шесть лет живет Орел у своей шестой жены, Леры. У Леры есть сын от первого брака. Тихий очкарик Филипп, неловкий и смешной. Отличник. В школе его едят поедом дети гегемонов. «Своих» детей мы хорошо знаем. Вечно они шляются по больнице. Здесь их и подкармливают, и уроки проверяют между делами.

Похоже, что Лерин Филипп с Орлом не ладит. Когда Лера дежурит, мальчик постоянно сидит в отделении. Читает, что-то пишет, смотрит в ординаторской телевизор. Взрослый уже парень – тринадцать лет, а все у маминой юбки.

И тут мы стали замечать, что ходит Филипп как-то странно: ног почти не поднимает, на ступеньки ноги (отчетливее – правую) «забрасывает» за счет бедра. Спина «обвисла» – стал сутулым.

У Орла спросили:

– Что это у тебя с ребенком? Ты его смотрел?

– Посмотришь его! Он на меня уже год волком смотрит и почти не разговаривает. Раньше в рот смотрел и папой звал, а теперь... Подросток, мать его! Спортом ему надо заниматься! Тогда и сколиоз выправится, и прыщи пройдут. Вы ему скажите. Может быть, вас он послушается?

Пошли к Лере:

– Что за дела, медики? У вас парень еле ходит, скособочился весь, а вы мух не ловите! Ладно – Орел. Филипп ему не родной, но ты-то...

– Знаю-знаю! – застрочила Лера.

Это болезнь наших сестер: что им ни скажи – они все знают. И главный авторитет у них – «одна девочка». Можно медсестре что-нибудь долго объяснять, ссылаться на мировые медицинские авторитеты, и в конце концов она согласится и скажет: «Да-да! Я знаю! Одна девочка мне про это еще в том году рассказывала».

– Что ж ты, Лерка, знаешь? Придет парень – тащи его в ординаторскую, посмотрим!

Посмотрели и ахнули: у парня обнаружилось прогрессирующее заболевание периферических нервов. Лечить это можно, вылечить нельзя. Все кончается глубокой инвалидностью, а то и хуже. Стали мы укладывать парня в больницу. Славные наши неврологи заблажили. И мест у них нет, и по возрасту парень должен лежать в детской больнице и т. д. Решили положить Филиппа к себе в нейрохирургию. Свой невролог у нас есть, а детских – пригласим на консультацию из другой больницы. Подумали, что так даже лучше: возможностей для обследования такого пациента в нашей больнице гораздо больше, чем где бы то ни было.

Положили, стали лечить. Наметили план обследования. Но сгоряча госпитализировали в середине недели, и случились выходные. Орел сквозь зубы, а потом и Лера – настойчиво стали просить отпустить парня на выходные домой.

Видел в пятницу, после обеда, как они уходили из больницы. Впереди гордо шагала Лера с круглым, наконец-то, животом, в котором, по данным УЗИ, уже качался в водном пузыре эмбрион по фамилии Орел. Сзади и сбоку, беззвучно чертыхаясь, спешил будущий отец, нагруженный пакетами. (Этот феномен меня всегда занимал. Стоит больному пару дней полежать в больнице, и он обрастает кучей вещей! Поступает с небольшим пакетом, в котором смена белья, гигиенические причиндалы да журнал с картинками, а выписывается с кучей пакетов и сумок – рук не хватает!) Замыкал караван унылый Филипп в спортивном костюме «на вырост». На куртке написано почему-то «CITY GIRL». Наши сестры мастерицы покупать такие вещи в «секонд-хендах».

Я дежурил в пятницу на субботу. Уже в субботу, возвращаясь с утреннего отчета, увидел вдруг Филиппа, сидящего в холле с книгой.

– Ты же только вчера домой уходил? Чего вернулся и когда?

– Я, дядя Паша, еще вчера вечером приехал. Мне в больнице лучше.

И Филипп уткнулся в книгу.

Anamnesis vitae

В медицине много спешки. Кто бывал в коридорах наших больниц, мог видеть, что медики не ходят степенно, а почти всегда – бегут. Отчего бы и не побежать? Вот и бежит: шапочка дыбором, сзади ветерок завивается, в глазах – мысль. Занятой человек! До ординаторской добежал, пукнул, плюхнулся в кресло и начал чай пить.

Почему несется по коридору вот эта санитарка с грохочущей каталкой? А несется она потому, что отвезти каталку надо было еще час назад, а она вместо этого где-то проболтала, пропила чаю, прокурила...

Процедурная сестра мечется по отделению со штативами для капельниц. Спешит она потому, что на ее месте должны работать как минимум три сестры, а не одна. И еще потому, что врачи назначили много внутривенных инфузий. Но с врачей того требует заведующий и стандарты оказания медпомощи. И так далее по восходящей и по кругу. По порочному кругу нашей медицины.

Свобода слова

Заведующий нашим хирургическим отделением изъяснялся так:

«Ни х@я себе, засранцы! Вы не только не врачи, вы ими и быть не хотите! Мать вашу!», «Не так много на свете мудаков – х@й, да ни х@я, но все они собрались в нашей больнице, ЕБТВМ!», «В гробу я видал ваши гайдлайны и абстракты на вашем е@бучем английском! Я сам книги пишу! Ты и ты, – руки в ноги и х@ярьте в операционную! Больной скоро п@здой накроется, а вы все языки чешете и х@ем груши околачиваете! Прохиндеи!»

Вне отделения заведующий не матерился категорически. Был всегда мил и застенчив. Но стоило ему переступить порог хирургии – тут же слышалось:

– Мать вашу! Я вам, бл@дь, головы поотрываю и скажу, что так и было! Это кто...

Далее шла краткая оценка уборки отделения, внешнего вида сотрудников и больных, историй болезней, качества лекарств, нас – врачей и характера предстоящей на день работы... Говоря его языком, п@здюлей можно было получить в любую минуту.

– Что сидишь? Если все сделал и написал – иди домой! – говорил он мне, сидящему над историей болезни поздно вечером. (Уходить раньше заведующего из больницы было равносильно самоубийству.)

– Да вроде как всё, В. К.! – мямлил я.

– Точно всё? – и тут же уверенным жестом извлекал из стопы историй болезней именно те две истории, в которых (и я это сам знал!) мною были сделаны серьезные промахи!

После разоблачения следовало несколько непечатных фраз и месяц отлучения от операционной.

– А вы вообще все можете съе@вать отсюда! Я один могу в отделении работать!

Но сегодня утром заведующий молча выслушал доклад сестер на «пятиминутке», потер плохо выбритый подбородок и сказал:

– Хорошо. В десять, как всегда, – общий обход. Давайте работать...

В ординаторской повисла тишина. Нифантий внимательно посмотрел на заведующего: «Он ведь моложе меня на десять лет! Давление или диабет клюнул? Мешки под глазами, лицо отечное... Может быть – почки?»

Ночная сестра заведующего задумалась: «То-то у него прыти поубавилось... Не тянет уже, старый конь! Раньше, бывало... А сейчас – раз! – и захрапел в две дырочки. Не то что Александр Иосифович....»

Александр Иосифович Липкин вскинул голову и напрягся: «Так! Этому, похоже, абзац! Я-то ждал Нифантия... Но так – даже лучше: освободится место заведующего, и туда сунут Нифантия. Нифантий не потянет. Пара стрессов, пара лишних рюмок... Раз-два – и спекся, старпер хренов! Тут-то мое время и настанет!»

Хирург-виртуоз Переверзев, находящийся в нирване после дозы, спустился с облака номер «девять» по шелковой веревочной лестнице в ординаторскую: «Sic transit gloria... Ему там будет хорошо. И не надо надеяться, и не надо бояться... Число-то сегодня какое?»

Заведующий еще раз потер подбородок и добавил:

– И чтоб я, ебт@мать, больше не видел сестер без шапочек! Я ваши локоны, бл@дь, – на х@ю вертел, прошмандовки! Сестры – по местам стоять! Врачи – остаться! Я вам еще скажу пару теплых!

И Нифантий, и все сестры, включая и законную, и ночную, и Александр Иосифович, и даже виртуоз на своем облаке облегченно выдохнули, заулыбались и взбодрились. Жизнь вошла в свою колею и весело покатила туда, куда катилась и ранее, – под откос.

Anamnesis vitae

Рассказал др. Бугаев (СПб, ГИДУВ).

Читая лекции, я увидел курсанта, у которого был грубый рубец по срединной линии шеи. Начинался рубец под подбородком и уходил под галстук молодого врача.

В перерыве я спросил у него:

– Что за операцию вам делали? Совершенно необычный рубец!

– Меня вскрывали, – отвечал доктор.

И рассказал такую историю. Был он хирургом, в какой-то заштатной больничке. Работы – никакой. Скука. Стал попить с другом-терапевтом. Однажды за выпивкой стало им так невыносимо скучно, что хирург предложил терапевту: «Давай я тебе аппендицит вырежу». Кликнули операционную сестру. Выпили уже вдвоем для храбрости, и хирург аппендикс у приятеля удалил. Выпили за удачную операцию.

«А теперь, – говорит терапевт, – я тебя вскрою!» Хирург лег на стол, и терапевт одним махом большим прозекторским ножом вскрыл друга «по Шору» – патологоанатомический разрез от подбородка до лобка. Из распоротого живота поперли раздутые петли кишечника.

По невероятному пьяному везению – ничего внутри не повредилось.

Ребята вмиг протрезвели. Виножник накрыл внутренности друга влажными пеленками и долго искал трезвого хирурга по окрестным ЦРБ, чтобы зашить брюхо.

Такие разные нейрохирургии

I

Наша нейрохирургия состоит из двух отделений: «нейротравмы» и «плановой нейрохирургии». Но это не два отделения, а два параллельных мира! В нейротравму попадают обычно люди трудоспособные или готовые к труду. Чаще всего они молоды, иногда – очень молоды. Зеленые такие и сопливые. Эти – особенно зловредны и мерзопакостны. До получения травмы они были полны сил, энергии и очень часто – алкоголя. И если таковым не сносит голову сразу и начисто, то выздоравливают они достаточно быстро.

Выздоровливая, они начинают бродить по отделению, по больнице, по ее территории. Злоупотребляют, пристают к медсестрам (о самих медсестрах – чуть позже!), плюют, а то и мочатся по углам и тушат окурки о переплеты новых стеклопакетов. А мы ремонт европейский именно для них недавно сделали!

Людей интеллигентных и женщин среди пациентов нейротравмы немного. Разве что повезет разбиться заслуженному учителю на «Оке» о банкирский «порш», и мы ему бываем очень рады. Учителю, а не «поршу».

Женщины представлены, в основном, придорожными бабочками, бомжихами с помоек и битыми на выпускных вечерах старшеклассницами. Интеллигентные женщины предпочитают ломать шеи, и это плохо для них кончается.

Мужские палаты в нейротравме ржут, громко слушают шансон до позднего вечера и ничем, кроме мата и обещания выписать с алкогольным больничным листом, их пронять невозможно.

В часы посещений навещают их такие же гоблины и их родители. Человеку непривычному общаться с таковыми – трудно. Они то забитые и бестолковые, а то вдруг – наглые и истеричные. Рвут

рубашки на груди (у себя – фигурально, на враче – могут и в реале порвать!), грозят прокуратурой и письмом к собрату по разуму в Кремль. На что они жалуются и чего хотят – понять бывает очень трудно.

Но медсестрички наши, особенно – молодые и незамужние, охотнее работают в нейротравме, чем в плановой нейрохирургии! В нейротравме меньше больных, требующих ухода, и меньше назначений на больную голову. Предвыписных молодых людей сестрички привлекают к полезному для себя труду: поднести, принести, приподнять тяжелого больного, вынести мусор, покойника вывезти... И так далее.

Да и веселее сестричкам со сверстниками! Многие именно среди таких травмированных находят свое женское счастье и выходят замуж.

Да что – у нас! В наркодиспансере медсестры постоянно находят себе мужей среди алкоголиков.

Вчера хмырь из палаты № 5 пожаловался, что унитаз забит. Призвали сантехников. Своим тросом сантехники вытащили из слива десяток шприцов! Обитатели палаты все свалили на сестер:

– Это ваши медсестры туда отработанные шприцы сбрасывают!

II

Если нейротравма шумна, пьяна и песни поет, то плановая нейрохирургия – тиха и печальна. Опухоли головного мозга и интеллектуала Игоря, и слесаря Васю уравнивают: оба делаются тупыми, равнодушными и отрешенными. Но вот что странно: и травмы, и опухоли спинного мозга – влияют на мозг головной! Такие больные делаются весьма неадекватными. У такого (например) ноги не ходят, мочиться не может, пролежни у него воняют, а он весел, полон надежд и делает комплименты медсестре во время процедуры выведения у него мочи катетером.

К больным родом из неблагополучных, гегемонских семей родственники почти не ходят. Поскандалят с нами дня три после поступления больного на лечение или после операции и исчезают водку пить. Потом ищи-свищи их, когда надо выписать их больного домой или на кладбище, буде помрёт.

К больным благополучным ходят и сидят у них ночами тихие мамы и нежные жены. Хлопот с ними – никаких. Они очень толково обычно помогают сестрам, а то и сами всему научаются по ходу пьесы.

Опухоли ЦНС – тяжелое заболевание, но от травм той же ЦНС больных умирает гораздо больше. Среди трудоспособного населения травма вообще – самая частая причина смерти. И вот что я думаю. Может быть, надо наплевать на всю эту ювенальную юстицию и забирать из всех неблагополучных семей малых детей. Создать детские дома с профессиональным уклоном и учить с пеленок полезному труду. Воспитывают же так суворовцев и нахимовцев! А тут готовить инструментальщиков, водителей, экскаваторщиков и т. д.

Может быть, тогда удастся разорвать этот порочный круг и воспитать большую часть адекватного населения, которое не станет в пьяном виде выпадать из окон, поездов, врезаться на авто в столбы, забивать гвозди в темя самим себе. Тогда нейротравмы станут меньше. А населения – больше. Окупятся, таким образом, затраты государства на это дело. Да и нашей нейроонкологии денег перепадет!

И сразу думаю: «Как же! Тут же начнется в этих домах воровство всего и вся, неуставные отношения, рабский труд малолетних, онанизм и педофилия. Воспитывать-то некому!»

P. S.

А с этой педофилией – совсем ахтунг! Психоз у населения зачем-то индуцируют, не иначе! Где они прятались раньше, эти педофилы?

Несколько дней назад наш доктор осматривал в приемном покое девочку десяти лет. Девочка упала с высоты четвертого этажа. Осматриваете доктор в отдельной смотровой в присутствии мамы. Тут же находятся медсестра и санитарка.

Осматривает девочку доктор, как и положено, раздетую до нижнего белья. Крутит конечности в суставах, мнет грудную клетку, шупает (пальпирует!) живот и т. д. Когда доктор стал проверять объем движения в тазобедренных суставах юной пациентки, мамаша выбежала из кабинета и накинулась на первую попавшуюся доктора-женщину с криками:

– Пойдемте со мной! Посмотрите, что у вас доктор делает! Он не педофил?!

Тетку успокоили, но врача того уже зовут «педиком» и теперь, когда узнали, что педофилов станут химически кастрировать, очень ему сочувствуют.

Anamnesis vitae

Зашел в операционную онкологов. Профессор удалял большую часть кишечника вместе с сальником. И тут он увидел аппендикс и возликовал:

– А вот и наш отросточек!

И, как ребенка по головке, ласково потрепал «червячок».

Давно заметил: хирурги, оперируя на брюшной полости совсем по другим поводам, всегда радуются, увидев червеобразный отросток, как радуются встрече с первой любовью. Страсть к хирургии у всех начинается с акта аппендэктомии.

У Бога не бывает алиби

В медицинском институте нам здорово преподавали научный атеизм.

Не знаю, насколько это было научно, но увлекательно было так, что я поверил-таки в существование Бога!

По юной глупости сделал заявления на одном из занятий по историческому материализму о том, что кодекс строителя коммунизма списан с основных христианских заповедей. После этого вопрос о моем дальнейшем обучении в вузе рассматривался на комсомольском собрании института. А это такая скотобаза была, эти собрания, доложу я вам, по сравнению с которыми сборища теперешних юных путинцев – детский сад!

Пронесло. На этом я не успокоился и стал скупать старые Библии, молитвенники, псалтыри и вникать в церковнославянский язык. Меня и на этом поймали, и вновь встал вопрос об отчислении. У этого вопроса эрекция вообще не ослабевала все время моей учебы в институте.

Спасибо – не выгнали. Стал работать хирургом, и для религиозности места не осталось. Медицина – совершенно не богоугодное дело!

В самом деле, как же так? Бог наказывает болезнью, а мы, врачи, вообразили себя столь могучими, что беремся противостоять Его воле?

Священники, которые у меня лечились, объясняли мне такую Божью неувязку неубедительно.

Сам я утешился тем, что Бога, значит, все-таки нет, и лечим мы не Божьи наказания, а пьяные переломы луча в типичном месте, рак молочных желез, опухоли мозга... И так далее. И вообще, наше хирургическое говно, гной, тлетворные запахи, морг с невостребованными трупами и неразведенный спирт поутру – уж очень далеки от церковного благолепия. Всех этих песнопений; икон, святящихся в полумраке; мерцания свечей; вина причастия; ангельских ликов молящихся девочек в белых платочках...

Боже мой! Боже мой! Для чего Ты оставил меня? Я пролился, как вода; все кости мои рассыпались; сердце мое сделалось, как воск, растаяло посреди внутренности моей. Сила моя иссохла, как черепок; язык мой прильпнул к гортани моей, и Ты свел меня к персти смертной...

Поступила к нам молодая попадья с тяжелой черепно-мозговой травмой. Мозг – вдребезги. Кости основания черепа сломаны, и из носа и ушей у нее – прет кровь, ликвор и мозговой детрит. Кое-как вывели мы ее из комы, но – на тебе! – вся эта петрушка осложнилась менингоэнцефалитом, и попадья наострилась еще раз умирать.

Вставили мы ей в желудочки мозга дренажные трубки, чтобы выводить гнойный ликвор наружу, то же самое сотворили через люмбальный прокол^[25]. С помощью хороших отношений и коньяка выпросили у заваптекой больницы убийственные антибиотики и применили их в запредельных дозах. Ну и всяко-разно и очень интенсивно стали лечить: ИВЛ, восполнение ОЦК и улучшение реологии крови... Реаниматологи это лучше знают. Так они, по крайней мере, считают.

На третий день таких чрезвычайностей попадья пришла в себя, адекватно задышала и стала звать папу с мамой. Но те не пришли, а пришел к нам ее муж – классический поп с картины Перова «Чаепитие в Мытищах» – рыжий и толстый.

Услышав об улучшении состояния жены – просиял:

– Слава Богу! Помогло!

И рассказал, что он организовал совместное моление за здоровье своей жены во всех храмах города одновременно. У них, у священников, это волшебным средством от тяжелых болезней считается. Так я, по крайней мере, его понял.

Говорю ему:

– Что ж вы нас, отец Никодим, заранее не предупредили?! Знай мы такое дело – не стали бы жене вашей голову и спину для дренажей зря дырявить, да и антибиотики (а пуще того – коньяк!) – сберегли бы!

– Что вы! – замахал руками отец Никодим. – Все совместно делать надо!

Хорошо что хоть так. А то есть полоумные сектанты, которые вообще от лечения отказываются. Даже детей своих не лечат.

Отец Никодим оказался отличным человеком. Искренним, добрым и сентиментальным. Дети у него – на зависть: спокойные, вежливые и с чувством собственного достоинства. Я и раньше, и после знакомства с этой семьей замечал, что дети священников – особенные.

А старый отец о. Никодима, и тоже священник, – особая песня! ГАИ за ним уже и не гоняется! Он виртуоз вождения автомобиля и лихачит на своем «фольксвагене» как сумасшедший.

Рассказывает:

– Бывает – задержат. Потом – конфузятся: «Что ж вы, батюшка?! Вы уж потише ездите, пожалуйста!» Так я не умею – «потише»!

Имеет вид сказочного дедушки: сухонький, седобородый, улыбчивый. Долго лечился от болей в коленных суставах. И всё – безуспешно. Потом пришел сияющий! Оказывается, будучи в одном из монастырей, он стал молить Бога об исцелении. И боли прошли.

Говорю:

– Вы бы сказали, в каком монастыре излечились. Я туда больных направлять стану.

Обиделся:

– Разве в монастыре дело? Вера нужна.

Не знаю. Вероятнее всего Бога все-таки – нет. А если и есть, то все равно не верю!

Но вот случай у меня был, от которого никуда не денешься. Удалял я опухоль головного мозга, исходящую из спинки «турецкого седла». Это – на основании черепа. Место – мерзкое! С обеих сторон – сонные артерии и венозные коллекторы. Букет из сосудов и черепно-мозговых нервов – пучком, как в вазе. И именно среди этих «стеблей» выросла опухоль.

Удаляю я, значит, опухоль, маленькими кусочками, бдя (опустим здесь букву «з»!) и потая, и – раз! – с основания черепа хлынула горячая кровь! Струей рванула! Аж зашипело. В этом месте такое кровотечение означает неизбежную и быструю смерть больного, и я это знал. Сунул я наугад в самое жерло кровотечения кусок гемостатического тахокомба и прижал рукой мозг, прущий из черепа, как тесто из опары. И я не прочитал, а взвыл про себя первую пришедшую на ум молитву. Как выстрелил ею!

Через пятнадцать минут, поливая мозг физраствором, осторожно убрал руку. Кровотечение – остановилось! Мозг принял обычный объем! Послеоперационное течение – гладкое. Больной выздоровел. Ничем другим, кроме как чудом, я объяснить этот сверхъестественный гемостаз не могу. Может быть, несмотря на то что я в Него не верю, Бог верит в меня?

Anamnesis vitae

Вчера Липкин пришел с консультативного приема и ржёт. Осматривал он девочку с последствиями травмы шейного отдела спинного мозга. В ходе осмотра стал добывать у нее коленные и подошвенные рефлексы. Зорко бдящая мать устроила скандал:

– У ребенка шея сломана, а он ее по коленям стучит, за пятки щекочет и иголкой колет! Насажают неучей! За взятки выучился и над людьми издевается!

Поведав всё это, Липкин погрузился и сказал:

– Всплывет теперь где-нибудь в Германии или Израиле и будет всем рассказывать, какие в России тупые врачи!

Лечение эвтаназией

По просьбе хорошего знакомого осматривал сегодня больного ребенка «на дому». Привезли меня за город в огромную домину с парком и охраной. Есть, наверное, и более богатые дома, не один же он такой, но я богаче – не видел. Голубые ели, как у Мавзолея, мрамор, хрусталь, мебель «ножки гнуты». Грешен – позавидовал: «Живут же люди!»

Но когда осмотрел ребенка – устыдился: в хорошей постели на шелковых простынях лежал парализованный злобный идиот с выпученными глазами и редкими рыбьими зубами.

Мама мальчика, обесцвеченная блондинка с выжженным лицом, сказала, стряхнув сигаретный пепел в чашку с кофе:

– Он раньше лучше был. А сейчас – как с ума сошел: орет, кусается. Представляете: нагадит, а потом говно по лицу размазывает!

Что тут скажешь! Растет мальчик. Половые гормоны в нем кипят и бунтуют. Там, где обычный подросток дерзит, предается онанизму и убегает из дома, подросток-олигофрен удовлетворяется фекальными масками и копрофагией.

Говорю об этом мамаше, советую показать ребенка психиатрам. Мамаша безнадежно машет очередной сигаретой:

– Смотрели его в Америке и Фейнголвд, и Тейлор! Бесполезно...

В хорошую же я компанию попал! Говорю:

– К сожалению, методами нейрохирургии помочь в этом случае невозможно.

Мамашка наливает себе в недопитый кофе коньяк:

– Вам налить?

Хороший коньяк, но лучше отказаться.

– Может быть, ему надо что-нибудь удалить из мозга? – снова за свое женщина.

Есть такая картина у Босха: «Удаление камня глупости». И сейчас есть специалисты по таким операциям. Только названия таким операциям придумывают более «научные».

Еще раз рассказываю об этиологии и патогенезе заболевания ребенка. Мамаша, не один раз уже все это слышавшая в США, Германии, Китае и стр., окончательно теряет ко мне всякий интерес.

Прощаемся.

Мужественные родители! Вполне могли бы поместить мальчика в специализированное учреждение с хорошим уходом, но они предпочли сами нести свой крест.

Судьба большинства таких больных, как правило, – трагична. В больницах их долго не держат, а дома создать им нормальные условия чаще всего бывает невозможно.

Старуху после травмы головного мозга в одной семье держали в ванной. Клади на дно ванны сетку от гамака, потом – голую бабу. Больная так и лежала там сутками, справляя все свои надобности «под себя». Когда начинало уж очень сильно вонять, старуху приподнимали на этой сетке и обмывали душем. Как сами изобретатели обходились без ванной – не знаю.

В одной кубанской станице уже взрослого безумца держали при любой погоде во дворе дома. Не мудрствуя, посадили его на собачью цепь, надев ошейник. Больной выглядел очень здоровым: загорел, закалился. Имел отменный аппетит. Сердобольные станичники бросали ему съестное через невысокий штакетник. Мальчишки – дразнили.

Безумец рвался с цепи и кричал:

– Бучнень, бучнень!

Это означало, со слов людей знающих, «ячмень». Почему-то только это слово сохранилось в поврежденном мозге.

В этой же станице, в закутке курятника, держали бабулю, «выздоровевшую» после инсульта. Периодически любящие дети выводили ее во двор и отмывали от куриного и собственного бабусино помета струей воды из садового шланга. Эта больная была достаточно адекватна. Но речь ее состояла только из слова: «динь-динь». Удивительно, но с помощью этого «колокольчика», мимики и жестов бабушка могла рассказать практически всё! В станице ее так и звали – «бабка Динь-динь».

Наше отделение, особенно его нейротравматологическая часть – надежный поставщик таких больных. Раньше мы могли пристраивать выживших травматиков в неврологические отделения и небольшие местные больницы. Теперь же, когда, идя навстречу пожеланиям россиян, наши организаторы все модернизируют, оптимизируют и всяко-разно улучшают, – больные остались за бортом здравоохранения. Не для них оно создавалось, это здравоохранение с социальным недоразвитием пополам! О реабилитации больных никто думать не хочет. Пилить деньги можно и без больных.

Короче, разбив лбы об стену, мы вынуждены теперь просто выписывать беспомощных пациентов домой. Там они и доживают в чуланах, дальних комнатах, курятниках и... Хорошо, если не в сортирах.

Отчаявшиеся родные, устав от вони, стонов и пролежней, периодически вершат над своими больными эвтаназию. Обычно с помощью подушки. Особенно она (подушка) эффективна в отношении детей.

А одна мамаша, долго не заморачиваясь, ввела в зонд больному сыну уксусную эссенцию. Все обнаружилось, и тетку посадили. Но сколько таких случаев остается «за скобками» правосудия! Возможно, когда-нибудь у нас создадут достаточное количество реабилитационных центров, интернатов и хосписов. Но я не сомневаюсь, что и они превратятся в предприятия для добывания бабла хамоватыми неучами.

Нет у меня причин надеяться на иное.

Anamnesis vitae

Закупили для лаборатории нашей больницы три компьютеризированных анализатора. Здоровые такие комбайны с лампочками. Сто пробирок, и все крутятся.

Молодым лаборантам – всё до лампочки, и разбираться с этой техникой они не захотели Два врача-лаборанта – обоем по 60 лет – освоили эту технику.

Ездили учиться на свои кровные. Сидели на телефоне, связываясь с поставщиками этой японской хрени, и т. д. Разобрались, наладили. Стали выдавать на горá анализы непостижимой точности.

Стоит ли говорить, что когда в ходе дальнейшего улучшения и модернизации медицины стали увольнять «лишних» врачей – уволили именно этих отличниц медицинского производства?!

Синдром сутяжника

Я совсем не против жалоб пациентов на врачей и медиков вообще.

Сам эти жалобы индуцирую, предлагая больным:

– Если вас что-то не устраивает, если вы видите наши недостатки – сразу обращайтесь ко мне.

Иначе и сестры, и врачи, при теперешнем уровне компетенции и старательности, быстро перестают мух ловить. Жалобы – хороший дисциплинирующий фактор.

Знаю одну среднерусскую область, в больницах которой на видных местах вывешены телефоны местной медицинской страховой компании с предложением больным сообщать обо всех недостатках работы врачей и сестер. Действует очень эффективно! Жалоб на работу медиков практически нет. Но и самой работы тоже – нет! Медики просто бояться делать что-либо активно. Новое – не внедряется, старое забывается. Сидят врачи и весь рабочий день тщательно оформляют медицинскую документацию. Вся работа заменена канцелярщиной.

У нас всегда так: что бы ни делалось хорошего – все ведет только к ухудшению.

Вернемся к нашим баранам. (Я не больных имею в виду!)

Мешают жалобы, целью которых является получение пациентом каких-либо выгод. Сейчас все больше появляется людей, зарабатывающих на жизнь, судясь с медиками. Такие – проникают в больницу, выискивают медицинские ошибки или провоцируют таковые. Потом начинают «качать права» нудно и настойчиво. Часто медики «ведутся» и начинают в ответ хамить. Жалобщиком все это берется на карандаш и несется в инстанции.

Помогают таким больным появившиеся в крупных городах юридические конторы. Там работают врачи-консультанты, хорошо знающие медицинскую кухню и ее слабые места. Возможно, что там же разрабатываются сценарии «добывания» будущих жалоб. А юристы этих контор – помогают жалобщикам в суде против больниц.

Несколько лет назад в одной больнице был совсем особый случай.

Поступил в приемный покой молодой человек с жалобами на боли в животе, усиливающиеся при кашле, движении. Хирурги установили диагноз: «Острый аппендицит» и предложили больному хирургическое лечение.

– Удалим, – говорят, – этот червеобразный рудимент, и дело с концом!

Больной ушел в несознанку и от операции отказался.

Говорит:

– Чот я боюсь! Давайте понаблюдаем. Может, и так пройдет?!

Больного осмотрели еще и ответственный дежурный, и зав хирургическим отделением со дружиною, и профессор с ассистентами. Все эти перипетии фиксировались в истории болезни с упоминанием всех регалий консультантов. Делали еще всяко-разны анализы и УЗИ содержимого живота.

В конце концов больной сдался и дал согласие на операцию. Информированное, естественно, как сейчас и положено. Операция и послеоперационный период прошли гладко, и больного нацелили на викингштейн^[26], не снимая швов. И вот тогда-то больной, в сопровождении солидного дядечки в галстук, пришел к главному врачу.

Больной предъявил тому заверенную на каждом листе ксерокопию своей истории болезни, а оказавшийся юристом дядечка – вскрыл со всеми полагающимися церемониями письмо этого пациента, написанное еще до обращения в больницу и хранившееся у нотариуса.

В этом письме молодой человек заявляет, что он решил провести проверку работы этой очень клинической больницы. Для этого он СИМУЛИРОВАЛ боли в животе, почитав предварительно о признаках аппендицита в доступных популярных источниках. Особо он подчеркивал то, что не будет настаивать на хирургическом лечении и не станет симулировать наиболее однозначные симптомы аппендицита.

Говорил:

– Я даже симптом Щеткина – Блюмберга^[27] категорически отрицал!

Молодой человек бил себя в грудь и вопрошал:

– Как же так! Я, не сведущий в медицине человек, смог обмануть, не особенно стараясь, ваших хирургических корифеев, лабораторию и аппаратуру, закупленную на валюту за рубежом?!! Это же срочно надо сделать достоянием широкой общественности через телевидение, Интернет и продажную прессу! И еще. Как это мой совершенно невинный аппендикс оказался «гнилым»? Да у вас не только врачи некомпетентны, но еще и патанатомы продажны! Сколько им платит хирург с каждого отростка? А если это заключение, не дай бог – по опухоли?! И... и т. д.?!

Шок и скандал! Вся вертикаль больничной иерархии была потрясена, как осина на ветру. Естественно, парень – псих ненормальный, но что это меняет? Есть масса отговорок и объяснений, но кому от них легче? Удалось кое-как уладить это дело в досудебном порядке. Не стану говорить – как.

В больнице прошла большая стирка, направленная на улучшение диагностики острой патологии брюшной полости. Ввели, наконец, стандарт обследования больных с болями в животе. Заведующий общей хирургией поговаривает об уходе в дежуранты, а то и вообще – из медицины. Говорит, что работать стало невозможно: администрация гноит и придирается ко всякой мелочи. Что говорит тот профессор, который также осматривал того больного, – не знаю.

Перетрясли лабораторию и ее оценки по ФСВОК^[28]. Отправили на учебу за счет больницы врачей УЗИ. Купили еще один наимоднейший аппарат для диагностики «животных» заболеваний.

Так что жалобы очень полезны. Даже – такие.

Anamnesis vitae

Знакомая онколог Х часто попадает в неприятные истории. В общественном транспорте, магазинах и т. п. она, обращаясь к незнакомым людям, говорит не «гражданин», не «господин» и даже не «товарищ», а «больной!».

Пациенты легкого поведения

Иногда сотворишь что-нибудь такое, что думаешь: «Ну всё! Жалоба – 100%! Прокуратура, суд, тюрьма! Или еще в СИЗО убьют до суда и скажут, что так оно и было. Самоубийство, мол, вследствие ужасных угрызений совести». Где она, эта совесть у меня? В каком органе или части тела затаилась? Ан нет! Всё тихо.

Жалобы всегда случаются – и, как правило, на ровном, тысячи раз проезженном месте. Вот и сегодня с утра вызвали к главному врачу.

Наш главный давно отчаялся бороться с бардаком и дурью в одиночку и стал делать это руками больных и их родных. Любой человек, обратившийся в приемную главного врача и прохрипевший: «Я жаловаться пришел!» – будет непременно принят и выслушан.

Вот и сейчас в кабинете главного сидят две юные девушки, два часа назад выписанные из нейротравмы. Побили ребята этих подружек в воскресенье. И их, с подозрением на сотрясение головного мозга, подающий надежды дежурант Брайловский уложил в нейротравму.

Утром в понедельник в обоих нейрохирургических отделениях – завал! Мест нет. Больные лежат в коридорах, процедурках, кабинете заведующего и в сортирах. Основная цель утренних обходов в этот день – освободить места для поступления новой порции плановых больных, битой пьяной швали и судорожных бичей.

На утренней зачистке осмотрел я и этих девушек, сидящих теперь в кабинете главного врача. Неврологически – без очаговой симптоматики.

Местно – синяки на лицах, обида, желание наказать обидчиков, обострение общей стервозности... Но при чем здесь нейрохирургия?

Выписываем! Но это большая проблема – побитые девушки!

Предположим, исключили мы черепно-мозговую травму и предлагаем выписку. Тут же – слезы, сопли, заламывание рук:

– Куда же я с такими синяками?!

Но синяки мы не лечим, и все что можем – это направить девицу в поликлинику с диагнозом: «Множественные ушибы мягких тканей лица, туловища и конечностей».

Но девица идти в поликлинику не хочет. Не хочет сидеть в очередях, ходить по улице с фингалами на физиономии. Да и не факт, что поликлинический врач освободит пострадавшую от хождения на работу, где ждут ее шушукующиеся лучшие подруги, посмеивающиеся мужички-коллеги и критически настроенный начальник.

Хочется девушке побитой отлежаться у нас, вдалеке от любопытных глаз и наказать обидчика с нашей помощью. (Если диагноз будет «серьезным» – обидчику может светить уголовное преследование.)

Не знают или не хотят знать девушки, что тут же прибегут их обидчики и родственники обидчиков и станут катить на нас бочку, обвиняя в том, что мы «утяжелили» девичий диагноз за взятку.

Станут кричать:

– Сколько вам заплатили эти бляди?! Мы вдвое больше дадим!

Или придет виноватый, поплачется в девушкины коленки, униженно попросит прощения. Сердце девичье оттаёт, и придет она к нам же с просьбой «снять» криминальный диагноз. А он, этот диагноз, уже три дня красуется на титульном листе истории болезни и давно превратился в клинический диагноз, и давно ему пора делаться диагнозом окончательным. Снять его теперь – гораздо сложнее, чем поставить!

В результате – в большой обиде на нас и побитая, и побивший. Вся медицина для них – отстой и врачи – убийцы. Ходят парой в обнимку по отделению, лопают казенные щи и соображают, как позлее написать жалобу.

Короче – выписали мы этих подруг. Было ли у них сотрясение – теперь никто не скажет, но мест в отделении в понедельник – точно не было!

Главный говорит:

– Жалуются на вас девушки! Грубо вы с ними обошлись. Толком не осмотрели.

Тут девиц понесло:

– Дежурант нам хамил, толком не смотрел! Назначил снимки головы, хотя у одной копчик болит (пнули туда!), а у другой – ребра. Положено делать «эхо головы» (мы узнали – всем делают!), а нам – не делали! Всем соседям по палате делали «функцию», а нам даже не предложили....

Я не выдержал:

– В. К.! Мне через пять минут надо быть в операционной. У вас – полная приемная людей. А мы слушаем двух шантажисток! Вот их истории болезни. Там все написано. Добавить мне – нечего. Решайте что хотите, а я пошел!

Результат: главный разобиделся, девицы написали на меня жалобы во все мыслимые и немыслимые инстанции. Месяц я ходил к следователю, в прокуратуру, в облздравотдел, страховую компанию, администрацию города. Молодой следователь ржал:

– Проститутки они, оказывается! Стали с клиентов лишку требовать после предоставления услуг, вот те их и побили! Попали вы, доктор, под раздачу! А что делать? Служба у нас такая.

Вернусь к началу повествования. Всякое бывает. Умирают те, кто не должен был умереть. Осложнения тяжелые приключаются и т. д., но обычно – жалоб, разборок не случается. Чаше всего качают права вот такие «девушки», «простые люди», ищущие во всем свою выгоду, гопота, фанаты «Спартак», юные продавцы-консультанты, ждущие призыва в армию, и спортсмены. Не помню случая, чтобы на нас пожаловался большой начальник, учитель, священник или врач.

Anamnesis vitae

Рассказывает больной в приемном покое: «Взял я в ларьке кружку пива. Отпил половину – крыша поехала». Врач: «Не поверю, чтобы с полкружки пива „крыша поехала“!» Больной: «Да не у меня! У ларька от ветра крыша съехала и краем саданула меня по голове. Я вырубился. Пришел в себя уже здесь, в больнице».

Урок чистописания

Прооперировали мы одного пациента, да так, что он перестал нуждаться в дальнейшем лечении. Одним словом – умер. Как говорил Брайловский: «Понимаете, у нас тут все-таки – не санаторий! В санатории, конечно, если кто помрет невзначай – так это ЧП, а для нашего отделения – норма жизни. Или смерти. Как вам будет угодно. Это вопрос – философический!»

Выписали мы умершего в морг, а на второй день – на тебе! Является его вдова, вся в черном, словно галка. В судорожных руках – смятая и закапанная слезами бумага с жалобой.

Тут надо сказать, что по смерти этого больного никаких претензий к нам у семьи покойного не возникло. На производстве получил он тяжелую травму мозга. Особых надежд на выздоровление ни у кого и не было изначально.

– П. К., – говорит вдова, – что же нам делать?! Вот свидетельство о смерти мужа моего, Олега Кузавлёва. Смотрите! Какого числа он умер?

– Двадцатого, – отвечаю. – Ясно же написано. В чем вопрос?

Тут черная женщина протягивает мне больничный лист умершего. И этот больничный закрыт к оплате девятнадцатым числом! То есть, как и положено, – последним днем жизни умершего.

– Нам, П. К., на могиле какую дату смерти обозначать? Ту, что в свидетельстве, или ту, что в больничном?!

А сопровождающая вдову толстая тетка в траурной мини-распашонке а la Алла Пугачева говорит:

– Если умер двадцатого, то вы, получается, целый день зажулили! Его ведь к оплате в больничный не включили! Безобразие какое-то, честное слово! Зла не хватает, изверги! На умерших наживаются!

Забегали мы, естественно. История умершего – еще в морге. Судебники ее не отдают. Пришлось тащиться к ним и с криками, среди неопознанных трупов и вони отбивать историю болезни. Отбили. В истории время смерти – день и час с минутами, четко отмечен: двадцатого марта, 14 часов 12 минут. Претензии к свидетельству о смерти – отпали. А вот в графах, где в истории болезни врач делает запись для оформления больничного листа канцелярией, – написано как-то так, что хрен сразу поймешь.

Идем в медканцелярию:

– Что ж это вы, мать вашу, так больничные листы оформляете? Исправляйте сейчас же!

Канцелярские тетki заблажили, сбились в кучу и оскалились:

– Как у вас в истории написано, так и оформили! Где вы тут видите «20»?! Это же натуральное «19»!!!

Взяли за хобот лечащего врача. Валентин Григорьевич, не будь дураком, – уперся:

– Это – двадцатое! Ясно же написано. И цифрой, и буквами!

Самое простое в таком случае – назначить виновным лечащего врача. Так и сделали. Извинились перед родными. Дали им новый больничный с правильной датой. Проводили до дверей. Еще раз извинились. Говорим:

– Если что – снова обращайтесь к нам, поможем! Без церемоний, пожалуйста.

«Пугачева» говорит:

– Да пошли вы, козлы! – Ей мы как-то особенно не понравились.

В объяснительной Валентин написал: «Ошибка, вкравшаяся в мои записи, обусловлена особенностями моего почерка». Влепили ему выговор. А так как у Валентина Григорьевича подошло время переаттестации, то категорию ему не подтвердили. Не дают категории врачам с «непогашенным» выговором! Зарплату Вальке поэтому – урезали.

Пишет теперь квадратными буквами и, по слухам, компенсирует денежные потери поборами с больных и подработкой в частном медцентре. Теперь и с этим еще надо разбираться.

Вот ведь как бывает! К успешному лечению – никаких претензий. Мы, можно сказать, друзьями расставались с этой женщиной – вдовой!

И тут такая ерунда, мелочовка, цифирь, а на тебе – все успехи наши псу под хвост! Обидно.

Р. S. Но я-то точно помню, что Олег умер восемнадцатого!

Anamnesis vitae

Старые хирурги любили задавать такой вопрос:

– Вызывают тебя к больному. Больной не дышит. Давление – по нолям. Сердце не прослушивается. Что необходимо сделать в первую очередь и безотлагательно???

Ответа не давал никто. А правильным ответом было:

– В первую очередь и срочно необходимо ПОДУМАТЬ.

«Мы ампутуруем ноги!»

Всегда меня успокаивает наблюдение за работой автомехаников.

Спокойная, конкретная деятельность. Известны необходимые для ремонта детали. Результат – легко контролируется: машина едет или не едет, стучит или – не стучит и т. д.

В медицине я вот так же завидую травматологам. Перелом – он сросся или – не сросся. Результаты лечения – контролируются еще проще, чем у механиков: объем движения в суставах, рентгенография. Навороченные компьютеры чаще всего – не нужны.

В нейрохирургии – все сложнее, неопределеннее. Надо спасти жизнь и удалить опухоль головного мозга. Но часто этого можно достигнуть только ценой появления тяжелых дефектов деятельности мозга. Опухоль удалили, и человек будет жить, но иногда правые (левые) конечности у него двигаться уже никогда не будут, а правша, при операциях на левом полушарии, – может престать полноценно говорить, писать и считать. Стоит ли спасать? Долго судим и рядим с родственниками. Им же потом ухаживать за своим «выздоровевшим» больным. Говорить ли об этом с больным? И как говорить?

Был такой великий нейрохирург Дэнди. Отчаянный радикалист! При злой опухоли полушария мозга он просто все полушарие – удалял. Диагнозы ставил, надувая головной мозг больного через люмбальный прокол газом. Потом – снимки черепа. Газ контрастировал полости мозга, и по их смещению от нормальной локализации – судили о локализации опухоли. Пневмоэнцефалография

называется. Мучительнейшая для больного процедура! Но до изобретения томографов была одной из трех основных методов обследования больных с опухолями мозга.

Другой, более, на мой взгляд, великий нейрохирург Гарвей Кушинг, относился к мозгу бережно, основной целью операции считал улучшение качества жизни больного. Частичное удаление, чтобы снять головные боли и судороги, паллиативная терапия и т. д. Сейчас вновь вернулись к идеям Кушинга, дополнив их химио- и лучевой терапией.

Не знаю как сейчас, но в семидесятых годах в США при запущенных опухолях в «нижних этажах» тела иногда делали операцию гемикорпорэктомии: удаляли всю нижнюю часть туловища с ногами. Делали из человека бюст. Человек, перенесший такую операцию, должен был уж очень любить жизнь, чтобы сохранять ее такой ценой!

При поражении спинного мозга часто развивается спастический парез. В этом случае ноги (иногда – ноги и руки) не могут направленно двигаться. Человек ими управлять не может. Но, в отличие от вялого пареза, при спастическом конечности находятся в постоянном и болезненном напряжении. При попытке ими двигать – в мышцах возникают спонтанные мучительные сокращения. Есть масса препаратов, процедур и операций, позволяющих перевести этот спастический парез в вялый. Но далеко не всем больным они помогают. Спастика – большая проблема неврологии и нейрохирургии.

Обсуждали мы ее как-то с немецкими коллегами. И один немец, между прочим, как нечто общеизвестное, упомянул операцию, назвав ее по имени автора, которая радикально решает проблему спастики. Не помню я имя этого автора. Через переводчика, набросился на коллегу с вопросами. Что за операция, на каких структурах мозга, инструментарий??? Переводчик, как-то смущаясь, перевел:

– Мы ампутуруем ноги!

Очень логично и очень по-немецки. У нас такие операции – не привились.

Anamnesis vitae

Поступила к неврологам девица 14 лет. Упала, ударилась затылком об пол и ослепла. Неврологи, офтальмологи и так и эдак ее обследовали, но причины слепоты не нашли. Параллельно ее лечили всяко-разно. Наконец, назначили «иголки» (иглорефлексотерапию). При этом выбрали очень неприятный ее вариант: иглы вводили в различные точки скальпа (кожу головы). А это – очень больно.

Я и лечащий девицу невролог находились в реанимации, когда неврологу позвонили и ликующе сообщили, что девочка прозрела!

Идём в отделение и видим, что в дальнем конце коридора везут на кресле, нам навстречу, эту больную. И больная еще издали начинает сиять и кивать головой, приветствуя невролога. Невролог тоже засиял, а потом вдруг посерьезнел и говорит:

– Как же эта паршивка меня узнала, если она не могла меня видеть?

Погрустнел, а потом говорит:

– Ничего! Все равно для родителей, да и для всех, мы будем СПАСИТЕЛЯМИ!

Параллельные

Нет, лучше не делается. Вялая, лицо – восковое. Анализы – дрянь.

Милая девушка в черном паричке плоско лежит на больничной койке. У девушки – нехорошая опухоль головного мозга. Полечилась она уже и в Израиле, и в Германии и, как это чаще всего и бывает, умирать приехала домой, в нашу периферийную больницу. По предложенной в Германии схеме проводим мы ей химиотерапию. Переносит она ее плохо. Ее мама, врач нашей больницы, ни на шаг от нее не отходит.

Говорю я Вике:

– Твой случай – уникален! Ты ведь – натуральная блондинка, а с темными волосами выглядишь шикарно – перекрашивайся в брюнетку!

Вика вежливо улыбается. Она знает о своем заболевании всё. Что там у нее в душе делается? А недавно пришел из армии ее друг, жених, бойфренд... Не знаю, как это теперь называется. Упитанный такой мордоворот. По одежде и повадкам – гопник. Лицо – расплывчатое и туповатое. Типичный славянин.

Стали судить и рядить наши тетki, что совсем он не пара нашей рафинированной Вике. Но Вика оказалась зорче и умнее нас. Рассмотрела она в этом гопнике то, что не видели мы.

Приходит ко мне этот «жених» и говорит:

– Я вижу, хуже ей становится?

– У нее серьезное заболевание. Могут быть и ухудшения. Но мы надеемся...

– Мне справка нужна о тяжести ее состояния!

Я распустил хвост и стал вещать, что справки, информацию о здоровье и прочее мы даем только ближайшим родственникам. И тут этот мальчик рассказывает мне такую историю. Оказывается, что неделю назад они с Викой подали заявление в загс с целью заключения брака. (Викино заявление – прямо из больницы, заверив его у нотариуса.) Увидев, что Вике делается хуже, – заторопились. Узнали, что заключение брака можно ускорить, если будет справка о тяжелом состоянии Вики.

Спрашиваю:

– А родители в курсе?

– Еще нет! Сегодня все скажем.

Сказали! Будущие теща и свекровь повели себя на удивление мудро. Поплакали в ординаторской, а потом собрали слезки в ладошки и пошли улыбаться и поздравлять новобрачающихся.

Но сколько пищи для больничных сплетников! Мужчины-врачи отнеслись ко всему этому с пониманием и зауважали гопника. Но нежные женщины стали говорить о том, что парень – дурак... а нет ли какой корысти у него... а вдруг дети!.. И что это будут за дети у такой больной и отравленной женщины... куда смотрят родители... да и загс не имел права принимать такое заявление и т. д. Может быть, они в чем-то правы, но я рад за Вику и за «гопника», оказавшегося настоящим человеком.

Случай этот ценен для меня еще вот почему. Совсем недавно к нам привезли еще более молодую девочку с впервые возникшим эпилептическим приступом. Раньше ее родителей у нас появились родители ее жениха. Стали требовать сведений о заболевании девушки, о прогнозе и т. д. Что-то, видимо, узнали, и вскоре в палату к этой больной пришел ее жених с кучей друзей и в их присутствии объявил девушке, что, поскольку она тяжело больна, он имеет право отказаться от взятых обязательств и все отношения с ней – прерывает.

Потом еще «как хороший друг» пару раз навещал свою «бывшую». С ней каждый раз делалась истерика. Пришлось его пнуть и распорядиться, чтобы в отделение его больше не пускали.

Anamnesis vitae

Первая благодарность.

В приемном покое больницы меня ожидал плюгавенький мужичок в рабочей промасленной спецовке. К груди он прижимал два больших газетных кулька. Меня он сразу забраковал: «Мне нужен не ты, а В. А.! Он мне палец спас». Мужик повертел у меня перед носом культей второго пальца правой кисти: две фаланги отсутствовали. Блестящим достижением медицины это назвать было трудно – потеря части второго пальца у правши, это почти инвалидность. Но я хорошо помнил, что у этого больного был запущенный остеомиелит. Остановить гнойный процесс удалось, только удалив разрушенные кости пальца.

Так и не признав меня своим спасителем, больной оставил свои кульки, наказав передать их В. А. В кульках находилось две бутылки ординарного коньяка и килограмма два конфет «Радий».

Невостребованные покойники

Встал на больничной планерке наш патологоанатом Рувимыч и стал ругаться, обращаясь к главному:

– Жара ведь – лето! А у нас в морге двадцать трупов. Родственники не забирают. Морозилок не хватает. Гниют. Выделяют вонь и биожидкости. Мухи. Работать невозможно! Я вам уже пять докладных написал. Давайте уже хоронить за счет больницы.

Главный:

– А с родственниками вы связывались?

Рувимыч:

– А как прикажете с ними связываться? Звонить: «С вами говорят из морга! Ваша матушка у нас чуть-чуть протухла. Может, заберете?» Просто не надо больных до смерти доводить в больнице! А то мрут и мрут. Вон в областной: только больной приготовится коньки отбросить – его на носилки и домой. И смертность у них по нулям!

Главный:

– Ладно! Пишите новую заявку на захоронение двадцати бесхозных трупов. Но денег на это нет.

Рувимыч:

– Пока у вас деньги появятся – еще с десятков наберется. Я напишу заявку на тридцать. А то вон в нейрохирургии еще пятеро на подходе. Родственники их, по моим сведениям, не посещают.

Завнейрохирургией:

– Есть тут наша недоработка. К этим умирающим родственники ходили, но, как только оформили их банковские вклады на себя и завещания подходящие выбрали – сразу исчезли. А троих мы выписать хотели. Еще скандал был: к вам родственники бегали, просили оставить в больнице, мол, ухаживать

некому, как что делать не знают... Как не знают! Сто раз все им показано и рассказано было. А теперь – ищи-свищи их. Зря вы тогда мне выговор вкатили.

Главный:

– Зря не зря... Работать надо с родственниками! Понимать, чего они хотят. А то плачут: «Спасите любой ценой!!!» А при выписке пишут жалобу, что, мол, послеоперационный рубец некрасивый. Кто тот рубец под трусами видит!

Одни желают, чтобы больной умер «в кругу членов семьи». А что это не кино – не соображают. Мало кто готов наблюдать агонию. Вот и умирают за шкафом или в чулане, вонючие и в пролежнях. Но в «кругу членов»!

Другие просят поддержать в больнице до конца. Этих я понимаю. И тех, кто просит отдать покойника без вскрытия, – понимаю... Но родственников «забытых» трупов – не понимаю!

По окончании планерки завурологией хлопнул патанатома по спине и сказал:

– Не ссы, Рувимыч! Лето кончится, зима у нас длинная и морозная. Откроешь окна в морге, и твои жмурики отлично сохранятся до весны. Только смотри, чтоб кто-нибудь не убежал, как в прошлый раз.

Anamnesis vitae

Хирурги одной больницы почти весь дареный алкоголь сдают за полцены в круглосуточный магазинчик «24». Магазины в пору менять вывеску: в продаже только элитный алкоголь!

Антикварная старушка

Наша медсестра попросила подлечить свою деревенскую бабушку.

Спина у старушки заболела.

Сестра говорит:

– Пусть бабуля хоть отдохнет чуток. Может, ей сердце еще подлечить заодно, суставы. Да и мы от нее отдохнем! Пока она лежит – дом в деревне в порядок приведем, на огороде все сделаем. Она ведь замучает своими советами и придирадками! Все ей не так да не эдак будет.

Рассказала, что возится бабушка целыми днями на огороде и по дому. Все – одна. Дед, как водится, слаб здоровьем и подвержен пьянству. Пьянство в наших деревнях – удручающее! Пьют все и не считают это за грех.

Спрашиваю у деревенского священника:

– Поди, самогоном травится народ на селе?

– Какой самогон! Наведут сахара с дрожжами, сделают брагу для перегонки в самогон, а гнать – лень и долго. Пьют прямо это мутное «сырье», даже не фильтруя. А от браги, сами знаете, какое случается! Помогите им, угодник Божий Вонифатий!

Госпитализировали мы старушку к себе. Типа – по благу. Ходит она – буквой Г: переломлена в пояснице и носит туловище параллельно земле. Назначили массаж, физиолечение. Показали терапевтам. Те назначили свое лечение. Очень щадящее. Через два дня бабушка-старушка стала умирать! Ходить перестала. Появились боли в сердце, одышка. Губы – синие, не ест, не спит. Молится Богу и плачет. По три раза за день к ней по «cito!» кардиологов вызывали. Так, думаю, до реанимации дойдет.

Тут приходит наша медсестра, родственница этой умирающей старушки, и говорит:

– Что тут поделаешь! Давайте заберем мы ее домой. Что ей на казенной койке умирать! Деревенские ведь могут сказать, что мы ее специально в больнице уморили. Дом, мол, хотим к рукам прибрать. Выписывайте. Только, если можно – с машиной помогите. Лучше – «уазик». А то по нашей грязи на другой машине до деревни не доехать.

Затем эта сестра рассказала, что дня три старушка отлеживалась. Потом выползла на огород. Увидела, что в ее отсутствие огород окончательно загубили. Взвыла и запричитала. Деда – прибила. Родственников разогнала и все так же, параллельно земле, стала все перекапывать и пересаживать. Все боли в сердце и одышка – прошли. Умирание было отложено до лучших времен.

Родственникам надеяться на наследование дома и огорода, я думаю, теперь не стоит. Старых людей, как антикварные часы, – лучше не ремонтировать: ломаются окончательно.

Anamnesis morbid

Зав абдоминальной хирургией, увидев толстяка, всегда говорит одно и то же:

– Вот ведь достанется такой кому-то на операцию! Намучается!

Я же, завидев лысый череп или стриженного под ноль, тут же начинаю мысленно чертить на такой голове схему Кронлейна и намечать линии разрезов для трепанации черепа.

Смертник-«лобник»

I

Смотрит на меня белыми глазами и молчит. Огромный такой парень, лежит, с трудом помещаясь на казенной койке, в тюремной больнице. Лежит он прямо на грязном лоснящемся матрасе. Такая же подушка – под головой. Скользящая трубка капельницы убегает куда-то под серое одеяло. Рядом, на тумбочке, жестяная миска с холодной кашей, из которой торчит вареный рыбий хвост.

Сопровождающий меня тюремный врач, поймав мой взгляд, сказал:

– Усиленное питание!

Пахнет гнилой капустой и моргом. Ловлю себя на том, что стараюсь ни к чему здесь не прикасаться – как в туалете плацкартного вагона. Вот ведь, думаю, твою мать, ну совершил человек преступление, наказали его по закону – лишили свободы. Но написано ли в этом законе, что человека надо наказывать еще и грязью, холодом, мерзкой пищей и жестокостью? Этот еще и заболел. Поди ведь и не лечили ни фиги!

До постройки этой тюремной больницы заключенных с хирургическими проблемами содержали у нас, в областной больнице. На территории отделения урологии была оборудована палата-камера. Рядом с металлической дверью этой камеры всегда сидел солдатик внутренних войск с автоматом. Поверх формы его обязывали надевать белый халат и шапочку. Выглядел он уморительно!

Сестрички урологического отделения делали больным зэкам уколы, раздавали лекарства. Они утверждали, что заключенные – самые дисциплинированные и любезные больные. Однажды, чтобы тем было не скучно, сестры принесли им радиорепродуктор. Было такое чудо техники: втыкаешь в розетку «радио», и дундит оно тебе целый день про успехи на полях, мартезовских печах и о Большом театре с лебедями. Зэки этот прибор разобрали и сделали кипятильник. Стали варить чифирь. Чай им приносили все те же сердобольные сестры.

Когда построили при «зоне» больницу, многие наши врачи ушли туда за большими деньгами. За «гробовыми». По старой дружбе они частенько обращались за помощью к нам, врачам областной больницы.

Вот и об этом больном позвонили мне домой:

– Понимаешь, здоровый такой лоб, все на голову жаловался и на зрение. Мы думали – мульку гонит. А он выдал судороги на целый час и так с тех пор три дня – без сознания. Но дышит хорошо и давление держит. Взял бы ты своего чудо-офтальмолога, да и посмотрели бы мужика.

– А до нас что – не довезти?

– Какой там! Да и начальство лагеря не разрешит. Он особо опасный, «полосатик». Ему надо усиленную охрану выделять на перевозку, на содержание в больнице. Нет, исключено! И потом: может, он все-таки притворяется?!

Приехали мы с Генрихом в тюрюгу. Нейроофтальмолог Генрих посветил своей лампочкой через стеклышко больному зэку в глаза и присвистнул:

– Он в самом деле не видит: двухсторонняя атрофия зрительных нервов!

Стал и я стучать и слушать. Кома I. Речевой продукции – нет, сам на обращенную речь – не реагирует. Зрачки разные: левый шире правого. Лицо – асимметричное. Движений в правых конечностях – нет. Ультразвуковым доплером я определил, что мозг смещен на 11 мм слева направо. Есть-таки в голове какой-то «объем»! Может быть – гематома, может быть, опухоль или абсцесс. Спешить надо, однако.

Спрашиваю у местных медиков:

– Его по голове не били? Сам не падал?

Местные такие предположения отвергли:

– Кто ж такого амбала ударит? Да он и сидит в одиночке. Даже гуляет один. Нет, все постепенно развивалось.

– А давно он у вас?

– Второй месяц. Собирались его как раз в Вологодскую область переводить, и вот – на тебе!

– А зачем переводить?

– Так наших там расстреливают, в Вологодской...

Томографов тогда не было категорически. Даже о возможности существования такого аппарата мы не догадывались. Верхом диагностики считалась каротидная ангиография.

Четыре услужливых зэка снесли на носилках нашего больного в черный погреб: рентгеновское отделение в тюремной больнице устроили почему-то в подвале. Уложили на рентгеновский стол. Рентгенолаборант «прицелился» в голову больного, как для снимка черепа. Под местной анестезией

проткнул я больному левую сонную артерию, провел в нее как можно далее специальную иглу и, вводя нужное количество контрастного вещества «верографина» шприцом в артерию, крикнул рентгенолаборанту: «Ток!» Аппарат зажуужал и щелкнул. Готово!

На двух снимках получили мы изображение артерий левого полушария мозга. Артерии были грубо смещены с места их нормальной проекции. И (редкая удача!) стали видны сосуды самой опухоли!

Когда мы вернулись в ординаторскую хирургического отделения, там уже собралось лагерное начальство.

– Ну, доктор? Что будем делать с душегубом? – спросил меня чин в погонах полковника.

– Оперировать будем. И чем скорее, тем лучше. Ему уже голову бреют. У больного опухоль левой лобной доли. Опухоль, по всей видимости, – доброкачественная, но грубо смещает мозг. Удивляюсь, почему он до сих пор жив!

– Оперировать... Может выжить?

– Трудно сказать. Чем дольше человек в коме, тем хуже результат. Но случаи такие бывали, и не раз. Большинство – выживает.

– Да не надо, доктор, ему выживать! Ему уже приговор вынесен – расстрелять. Его ходатайство о помиловании – отклонено. Хотя можно и отпустить... Родственники растерзанных им девочек его на куски порвут! Тут такое вокруг зоны творилось, когда его к нам привезли! Случай тяжелый? Так напишите, что операцию он не перенесет, и дело с концом! Пойдем к нам (чин брезгливо окинул взглядом убогую ординаторскую), закусим чем бог послал, выпьем! Ну?!

– Зачем тогда меня вызывали? Решили бы все сами, со своими докторами...

– Со своими докторами мы еще поговорим!

Тут в разговор вмешалась Устинья Федоровна. Здоровая такая бабеллина. Раньше она работала у нас в общей хирургии. Потом ушла в «зону» и стала у них главной по медицине (не помню, как она у военных называлась):

– Доктор наш все верно сделал! Вы, Сергей Петрович, забыли, как нас всех, а больше всех – вас, дружили, когда смертник Аист, коньки отбросил?! Это же ЧП по всему министерству – смерть приговоренного к «вышке» на «зоне»! Вся эта мелкая шелупонь мрет пачками, и хоть бы хны! Пишем, пишем, а ни лекарств, ни оборудования... Но не дай бог «смертнику» умереть – комиссиями замучат!

Начальник скис и стал боком, как краб, выбираться из-за стола. Свита тоже зашевелилась.

В дверях полковник остановился и спросил у меня:

– Думаете, если он поправится, он вам спасибо скажет? Когда его здорового на расстрел поведут? Да проклянет он вас! А проклятия смертников – сбываются. Всего хорошего!

С этими словами начальство удалилось.

– Упыри! – прошипела им вослед Устинья.

И, уже обращаясь к вызвавшему меня доктору, весело сказала:

– А тебе, Аркаша, век не аттестоваться! Не примут тебя в ВВ!

Вместе с Устиньей мы пошли в операционную. Юркий зэк-санитар с повадками наркомана принес бахилы и, бережно поместив в них ножища Устиньи, завязал тесемки на ее щиколотках кокетливыми бантиками.

Я его помощь отверг.

– Ну и зря! – хохотнула Устинья. – Он теперь долго переживать будет и думать, чем это он нам не угодил! Знаешь, как они за свое место держатся?! Языком готовы пол в операционной вылизать! Но больше трех месяцев все равно не удерживаются... Тут такие нравы!

Опухоль удалась очень прилично. Даже кровь не переливали.

В конце операции Устинья сказала:

– Эта опухоль ведь не один год росла?

– Конечно, не один. Лет пять, а то и более.

– Слушай! Так он, может быть, потому и зверствовал так, что у него опухоль в мозгу была? Лобная доля, и все такое...

– Не знаю. Лобники бывают, чаще всего, или тупые и малообщительные, или эйфоричные и дурашливые. До сих пор не встречал я убийц с опухолями лобных долей. Этот – первый.

– Но все-таки... Адвокатам есть тут за что ухватиться.

– Вам теперь – виднее. А как это делается? Приговор есть, помилование отклонено... Кто будет хлопотать, возиться?

Когда мы после операции пришли в ординаторскую, Генрих уже спал, укрытый казенным стеганым халатом. На столе стояли недопитые бутылки со спиртным.

– Ну что – вздрогнем?! – спросила Устинья.

Генрих тут же открыл глаза, поспешно перешел в положение «сидя» и сказал:

– А как же! Наливай!

Водитель разбудил меня уже у подъезда родного дома.

II

Лет через пять вызвали меня на консультацию в туберкулезный диспансер.

– Есть тут у нас такой больной... необычный. Все его боятся. Лечиться не хочет. Нашего невролога послал матом. Его оперировали на головном мозге. Только мы не знаем, что за операция....

Так тараторила молодая докторица провожая меня к палате больного.

В буфете больные «принимали пищу».

– А вот и он! Обедает.

За столиком в одиночестве сидел оперированный мною в тюремной больнице душегуб. Неожиданно он перестал есть, повернул в мою сторону закинутую назад голову с незрячими, почти белыми глазами и, радостно улыбнувшись, сказал:

– А вот и мой доктор! Здравствуйте, П. К.!

Anamnesis vitae

Не дай бог в больнице положить во взрослую женскую палату больного ребенка с матерью! Добрые и чуткие женщины, обитающие в этой палате, протопчут слоновью тропу к кабинету заведующего и главного врача, люто требуя немедленно убрать ребёнка: давление от него повышается, и спать они не могут и т. д. и т. п. Доведут врачей до белого каления, а мамашу больного ребенка – до истерики.

Поэтому, мальчишек после четырёх-пяти годов мы подсажаем в мужские палаты: отъявленные алкаши, бичи трогательно ухаживают за детишками. Кстати, они и друг за друга всегда стоят в больнице горой.

Какое сегодня число?

Домой идти – поздно. Или еще рано? В полшестого утра? Пока переоденусь, пока доеду... Так и на работу можно опоздать.

Диван в кабинете узкий и жесткий. Антигуманный и антисексуальный, прямо скажем, диван. Но, возможно, не все со мной согласятся. В коридоре нашего отделения еще тихо и пусто. Свет приглушен. В процедурке Жаннетта «поправляет такелаж»: чем-то зло гремит и шумит водой.

Значит, так: схожу в реанимацию – посмотрю оперированного ночью больного. Потом побреюсь, душ и чифирь... Еще бы похудеть и сбросить годков десять – цены бы мне не было.

План реализуется только наполовину: звонит телефон, и реаниматолог Люся торопливо говорит:

– Ваш больной остановился!

Значит, побриться уже не удастся. Бегу в реанимацию. С порога (хотя порогов здесь как раз и нет!) реанимационного зала вижу, что спешил зря: больной Воротынцев Дмитрий Александрович, 1968 года рождения, клинический диагноз «менингиома бугорка турецкого седла», – мертвее мертвого. Он уже по-особому бледен, виски ввалились, губы синие. От массажа сердца, что радостно производит над ним интерн, у умершего безвольно трясется поддутый живот и обвисшие щеки. Интубационная трубка, того гляди, выскочит из трахеи. Хотя теперь какая на хер разница!

Люся дает отмашку: «Всё!» – и говорит сестре:

– Отметьте время смерти.

Спрашиваю:

– А раньше нельзя было позвонить?

– Так все хорошо было! Он в сознание пришел. Сам на трубке хорошо дышал. Вот последние анализы, посмотрите! Все путем. Хотели экстубировать. И тут он – раз! Кашлянул и abs – по полям!

– Дай историю. Хрен знает, что вы тут делаете, пока Бог спит.

– Ну вот, начинается! – обижается Люся. – Это вы себя, что ли, Богом считаете?

Хорошая девушка. Зря она в реаниматологи пошла. «Ступай в монастырь. К чему плодить грешников...» Так, кажется.

Еще раз смотрю на умершего Воротынцева. Сестра уже связала ему на животе руки. Глаза – закрыты... Важным стал и многозначительным. Эх, и подвел ты меня, Дима.

Потом начинается суeta. Утренняя пятиминутка, где сестры врут про напряженную ночь с множеством подробностей про судороги у двоих больных, промокшие повязки, про истерики Маштаковой и психозы близнецов Николаевых...

– А что, – говорю, – температурную кривую вы в истории без линейки рисуете? Старшая сестра! Кто у всех больных одинаковую температурную кривую в температурном листе на неделю вперед изобразил?!

– Вы что! Где!

Сказал бы я «где»! Старая совсем, Валентина. А как сказать? Сама не понимает. Кто-то и обо мне так думает, гадом буду!

После пятиминутки звонит жена:

– Ты сегодня когда домой придешь?

– Как всегда, в общем.

– Если «как всегда» – то это послезавтра вечером и пьяный в зюю! Ты мне сегодня нужен.

– А без меня – никак?

– Без тебя только беременеть хорошо и рожать! А к Галке на день рождения мне идти без тебя – неприлично.

– В шесть – буду.

Тут главное – соглашаться и говорить то, что от тебя ждут. А что там будет до шести часов вечера – никто не знает.

Тут же звонит начмед:

– Сегодня же надо срочно подать расчеты потребностей вашего отделения в медикаментах!

Зла не хватает, ей-богу! Говорю, стараясь быть вежливым:

– Почему все всегда – «срочно» и «сегодня»? Раньше нельзя было сказать? И потом: мы три года создавали стандарты для наших больных. Сколько и кого мы пролечили – известно: постоянно сдаем отчеты. Так дайте этим олухам из оргметодотдела задание все это подсчитать! У них там по два с половиной компьютера на рыло, а считаем всё мы, и «в столбик»! Это же вы нам должны говорить, где чего мы потратили и сколько еще нам надо!

– Не надо демагогий! Я жду к трем часам ваши расчеты. Никто не возмущается! Только вы! Вы думаете, что только вы в этой больнице работаете, а остальные...

– Груши околачивают?!

– Чтооооо?!

– Я просто вашу фразу продолжил. Вы же именно так хотели сказать?

Зову старшую сестру:

– Валентина Андреевна! У вас есть данные, сколько каких медикаментов мы потратили за прошлый месяц?

– Естественно! Издеваетесь?

– Умножьте все цифры на двенадцать, оформите как заявку на медикаменты на следующий год и отнесите секретарю главного для передачи начмеду. Мою подпись – спародируйте. Вы умеете, я знаю. Я ведь в операционную уйду, а начальство этих бумаг жаждет!

И так вру, выворачиваюсь и недоговариваю до той самой поры, пока по громкой связи не говорят:

– Больной в операционной! Ждем вас! А то анестезиолог уже ругается: «Пока хирурги не помоются – наркоз не начну!»

Сколько же у меня начальников, руководителей, указчиков и регуляторов! Плюнуть некуда!

Идем в операционную. В коридоре слышу, как наша пожилая санитарка учит молоденькую девушку в мини-халатике:

– Видишь, откуда свет бьет? Не три поперек света – разводы будут видны. Как лучи идут, по тому направлению и шуруй тряпкой!

Во какие тонкости! Не знал. Наконец все встает на свои места. Больной под наркозом. Нас облачили в стерильное.

– Можно начинать?

Лафа! Тут не соврешь, не объедешь на сивой кобыле, мульку не погонишь! «Да – да, нет – нет. А что сверх того – то от лукавого!»

Можно камеру на микроскопе включить, и тогда у нас будет свидетельство для защиты. А вдруг? Тогда будет свидетельство для обвинения. Но пока прецедентов в наших судах еще не было. Или я чего-то не знаю? Главное, чтобы больной не подвел, а в себе мы уверены.

– Разрез!

Anamnesis vitae

Оперировали больного с опухолью головного мозга. Ассистировал молодой доктор-интерн.

Для доступа к мозгу выпилили в черепе «окно» 8 на 8 см. Образовался плоский кусок костей черепа – «костный лоскут», как мы это называем. По окончании операции этот лоскут укладывается на место и фиксируется.

Выпилили лоскут, отделили его от мышц. Интерн держит лоскут в руках и не знает, куда его положить.

Тут присутствующий на операции коллега, видя, что интерн замер с куском кости в руках и уже в операции не участвует, хирургу не помогает, прикрикнул:

– Да брось ты эту кость и суши! Видишь, как кровит! Ничего же оператору не видно!

Интерн взял и выбросил лоскут в тазик у себя под ногами! То есть лоскут этот теперь как в помойном ведре побывал. Использовать его для закрытия дефекта черепа – невозможно.

Опасный врач

Спрашиваю:

– Ты врачом у нас сколько работаешь?

– Пятый год! – и смотрит зло.

«Понятно, – думаю. – Опасный возраст! Здесь ничему еще не научился, что учил в институте – забыл. Гонору – немерено. Знает все больничные сплетни. Не увольняется только потому, что никак не найдет дураков, готовых платить ему пять тысяч долларов в месяц за честные глаза и знание английского».

– Знаешь, – продолжаю, – есть люди, которые держат в клетках крыс разных, хомячков, шиншилл. Убирают вальеры: чистят прутья, меняют подстилку, моют кормушки и поилки. Даже купают всю эту зоологию, представь себе... Для чего они это делают, как думаешь?

– Вы меня за этим вызывали? Хомячков хотите разводить?

– Я узнать хочу, почему в твоих палатах помойка! Ты что, во время обхода не видишь, что постельное белье у больных – грязное, на полу – мусор. Ноги к полу прилипают... Почему прилипают, знаешь?

– Не замечал.

– А ты бы в палаты почаще заходил! Массу интересного можно увидеть. Тебе что, сложно призвать санитарку, сестру-хозяйку, старшую сестру и сказать, что не будешь делать обход, пока порядок в палате не наведут?! Больных трудно призвать к порядку? Чтобы все эти банки-склянки, посуду немытую выносили. Тумбочки в порядке содержали! Больные в чистоте быстрее выздоравливают!

– В мои функциональные обязанности не входит следить за чистотой!

– В твои обязанности входит лечить больных и, желательно, – излечивать их. Я понимаю, что в американских учебниках ничего о влиянии чистоты на выздоровление нейрохирургических больных нет, но это не повод превращать отделение в помойку. Ты, наверное, не замечал, но бывает так: больного прооперировали. Ему больно: стонет, кричит, ходит с трудом. Но, встав с кровати и направляясь в сортир, постель, хоть чуть-чуть да встряхнет, прикроет, застелет. Мусор прихватит и выбросит. Тарелку немытую в буфет отнесет. Так вот: такой больной выздоравливает гораздо быстрее, чем такой же больной, но неряха! А ты говоришь – не следить за чистотой!

Еще: у тебя больной Садальский третий день не бреется...

– Это его личное дело!

– И твое тоже! Может быть, к нему родственники не ходят. Некому бритву принести. Значит, будут проблемы с выпиской! За его лечением никто после выписки следить не будет. И пойдут все наши труды прахом! А может быть, он не бреется потому, что у него после операции появилась слабость или неловкость в правой руке? В ложе удаленной опухоли набежала кровь и давит на мозг. Не проверял? Или у него послеоперационная депрессия и не до бриться ему?! Мы его лечим-лечим, а он пойдет и повесится в сортире! Да и выздоравливают депрессивные плохо: неактивны. ЛФК, прогулки, занятия с логопедами – игнорируют...

Это только о небритости! А сколько там еще... Ладно, иди. Садальского посмотри. Если надо – повтори компьютерную томографию. Кстати, о тарелках. Если уж берете еду в больничном буфете, то хоть грязную посуду из ординаторской уносите потом. Сколько говорить вам об этом можно! Ей-богу, найму какую ни есть хирургессу, чтобы убирала за вами!

Ушел. Обиделся. Всем будет жаловаться, что я его тарелкой больничного супа попрекнул!

Anamnesis vitae

Красочно расписывать родителям тяжесть состояния ребенка и плохой прогноз – не стоит. Однажды, очень давно, я так вот рассказал все деревенской мамке. У ее мальчика была

медуллобластома^[29] головного мозга. Мамашика заплакала, взяла направление на госпитализацию и... исчезла!

Связались с районной больницей, направившей к нам этого мальчика. На краснокрестном «уазике» привезли эту парочку снова к нам.

«Что ж вы, мамаша?!» – напустились мы на женщину. Оказалось, что поняла она меня так, что бесполезно уже что-либо делать, и увезла ребенка умирать в родные края.

«У каждого врача есть свое кладбище»

I

Доктор-реаниматолог Петя Ботов не любил тратить время на медицинские дискуссии. Своих оппонентов Петя затыкал очень просто: не вдаваясь в цифры, факты и прочие высоконучные эмпирии, брал противника за пуговицу и спрашивал: «У тебя какая категория?» И если называлась первая категория и ниже, то Петя доброжелательно говорил: «А у меня – высшая! Так что отдзынь и не отвешивай, пацан!»

Если оппонент обладал высшей категорией, то Петя интересовался, кандидат ли он медицинских наук? Сам Петя давно защитил кандидатскую и писал докторскую.

С состоявшимися докторами медицинских наук Петя не спорил, так как считал их оторвавшимися от жизни недоумками.

И вот этот Петя, шутник и забияка, – умер. Смерть произошла так.

Отработал Петя суточное субботнее дежурство. Забрал десятилетнего сына у бывшей супруги (Петя был разведен и по суду только в воскресенье мог видиться с сыном). Поехали они на троллейбусе домой. Петя оплатил проезд, сел поудобнее и задремал. Но когда подошло время выходить, выяснилось, что Петя не дремлет, а умер.

Добрые люди за руки за ноги вытащили мертвого доктора на улицу и уложили в сугроб. На тот же сугроб, повыше, установили Петиного сына, как плачущий памятник. После этого троллейбус уехал. Часа через два милиция приметили зарезанного мальчишку рядом с неправильно лежащим на тротуаре мужчиной. Менты вызвали «скорую», и Петю отвезли в морг. Видимо, так она и должна выглядеть – достойная смерть врача с двадцатилетним стажем.

Похороны взяла на себя больница. Бывшая жена на похороны не пришла. Старшая Петина дочь учится в Англии. Будем считать это уважительной причиной её отсутствия на кладбище.

Стали закапывать Петю в мерзлую землю.

– Что ж вы землю пополам со снегом сыплете! – зашумела на могильщиков толстая анестезистка Лера.

– Не бзди, тетка! – весело гоготнул золотозубый работяга. – Мы – не вы! У нас всегда абгемахт! Нашу работу никто не переделывает – назад не выкапывают!

Постояли мы немного над печальным холмиком, заваленным дурацкими венками, и потопали, утопая по колени в снегу, к заказным автобусам – предстояли поминки. Пробираясь между заснеженных могил, я догнал Андрея Андреевича.

Андрей для нашей больницы – как Пушкин для России: всё.

Вся хирургия области началась с него. Лет ему – 96. Двигается с трудом, руки – трясутся, но голова работает отлично: всё помнит, в курсе всех медицинских новинок, говорит на четырех языках. Долголетие свое объясняет тем, что сидел в лагерях до войны, воевал и опять сидел после войны. «Свежий воздух, низкокалорийное питание – с этим в лагерях и на войне проблем не было», – говорит Андрей Андреевич. За толстыми стеклами очков – голубые, беспомощные глаза. Но это – иллюзия: Андрей – свирепый тиран.

Пошли мы рядом.

– Плохая Петьке земля досталась! – сказал старик. – Говорят: «чернозем, чернозем»... Грязь! Я здесь, чуть повыше, участок присмотрел. Там сухо и песочек – легкая земля. Пойдем, покажу. Чтoб знал! А то закопаете в болоте. Вас ведь сколько ни учи – всё по-своему сделать норовите.

Перспектива того, что собственные похороны пройдут не под его руководством, Андрея Андреевича явно угнетала.

Вместе выбрались на расчищенную от снега «парадную» аллею кладбища. И сразу наткнулись на помпезный памятник из гранита с оградой из якорных цепей. С овальной фотографии смотрел на нас мордастый мужик с бульдожьим прикусом.

– О! – обрадовался Андрей. – Мой пациент! В шестидесятых был первым секретарем партии области. Пошел с холуями на рыбалку. Подавился рыбной костью из ухи. Через день – глотать не

может. Слюна течет. Поднялась температура. Привезли к нам. Уж мы и так и этак: операции, антибиотики – всё без пользы делу – умер от медиастинита^[30].

У второй могилы Андрей Андреевич рассказал еще одну историю. В ней были любовь, ревность, ночная погоня, нож, выстрелы, многочасовая операция, литры потерянной крови. Виновница этих чрезвычайностей лежала теперь под задницей каменной девушки с пустыми глазами, сидящей на могиле.

Следующую могилу Андрей Андреевич пропустил без комментариев. Глянул, как бы тайком, на могильное фото красивой женщины и поспешил прочь.

Мне стало интересно:

– А это кто?

– Конь в пальто из Караганды! Жаль, не посадили этих олухов из первой городской!!! Пришлось их отмазывать, коллег херовых! Прооперировали они женщине варикозные вены на обеих ногах. После операции туго перебинтовали ноги. Так туго, что под утро развилась гангрена обеих ног. Засуетились: перевязки, дезинтоксикация, барокамера... Сразу надо было ноги урезать! В конце концов обе ноги, конечно, ампутировали. Да поздно: умерла Рахиль от почечной недостаточности. Муж у нее был начальником областного УВД...

Так Петр Андреевич рассказал мне почти обо всех покойниках «элитной» аллеи. Его ведь ни один сложный случай стороной не обходил. И начальники наши областные чуть что – к нему обращаются.

– Ну, Андрей Андреевич, знал я эту присказку о том, что у каждого врача есть свое кладбище, но воочию вижу такое впервые!

– А что, ты своих не встретил здесь?

– Боже упаси!

– Молодой еще! А хорошо бы было, если бы всех умерших лечащий врач сопровождал до могилы. В буквальном смысле! Чтоб обязан был земельку на гроб бросать, на поминках сидеть... Ошибок бы дурацких меньше было!

– Ну да! – сказал я. – Реаниматологам тогда некогда было бы на работу ходить и спились бы на поминках. Да и нам туго бы пришлось. Прибили бы родственники однажды на тех же поминках!

В это время из здания кладбищенской администрации вышла и заспешила куда-то на высоких каблуках молодая девушка в коротенькой курточке и в обтягивающих джинсах. Русалочьи волосы – по плечам.

– Смотрите, Андрей Андреевич! – сказал я. – Как думаете, кто эта девица?

– Блядь какая-то по кладбищу шлѐндает. Чем удивил! Они сейчас везде – от кладбища до Кремля!

– Нет. Это директор кладбища! Сидит эта красавица в директорском кабинете и всеми командует! Фамилия у нее – Нетудыхата. Зовут Олеся. Не замужем.

– Ну тогда точно – блядь! Хахаль ее на хлебное место пристроил... Директор! Трусняк – наружу. Как ей не холодно? Зима ведь! Выскочила, наверное, «до ветру»... Ты не приметил, у них в здании туалет есть? Зайти бы надо...

Но тут мы подошли к кладбищенским воротам и через полчаса уже сидели за поминальным столом.

II

Утром следующего дня я пришел в реанимацию. После выходных всегда много новых больных. В первом зале ритмично чавкал аппарат искусственной вентиляции легких РО-6. На аппарате – женщина.

– За что вы, изверги, даму к этому компрессору пристегнули?!

– Нет свободных дрегеров^[31]! Освободится скоро на третьем посту – подключим к нему.

– А с чем больная? Что-то я историю не вижу.

– Перелом шейного отдела позвоночника. Мозг – всмятку. Тетраплегия^[32]. Сама – не дышит. И в сознании, бедолага!

Вчера у кладбища машина сбила двух пьяных мужиков. Эта дура погрузила их в свой «лексус» и повезла со свистом в нашу больницу. И у самой больницы врезалась в нашего Гошу на реанимационном «мерседесе»!

– С Гошей что?

– А что ему делается! Он всех их и привез. Говорит, что «лексус» виноват – летел как ненормальный!

– А где мужики?

– Одного отпустили из приемного – ушибы мягких тканей. Другой, говорят, – в нейротравме с сотрясением мозга и ушибленной раной волосистой части головы. Кровил, вот дамочка и испугалась. Машину жалко. Говорят, капот в «гармошку», лобовое – вдребезги. Весь салон – в кровище. Восстановлению не подлежит.

– А хозяйка?

– Это уже ваши дела! А так – показатели стабильные.

Принесли историю. На титульном листе я прочитал: «Нетудыхата Олеся Николаевна. 28 лет». В графе «Ближайшие родственники» – прочерк.

Anamnesis vitae

Реаниматолог прибежал в приемный покой к умирающему больному. Помочь ничем не смог: не открылся чемоданчик с реанимационными причиндалами – заел замок.

Первый учитель

Мне в жизни повезло с начальством. Все оно сначала подряд, а потом через одного страдало алкоголизмом. А у нас ведь как? Все умные, совестливые и болеющие за свою работу люди рано или чуть позже становятся или наркоманами, или, что бывает чаще, – алкоголиками: водка дешевле героина.

Приперся я к главному врачу больницы, в которую меня распределили по окончании интернатуры.

Томная секретарша говорит мне:

– Подождать придется...

– А долго? Мне сегодня надо еще в облздравотдел забежать....

– Месяца два. Главный сегодня на специализацию по сексологии в Москву уезжает. Чему они его там могут еще научить? Если поспешите, то сможете застать его или в реанимации, или в патанатомии. Как выйдете от нас – идите прямо по коридору, потом спуститесь на первый этаж. Там у нас – реанимация. А морг – сразу под ними, в цокольном этаже. Очень удобно. Бегите-бегите, а то уедет, и вы без работы останетесь!

Главного я застал в реанимации. Большой и хмельной, по всей видимости уже не первый день, дядечка в крахмальном халате что-то жарко шептал по очереди «на ушко» двум повисшим на нем с двух сторон молодым врачам. Увидев меня – приосанился, стряхнул с себя «девочек» и весь обратился во внимание.

Тут же, в коридорчике, ведущем в реанимацию, я стал рассказывать, кто я, что закончил, как занимался хирургией со второго курса и т. д.

Главный врач слушал меня с неподдельным вниманием. Казалось, что он впитывает каждое мое слово...

Изложив все, что хотел, я стал ожидать радостных вопросов типа:

«Надо же, вы – и к нам?! Какими судьбами?! Где же вы до сих пор были?!»

Но главный задал мне только один вопрос. Все так же проникновенно глядя мне в глаза, он спросил:

– А почему вы без сменной обуви?

Потом откашлялся и рявкнул:

– Чтобы это было в последний раз! Идите в общую хирургию к Кацу. Скажите, что от меня. Если он решит вас брать – возьмем. Не понравится – ищите другую работу!

– Но меня к вам распределили...

– Доктор, у вас со слухом плохо? Вперед – с песнями!

Каца я нашел в сестринской комнате отделения общей хирургии. Он сидел откинувшись на стуле, а перед ним по стойке «смирно» стояла заплаканная медсестра.

Кац был похож на орангутанга: рыжий, лысоватый. Большие руки, покрытые шерстью, – лежали на круглом животе, обтянутом белым «фронтальным» халатом.

Сестра скороговоркой лепетала сквозь рыдания:

– Сколько раз тебе говорить! Если баба толстая, то на хуй ты мне фарабефы суешь! Сразу давай четырехзубые крючки или печеночное зеркало...

Орангутанг привстал:

– Что ты несешь?!

– Вы же говорили, чтобы за вами все слово в слово записывали! Вы так учили Наташу, когда вчера холецистэктомию бабке Свиридовой делали, а я – записывала!

До сих пор жалею, что не выпросил у молодых операционных сестер эти тетради, куда они записывали «лекции» Каца! Можно было бы издать как книгу типа: «Краткое руководство для операционных сестер, написанное ими самими».

Я объяснил «орангутангу», кто я есть такой и зачем пришел.

В ординаторской меня переодели, дали сменку и прикрепили к дежуранту – меланхоличному красавцу Николаю Ивановичу.

Кац меня напутствовал:

– Везде ходи за ним! Пойдет в сортир – и ты туда же! Потом расскажешь, что он там делал.

В последующие два месяца вся моя хирургическая деятельность заключалась в наблюдении за чужой работой. Кац так описал мою дальнейшую судьбу:

– Пять лет будешь смотреть, как работают другие, потом пять лет мы будем наблюдать за тобой. Справишься – станешь хирургом!

Кац ничему не учил. Только спрашивал:

– С чем больной? Панкреатит? Капать ему собираешься? Хорошо. Тогда чего и сколько? Не думать, а знать надо! Хорошо. Этого ты не знаешь. Напиши мне в столбик, как и сколько воды теряет человек в сутки и как это зависит от температуры тела.

Понятно! Какой, на хер, смысл спрашивать с тебя знания патологии, если ты нормальную физиологию не знаешь! Очень нехорошо!

Ушел, хлопнув дверью ординаторской. Он и в спокойном состоянии напоминал кипящий чайник, а уж когда злился – все клапаны и заслоны сносило напрочь!

Как только он ушел, все присутствующие при разговоре коллеги стали меня учить уму-разуму:

– Ерунда все это! Он через минуту уже перестает злиться. Но ты эту тему – почитай! Обязательно дня через два опять спросит, и, если не ответишь, вот тогда – беда! Скажет: «Э! Братец ты мой! Так ты не только не врач, ты им, оказывается, и быть не хочешь!» Полгода потом в операционную ходить не будешь!

В самом деле, вскоре Кац опять завел со мной речь о потерях жидкости человеком. Я был во всеоружии, и мои ответы его удовлетворили. Ну а так как вопросов он задавал много, то приходилось все время читать, запоминать, спрашивать и учить. Не получив верного ответа, он всегда дня через два-три задавал тот же вопрос. Не забывал никогда!

То, что Кац алкоголик, я узнал очень скоро. Однажды он не пришел на работу. «Бразды» тут же перешли к его верному «оруженосцу» Стасу. Все ходили хмурые и сдержанные.

Дней через десять, утром, проходя по больничному коридору, я услышал из-за дверей кабинета Каца рычание, переходящее в вой... Рычание это перемежалось отборным матом. Из дверей кабинета выскочила процедурная сестра со штативом для капельницы и лотком, наполненным шприцами и окровавленными марлевыми шариками.

И этим же днем, в «тихий час», когда в коридорах не стало больных, я уже помогал вывозить из кабинета Каца, привязанного к каталке черными «вязками» и одурманенного лошадиными дозами реланиума и оксibuтирата. Мы погрузили его в медицинский «уазик», и он отбыл в сопровождении того же верного Стаса в психиатрическую больницу.

Оказалось, что сюжет был всегда одним и тем же. Кац, среди полного благополучия, неожиданно напивался и входил в алкогольный штопор: начинал пить по кабакам, пивнухам и подворотням с неведомыми «друзьями». За неделю он допивался до психоза. Доброхоты доставляли его домой или, что было чаще, – в нашу больницу. Его отмывали, вводили седативные, «откапывали» и, как в дом родной, отвозили в психушку.

Через месяц Кац, посвежевший и радостный, возвращался в строй. Меня всегда поражало, что ни грамма смущения, растерянности он по возвращении не проявлял. Казалось, что вернулся он не из дурдома, а из круиза по Черноморскому побережью Кавказа. Тут же выяснялось, что в его отсутствие все пришло в запустение и негодность.

– С вами и не выпьешь уже! – говорил наш заведующий, учиня очередной разгон.

Администрация прощала ему всё. Мы, подчиненные, – его просто любили. Спросите – почему, и я не смогу вам ответить.

Однажды в городском автобусе я случайно услышал разговор двух подвыпивших мужиков:

– Тебя кто лечил? – вопрошал своего друга поддатый мореман. – Кто? Не знаю такого! У нас в области – только два настоящих хирурга – Баяндин и Кац!

Похоже, что и все остальные: врачи нашей больницы, больные, администрация и руководство облздравотдела – придерживались такого же мнения. И в самом деле – Кац легко разбирался в самых запутанных диагностических случаях, умел организовать работу и стремительно и счастливо оперировал.

Оперировал он некрасиво. Манипулировал грубовато, спешил, гемостаз проводил не тщательно, и в рану постоянно подкравливало. Словом, неэстетичное это было зрелище – операции в исполнении Каца! Но больные – выздоравливали. Послеоперационный период протекал у них удивительно легко. Осложнений – не бывало.

Оборвалось все внезапно. Кац умер. Многие объясняли его смерть тем, что Кац бросил пить и почти год обходился без спиртного.

«Не мог он смотреть на все наше говно трезвыми глазами», – объясняли доброхоты.

Anamnesis vitae

Это сейчас я – нейрохирург, а начинал как хирург весьма общий в большой районной больнице. Свою первую резекцию желудка я делал более четырех часов. Этот мой пациент чудесным образом выжил, исцелился и вскоре умер: в пьяном виде он выпал из окна своей квартиры. Я как раз дежурил, и тут звонит травматолог из приемного покоя и говорит:

– Тут вашего бывшего больного привезли. Живот посмотрите. Как бы внутрибрюшное кровотечение не пропустить.

На каталке – тот самый больной, которого я подверг резекции. Исковерканный, окровавленный. Но в сознании. Говорить не может: в груди у него клокочет и кровавые пузыри на губах. При этом смотрит на меня восторженно и с уверенностью в том, что я-то его точно спасу. Не впервой, мол.

Встреча в ночном магазине

Интересно, дали ли Сталинскую премию художнику, написавшему этикетку «Московской особой водки»? Не за эту, с сусальным золотом и кособоким шрифтом, а за ту, бело-зеленую с черными буквами. Дали, наверно, но – секретную, как академику Сахарову за водородную бомбу.

Взял литр «Русского леса». Обидно, конечно, что эта водка – немецкая, но как пьется!

Опухшая от бессонницы кассирша говорит:

– Когда ж вы, мужчина, уже напьетесь?! Как она в вас только лезет...

В самом деле: я сам в себе не помещаюсь, а тут еще такое... Ладно! Блевану за углом – откроются скрытые резервы. Отпуск – имею право. Хотя – при чем тут отпуск?

И тут берет меня за локоть женщина лет сорока в роскошной шубе...

Мы – страна соболей, куниц и водки... Ну и нефти чуть-чуть.

А что имеем? Водка из Германии. Бензин – дорожает. Вот эта шуба, что на тетке, к бабке не ходи – шита в Греции. Зачем, собственно, грекам шубы? Грекам подобают туники и сандалии на босу ногу. И пить вино на берегу Эгейского моря. Глотнет грек вина из фиала, съест виноградину, засмеется, умоется морской водой... Поэтому они все – Аристофаны и Эпикуры. А посади этого Эпикура на берег нашей речки Говнотечки!

Замнем для ясности...

Женщина эта, в греческой шубе, мне и говорит:

– П. К.! Вы меня помните?

Я себя плохо помню по утрам...

– Извините, – говорю, – не помню...

– Наташу К. помните? Я ее мама.

Конечно, я помню Наташу К.!

Вот выздоровевших больных – никогда не помню. Ну выздоровел и выздоровел. Для этого к нам и поступал.

Умерших помню всегда. Наташа К. – умерла.

Мне ее оперировать ох как не хотелось!

Я тогда совсем недавно приехал в этот среднерусский город по направлению родного министерства. Поручили мне открыть в одной из больниц нейрохирургическое отделение.

– Поезжайте-поезжайте, – сказал мне медицинский чин, ныне посаженный за мошенничество. – Откроете там отделение, наладите года за три работу. Вам же самому это интересно! Я же вижу! А мы со своей стороны вам поможем – квартира, особые условия оплаты, премии...

Поехал. Стали открывать отделение: ремонт, перепланировка, закупки операционных столов, инструментария, коек, обучение персонала... От кровотечения из язвы желудка чуть не помер.

А когда все деньги, выделенные под это дело, были тщательно разворованы, мне сказали:

– Всё! С понедельника работаете как полноценное отделение! Приказ подписан.

И тут же привезли эту Наташу К. – умирающую девочку четырех лет от роду. Ее доблестно и безуспешно лечили детские неврологи церебролизинем пополам с ноотропилем. И только когда девочка стала умирать, неврологи сделали МРТ головного мозга, нашли опухоль мозжечка и, сказав «Надо же!», направили с глаз долой к новоприобретенным нейрохирургам в лице меня и трех раздолбаев, еще полгода назад работавших травматологами и хирургами.

Наташа умирала. Опухоль занимала оба полушария мозжечка и деформировала ствол головного мозга. Куда-то ее переправлять – не довезем. Паллиативного варианта не было – поздно.

С другой стороны – опухолей таких я оперировал немало. Взяли Наташку на стол и с помощью нашего очень еще несовершенного набора инструментов и без должной оптики – удалили опухоль. Мой ныне покойный Первый Заведующий говаривал: «Если умеешь и очень надо – то и перочинным ножом прооперируешь!»

После операции девочка резко пошла на поправку: еще и швы не сняли, а она уже свободно ходила, головные боли – исчезли. Хорошо лопала, набирала вес и улыбалась при виде докторов. У детей всегда так: если операция удачна и по делу сделана, то улучшения идут очень быстро. (И так же быстро, лавинообразно наступают ухудшения среди, казалось бы, полного благополучия.)

Но нет счастья в жизни, а в нейрохирургии его еще меньше: опухоль оказалась медуллобластомой. Это, чаще всего, не диагноз, а приговор.

Каждый раз, прооперировав такого ребенка, пытаемся донести до мамаш, что дело худо. Объясняем, что надо будет проводить многократные облучения, химиотерапию, и все это только для того, чтобы продлить ребенку жизнь.

Рано или поздно (всегда – рано!) наступает смерть. Но мамы, видя волшебные улучшения в состоянии ребенка после операции, пребывают в эйфории и такие вести воспринимают плохо. Они полны надежд и планов. Часто – дурацких: возят детей в Египет и Крым «позагорать», поят витуридом^[33], БАДами «Тянь-Ши» и так далее.

Выписали мы Наташу и направили на лучевую терапию. Через день звонят мне из этой самой терапии и возмущенно выговаривают в трубку:

– Вы с какой целью направили к нам ребенка после удаления раковой опухоли головного мозга?

– ???!!!

Ну не бывает «рака мозга»!

Взял машину, поехал к этим «специалистам». Встречает меня заведующая этими лучами: этакая Жизель в полупрозрачном, как ночнушка, медицинском халате. На шейке с голубой жилкой – какие-то кружева.

«Жизель» мне говорит:

– Как мы должны это облучать? Вы себе представляете?

Памятуя, что человек я здесь новый, не матерюсь ни разу, а вежливо говорю:

– Призовите своих физиков. Они проведут расчеты, напишут программу, рассчитают дозы... Всё как обычно...

– Что это вдруг – физики! Мы их ставки сами разрабатываем. Вы лучше нарисуйте нам крест на голове. Туда и будем облучать...

– Как это – «нарисовать»?

– Да хоть зеленкой!

Направили мы Наташу на облучение в Москву. После всех этапов терапии производила она впечатление совершенно здорового ребенка. Только правый глаз слегка косил. Какое-то время мы наблюдали за Наташей, а потом родители перестали привозить ее в назначенное для осмотра время.

Ровно через два года после операции ее по «санитарной авиации» доставили к нам из районного городка, где она и жила. Помочь ей было уже невозможно: кома, нарушение дыхания. При томографии нашли рецидивирующую опухоль, больших, чем до операции, размеров и без четких границ. Смысла в повторном вмешательстве – не было. Поместили ее в реанимацию. А через два дня ночью позвонил мне домой реаниматолог:

– Наташа К. – умерла. Мы ее вывезли в коридор, а мать похитила труп! Отец на легковушке ждал их у больницы. Погрузились и уехали. Это охрана нам сообщила. Что же нам теперь к каждому трупу часового ставить? Вы это, как их найдете, скажите, чтобы простыни вернули... Две. А то сестра-хозяйка меня со свету сживет.

* * *

И вот в три часа ночи, в круглосуточном супермаркете, с литровой бутылкой водки в корзине, я встречаю маму умершей шесть лет назад Наташи.

– Вы уж извините меня, что тогда забрала Наташу без вашего ведома. Сама не понимала, что творила. Сейчас я думаю, что не надо было ее в больницу везти. Умерла бы дома, рядом с папой и мамой. А то реанимация... Ужас! Меня пустили туда один раз ночью. Ее там и не видно было за трубками, проводами, аппаратами. На глазах – мокрые марлевые шарики. Спрашиваю: «Зачем?» Говорят, чтобы глаза не высохли... Уж так я жалею, что обратился к вам тогда!

Знаете, я очень рада, что мы ее забрали. Я в машине ее одела в обычную одежду, причесала. Всю дорогу разговаривала с ней... Почему-то сейчас на сердце легче делается, когда вспоминаю ту дорогу.

Нас километров за пятьдесят от дома гаишник остановил. Решил, что Витя (это мой муж, помните?) пьяный. Потом Наташу увидел, спросил, куда ехать, сел в свою машину, включил мигалку, и мы так за ним до дома потихоньку и добрались. А мог ведь и задержать. Шутка ли – труп в машине. Документов о смерти – нет. Есть ведь хорошие люди!

Если бы я знала, как все обернется, то не дала бы операцию делать. Такие это были мучения: операция, химия, облучение! Вон моя мама умерла у меня на руках. Никому ее не отдавала. Она отмучилась, и мы – с нею отмучились. Поверите ли, теперь, как вспомню мамину смерть – на душе светлеет! Отпустила она меня. А с Наташей – всё по-другому. Сколько лет прошло, а только тяжелее делается. Я теперь одна. Витя загулял. Нашел себе женщину и с ней живет...

В огромном пустом супермаркете голос женщины звучал излишне громко. Сонные кассирши с интересом прислушивались. Я кивал, соглашался. Не имело смысла напоминать ей обо всех обстоятельствах лечения ее дочери.

А вот насчет того, что с умирающими родственниками надо быть до конца, – абсолютная правда. Люди, которые пережили все муки вместе с умирающим родственником, видели его последний вздох, сами закрыли глаза, гораздо быстрее приходят в себя от горя. Гораздо быстрее тоска утраты сменяется светлой грустью по ушедшему.

Дал я Наташиной маме свой телефон, сказали мы друг другу на прощание несколько обязательных в таких случаях фраз и разошлись.

Потом задумался: я – ладно, за водкой пришел, чтобы до утра дотянуть. А что покупает в круглосуточном магазине в три часа ночи обуянная горем женщина в дорогой шубе? Ей ведь не до утра, до смерти надо доживать.

Anamnesis vitae

Бог любит красивых и умных. Поэтому они, обычно, долго и не живут. Даст нам Господь чуть-чуть на них порадоваться и тут же забирает обратно.

Иду я вчера проводить консультативный прием. У дверей кабинета уже собралась очередь. Как всегда что-то не поделили: крик, плач. Куда они торопятся? Завидев меня – притихли. И уже в этой тишине – детский голос произносит со старицовой интонацией:

– Прошу прощения, уважаемые, но не могли бы вы разговаривать потише? Ей-богу – голова раскалывается!

Поворачиваюсь и вижу мальчонку лет пяти. Голубые глаза, золотистые волосы. Ангелочков такими рисуют.

– Заходите! – говорю я маме ангелочка и уже знаю, что не кончится добром моя встреча с этой уже готовой расплакаться женщиной и с ее не по годам разумным сынишкой.

Третий справа

I

На моем столе в ординаторской под стеклом лежит фотография: четыре врача сидят на казенном диване в непринужденных позах и хохочут. Вон он, этот диван – как раз напротив моего стола.

По всему видно – врачи эти уже хорошо выпили, хотя по снимку ясно, что дело происходит ранним утром: небо за окнами еще не столько голубое, сколько розовое, и солнце падает в ординаторскую так, как это бывает в нашем городе в девять часов утра в июне.

Может, выходной какой был или праздник? Тогда можно предположить, что Жетымов уже отдежурил субботу на воскресенье, сдал смену Липкину и поэтому вполне мог себе позволить выпить.

Иван, наверное, пришел на воскресный обход пораньше, оббежал палаты, сделал назначения и тоже, понятное дело – расслабился.

Отчего в такую рань пьян я, третий справа и самый веселый?

Трудно сказать определенно, но в те времена я вообще редко когда бывал трезв. Четвертый в этой хохочущей компании – мудрый змий В. К. Он – всегда в больнице. Случалось ему и дома ночевать, как же без этого (дети у него были), но если В. К. в любое время суток вдруг оказывался кому-то из нас нужен для «посоветоваться», то он всегда оказывался на рабочем месте и в полной боевой готовности: сидел в своем кабинете над книгой или журналом, курил и постепенно пил коньяк из тонкого стакана в тяжелом серебряном подстаканнике.

Впрочем, все это я вру! Хорошо я помню то утро и еще лучше помню ночь, которая ему предшествовала. Дежурил тогда вовсе не Жетымов, а я, молодой член неясно какого коллектива: я числился по трудовой книжке травматологом, а работал нейрохирургом экстренной службы. Денег не имел, жил в коммуналке и с оптимизмом смотрел из ее окна на свинцовый Кольский залив и светлое

будущее: я был уверен, что вскоре стану великим нейрохирургом. Но когда я пытался получить квалификационную категорию, мне говорили:

– А кто вы такой, собственно? Нейрохирургом вы аттестоваться не можете, так как на работу приняты как травматолог, а травматологом вы не в состоянии быть, потому что не выполняете нужного объема травматологической работы! Вы же мозги лечите, а не кости?! Специальности же «нейротравматолог» – не существует!

Ну и вот.

В два часа той самой ночи звонят мне из приёмного покоя и орут:

– Срочно спускайтесь в приемник! Тут к нам труп привезли, а хотят выгрузить как больного с инсультом! Говорят, что судороги у него были, а потом – вырубился...

– А я при чем?! И почему инсульт к нам привезли? Мы же по нервам не дежурируем!

– Его везли в БСМП^[34], а по дороге он у них замирал. Вот и притащили к нам, как в ближайшую больницу! Давайте-давайте, П. К.! Ответственный велел вас вызвать.

Прибегаю в приемное отделение. Тихо. От «скорой помощи» – след простыл. На каталке – длинное тело больного, прикрытое белой простынкой. Фельдшер приемного покоя, косая Фима, с раздражением сует мне привет от «скорой» – сопроводительный талон.

– Они, мерзавцы, ещё ЧМТ^[35] приписали под вопросом! Так что все равно – вам смотреть!

Смотрю. Совсем не труп! Здоровый такой мужик, морда красная с синевой. Алкоголем не пахнет. Пульс 52 удара в минуту, но ритмичный. Давление 180 и 120. Отдышка – до 30 в минуту. Хрипит и булькает. На окрик – не реагирует, глаза не открывает, речь – отсутствует, на болевой раздражитель – сгибает конечности по типу «укорочения».

Кома II, получается. Если, конечно, «скорая» ему ничего седативного не вводила. Мышечный тонус низкий, без разности сторон. Быстро делаю ЭХО-ЭГ. Масса дополнительных сигналов, и понять, смещен ли мозг, – невозможно.

– Э-ге-гей! – кричу. – Тетки! Звоните в реанимацию, скажите, что везем тяжёлого больного. Снимки и анализы – всё делаем там!

– П. К.! – орет мне вслед Фима. – Вы в курсе, что томограф не работает?!

Еще как в курсе!

В реанимации окулист нашел у больного выраженный застой на глазном дне. Приехали! Чем болеет пациент? Томографа – нет. Как ни крути, получается, что надо делать ангиографию. На ней-то больной и помрет!

Звоню на мобильник В. К. «Абонент недоступен!» – сообщила мне девушка из МТС.

II

Добежал до кабинета В. К. Сидит за столом, но коньяк отставил и не читает. На столе перед ним лежит разобранный мобильник:

– Слушай! – говорит мне В. К. – Третий мобильник за две недели ломается. И часы – тоже! Швейцарские, понимаешь ли, часы. Десять лет гарантии, а в понедельник встали, и никто их чинить не берется! Ты больного-то бери в операционную...

– ?????!!!!

– А ко мне его жена заходила. Она тебя искала, но ты чем-то занят был... ЭХО свое дурацкое, наверное, делал. Эта жена вот что мне рассказала.

Муж болеет два года. Началось все с подергивания правой руки. Потом появились утренние головные боли. Анальгетики эту боль не снимали. Потом стал плохо говорить. Сам это понимал и старался молчать. «Моторная афазия» это называется, если ты такие слова вообще знаешь...

В. К. пошарил рукой под столом, достал початую бутылку коньяка. Налил до краев стакан в подстаканнике. У меня сразу спокойнее стало на душе.

Помешав в стакане ложечкой и отхлебнув, В. К. продолжил:

– А потом его стали бить судороги. Начинались они с подергивания правой руки, затем больной терял сознание и развивались тонико-клонические генерализованные судороги с поворотом головы и глазных яблок влево. После судорог – слабость в правых конечностях: не мог поднять руку и «не работала» правая нога. Через двадцать – двадцать пять минут парез этот – проходил. На глазном дне что? Застой? Вот и бери больного в операционную. Менингиома^[36] у него. Давит на задненижние отделы левой лобной доли головного мозга.

Он ведь правша? Правша! Вот и страдает у него центр моторной речи Брока в левой лобной доле. Тут же рядом – центры для правой руки. Вот тебе и судороги в ней и парезы после судорог! Во время

судорог он «смотрит на очаг»: поворот головы и глаз влево. А менингиома – потому что течение болезни длительное и на кору давить так может только она, родимая.

III

Распилил я больному череп, где было велено, и тут же нашел розово-серую опухоль. Круглая такая, шесть сантиметров в диаметре. Легко удалась. Больной быстро пришел в себя и после операции стал себя чувствовать заметно лучше. На радостях я, сдав смену Жетымову, выпил с В. К. Потом к нам присоединился Иван, пришедший на воскресный обход.

Тут нас в назидание потомкам сфотографировала жена В. К. Грозилась отослать снимок в облздравотдел. Сказала: «Ваше пьянство переходит все границы».

– Что оно, шпион, наше пьянство, что ли? Чтобы границы, понимаешь, переходить?! – загоготал В. К. – Нет, Риммуля, я с тобой определенно разведусь. Ты не знаешь, где мой паспорт?

А через неделю В. К. умер.

Ровно через три года нелепо погиб Иван.

Прошло еще почти три года, и стал болеть Жетымов.

С тревогой слежу за его здоровьем, потому что, если вы помните, четвертым на той фотографии сижу я.

Anamnesis vitae

Насмотревшись фильмов о докторе Хаусе, многие пребывают в заблуждении, что главный фокус медицины – это постановка правильного диагноза. Во-первых, почему именно «правильного»? В медицине, как нигде, верен тот постулат, что лучше принять неправильное решение, чем не принимать никакого. А во-вторых, ставить диагнозы, как говорить правду, – легко и приятно.

Чтобы поставить диагноз неправильно, надо иметь особый талант и премного постараться: сделать МРТ и КТ всех любопытных мест больного, рентгеновские снимки от головы до пят, анализы всех биожидкостей, пригласить пяток-другой консультантов...

Сам черт потом во всем этом не разберется! Вот тут-то и появляются ошибочные диагнозы.

Двадцать пятый кадр

Кадры для плановой нейрохирургии мы куем из дежурантов-нейротравматологов. За последние пять лет – ничего приличного не наковали. Дежуранты приходят и уходят, а нейрохирургия пребывает вовеки и стареет без притока свежей крови. В течение полугода уволили троих.

Совпало так, что у всех троих фамилии начинались на букву «С» и все трое – хохлы.

С1 – огромный и седой, хотя молод. Отсидел три года за драку. Ко всем обращается на «ты». Говорит громко и не терпит возражений и критики своих действий. Профессионален и ответственен. С женщинами – прост и использует их по прямому (как он выражается) назначению.

Как-то поздно вечером зашел я в одну из смотровых приемного отделения. С1 сидел за столом и лопал из литровой банки, обернутой газетой, остро пахнущие перцем и уксусом, пельмени. Перед ним вытянулась по стойке «смирно» тетка в широкоплечем пальто, а С1 ее распекал:

– Сколько раз тебе говорил – не хуй шляться ко мне на работу! Чё, не врубаешься?

Через неделю С1 пожаловался мне, показывая жетоны от вокзальной камеры хранения:

– Вот ведь бяда! Пока я был на работе, сдала все мое барахло в камеру хранения и сменила замок!

Три дня С1 жил в отделении, пока не нашел себе новую кормящую грудь.

Уволили С1 за избиение замглаврача по хирургии. (За что я его не осуждаю: сам бы побил, но давя сердечные порывы.)

На мой вопрос:

– Куда ты теперь?

Ответствовал:

– Что-то на море хочется. Поеду в Геленджик.

– А жить где, работать?

– Делов-то! Подженюсь на какой-нибудь врачихе.

Другой дежурант (С2) был кандидатом мед. наук и обладал голосом Сиплого из «Оптимистической трагедии», но с одесским акцентом. Мне все время казалось, что он валяет дурака.

На этого с первого дежурства стали жаловаться операционные сестры и ассистенты: С2 бил их по рукам инструментами, швырял плохие зажимы и неисправные иглодержатели в операционных сестер. Не попал ни разу, но воплей и соплей после каждой операции было много.

Сестер я как мог утешал: «Да я тебя, родная, и сам бы убил». Ассистенты были настойчивее и требовали крови С2. Все разрешилось достаточно быстро: С2 насажал синяков на предплечья дочурке нашего министра здравоохранения и был уволен.

Совсем недавно ушел от нас третий дежурный (СЗ), вежливый, холерный мальчик. На первое свое дежурство он пришел не в 16.00, а в час ночи совершенно пьяным, надел халат и лег спать в кабинете невролога. Проснулся в пять, потребовал у дежурной операционной сестры спирту, выпил его миллилитров сто (если сестра не врет) и убыл в неизвестном направлении.

Он промелькнул незамеченным в больнице, как двадцать пятый кадр.

За трудовой книжкой не идет. Сообщили о пропаже его родственникам. Никаких сведений пока не имеем.

Anamnesis vitae

Мы, врачи, если больной приходит к нам не в тот же миг, в который он заболел, говорим: «Где же ты раньше был! Запустил болезнь! Пеняй теперь на себя!» Одновременно мы с тихой лютостью ненавидим больных, что бегают по врачам, как только им чуть-чуть где-то «вступит», кольнет, неясно поплохееет.

Моя хорошая знакомая, вняв призывам стоматологов о необходимости профилактических осмотров зубов, пошла в простую поликлинику. А зубы у нее – на зависть! Я такие только у Киркорова вижу, когда он разевает рот под фонограмму.

В результате к стоматологу в кабинет прибежала заведующая поликлиникой с челядью. Никто не мог поверить, чтобы человек пришел просто для осмотра и получения совета по уходу за зубами.

Знакомая моя к тому же – санитарный врач. Тетки-стоматологи решили, что таким способом их проверяет санэпидстанция.

Снег, Кадриорг, Vana Tallinn

Беда с этой весной. Мокро, грязно. Приезжают к нашим больным родные и топают по всей больнице, разнося грязь в виде песка, суглинка и так далее, но более всего – чернозема: наша полоса беспросветно черноземная и весьма средняя – археологи будущего будут копать глубоко и долго, но наималейшего культурного слоя не найдут.

В гардеробе посетителям продают синие бахилы по пять рублей пара. Эти бахилы – хороший тест. Люди спокойные и уравновешенные берут их без напоминаний. В дальнейшем у них не бывает скандалов и склок с врачами.

Некоторые норовят проскочить в уличной обуви. Когда их останавливает охрана или сестры в отделении – шумно возражают и грозят прокуратурой. Вот так, начав с ругани у порога, они и продолжают действовать в дальнейшем: с истериками, соплями, слезами и жалобами.

Представители третьей группы посетителей молча роются в урне, что у входа в наше заведение, и добывают оттуда ношенные бахилы.

Эти – безответны, тихи и покладисты. Обычно плохо понимают происходящее с их больными родственниками, но на всякий случай плачут. Жалоб такие не пишут.

Операций сегодня нет, и поэтому день предстоит особенно трудный: звонки, посетители, непременно – администрация с внезапным, как эпилептиком, требованием предоставить какой-нибудь километровый отчет срочно и уже вчера.

Пришел зам по хирургии и стал нудить об участвовавших в некоторых отделениях ошибках при определении группы крови.

Спрашиваю:

– Это у нас, что ли?

– Нет, но... Ваше отделение другим отличается. Например, ваш Липкин ругался вчера матом в присутствии главного врача и начмеда.

– Главный мне ничего об этом не говорил.

– Так главный и не скажет: он и сам матерился. Это мне начмед рассказала. Насилу она их разняла, представляете?

Чистенький мальчик, крахмальный халат, голубенький галстук. Мысли у него скудные и паскудные. Поэтому у него много единомышленников. Тихой сапой, по параграфам, по закону сожрет и меня, и главного. Но пока ему этого не нужно.

Проводил начальство и пошел в неврологию. Завалили они нас заявками на консультации. Лежат у них там тетеньки с грыжами межпозвоночных дисков. Оперировать их надо было еще три года назад. Отказались. Теперь поступают регулярно в неврологию с люмбаишалгиями. И каждый раз мы их смотрим, предлагаем операцию, а они отказываются. *Circulus vitiosus*^[37].

Безработными ни мы, ни неврологи с такими пациентами никогда не будем.

У неврологов хорошо все организовано: есть отдельная комната для осмотра больных. Можно спокойно расспросить больного, раздеть, постучать, послушать, поколоть. А то осматриваешь в палате, а кругом – кто ест, кто на судне, кто претензии предъявляет.

Закончил я с «нервными» больными быстро. Зашел в ординаторскую, сижу, записываю. За соседним столом невролог Кубышка тихо разговаривает с больной в выцветшем халатике. Из-под халата торчит розовая ночнушка. Больная худенькая и узловатая: суставы торчат наружу, кожа над ними натянута, как будто не хватает плоти, чтобы прикрыть скелет. Короткая стрижка. Волосы выжжены пергидролем.

Я взглянул на эту женщину раз, потом еще раз, и меня охватило беспокойство. Я точно ее знал! Но кто это?

Кубышка закончила разговор и сказала:

– А теперь идите в палату. Вас еще нейрохирург посмотрит. Правильно я говорю, П. К.? – обратилась она уже ко мне.

Больная мельком глянула на меня и вышла из ординаторской.

Я спросил:

– На предмет чего ее смотреть?

– Поступила к нам после судорожного приступа. Судороги в течение трех лет. Похоже, что пьет... Сама злоупотребления отрицает. Постоянно принимает различные транквилизаторы. Женщина трудной судьбы, как говорится! Мужа, детей – нет. Три попытки суицида. Психиатры органики не находят. Общаться с ней трудно: чуть что – истерика, слезы с падением на пол. Манерна и демонстративна. Ее уже все специалисты больницы осмотрели, кроме вас.

– И зачем ей нейрохирург?

– Жалуется на утренние головные боли, рвоту на высоте этих болей. Хотя похоже, что рвоту вызывает искусственно. На осмотре нейрохирургом настаивает сама. Грозилась пойти к начмеду или главному, если вы ее не осмотрите. Может, ей МРТ сделать?

– На томографе душа не видна. Давайте историю.

Листаю историю. В *anamnesis vitae* еще и три непонятные полостные операции. Надо будет уточнить, зачем ей резали живот. Осмотр гинекологом: хронический двухсторонний аднексит^[38]. Рекомендовано обследование на ИППП^[39]. Во букет! Сколько же ей лет? Смотрю на титульный лист истории болезни. Читаю фамилию, имя и отчество...

И мне делается невыносимо жарко, и одновременно начинает знобить. Встал, открыл окно. Волна холодного воздуха смела со столов бумаги, дверь в ординаторскую с грохотом распахнулась...

– Вы с ума сошли, П. К.!!! – заорала Кубышка.

Закрываю окно. Собираем бумаги. Кубышка ворчит:

– Спать надо больше и по бабам не шастать. Не мальчик уже. Что – плохо стало? Давление?

Говорю:

– Все нормально. Душно у вас, как в террариуме. В какой она палате лежит?

Эту женщину я знаю с детства, с шестого класса. Ближе к Новому году появилась в нашей школе беленькая голубоглазая девочка Лена. Как в новенькую в нее тут же все стали влюбляться. Но настойчивее других был я. Начались эти сладкие детские страдания: записки, многочасовые провожания из школы, ссоры, примирения, ревность.

Вскоре все к нашим отношениям привыкли, и в том, что наши судьбы связаны навсегда, мало кто сомневался.

Незадолго до разлуки мы, уже выпускной класс, поехали на Новый год в Прибалтику. Что-то там не заладилось с программой поездки, и мы большую часть времени провели в Таллине.

Новогодний, волшебный Таллин был засыпан снегом. Отбившись от остальных, мы с Леной бродили по Вышгороду, ездили в Кадриорг, часами сидели в совершенно несоветских таллинских кафе, где ликер *Vana Tallinn* подавали в крошечных рюмках, а кофе был необыкновенно ароматным. За окнами падал снег. Пахло хвоей и мандаринами. Маленький оркестрик играл незнакомую нам музыку. Беленькую Лену эстонцы принимали за свою и огорчались, когда она обращалась к ним на русском языке. Как же хороша она была! Так и осталась для меня эта девочка синонимом чистого снега и новогодних чудес.

Отец Лены был военным. Вскоре после этой нашей поездки его перевели в другой военный округ, и семья Лены уехала из нашего города. Мы долго переписывались, пытались встретиться. Встретиться было не суждено. Постепенно и очень не скоро я стал Лену забывать. Но даже сейчас, в новогодние праздники, в снегопад и почему-то когда ссорюсь с женой, я ее вспоминаю.

Ничего в этой узловатой женщине не осталось от прежней Лены.

Я ушел из неврологии, поднялся в отделение нейрохирургии. В ординаторской Липкин распекал за что-то медсестру.

Я сунул ему в руки историю Лены:

– Сходи, посмотри эту больную в неврологии. У меня уже времени нет.

– Хорошо. Тут вас Андрей разыскивал. Он поднял в реанимацию из приемного больного в эпистатусе. Мы его оперировали три года назад – опухоль головного мозга. Может быть – рецидив?

Я пошел в реанимацию.

Когда, часа через три, я вернулся в отделение, Липкин доложил:

– Больную посмотрел. Нашего там – ничего нет. Ее выписали. А вот это она вам передала.

С любопытством поглядывая на меня, Липкин сунул мне в руку сложенный пополам тетрадный листок. Знакомым почерком там было написано:

«Испугался? Ты всегда был трусоват, красавчик. Прощай».

Anamnesis vitae

К нам в приемный покой привезли старушку. Мы ее госпитализируем. Старушку раздевают и все вещи сдают на склад.

Медсестра говорит (как обычно зычным, хорошо поставленным голосом):

– Бабушка! Деньги, ценности есть?

Испуганная бабуля:

– Ой! А сколько надо-то?

Фотография старика

I

Вроде бы совсем недавно, ну вот только вчера, был я молод и ничего еще из этого тревожного возраста не забыл, но понятнее и ближе мне не молодые, а старики.

Старики в больнице всегда одиноки. Если же их и навещают дети, то лучше бы они этого не делали! После таких «детских неожиданностей» у больных стариков зашкаливает давление, частит пульс и уже никакой феназепам с реланиумом вдогонку не справляются с их тоскливой бессонницей.

Визиты детишек к больным родителям в больницу почти всегда демонстративны и надрывно истеричны: вот, мол, мы какие, не то что некоторые! Ну и что, что первый раз за месяц!? К тебе, тетка, вообще никто никогда не придет! Да я за маму родную, кого хочешь урою! Почему это сестра делает укол при нас и не в маске, и туда ли и то ли, что надо, она колет в попу нашей маме (папе)?! Так и ждешь, что сейчас начнут рвать рубаху на груди или бюстгальтер на грудях. Полетят клочки по закоулочкам!

Забота о родителях обычно реализуется через агрессию по отношению к врачам, сестрам. Детишкам жизненно необходимо найти тех, кто заботится об их родителях еще меньше, чем они сами. А медики для этого – самая подходящая мишень! Все то, что дети сами недодали родителям в течение жизни, они требуют от врачей и сестер срочно сейчас, пока предок не отчалил в мир иной.

II

Старенькие родители ухаживают за своими взрослыми больными детьми безропотно и неуклонно. Чаще всего они просто живут в больнице у постели сорокалетнего с гаком сына или пятидесятилетней непутевой дочери с опухолью гипофиза. Так вот сидит у нас в пятой палате чистенькая седая женщина. Ее больной сын скоро умрет. Можно было бы, конечно, выписать его для этого умирания домой, но у кого рука поднимется?

И вот пришла эта Полина Федоровна ко мне в кабинет. Говорит:

– П. К.! Беда у меня случилась. Утром пошла в магазин на углу что-нибудь для Саши купить... Я, знаете ли, покупаю там кефир и творог: у них всегда есть свежее. Надо только на даты на упаковке смотреть.

Возвращаюсь в больницу, а меня охрана не пускает! Говорят, что с сегодняшнего дня на пропуске должна быть круглая печать! А у меня – треугольная. Не сочтите за труд, выпишите мне новый пропуск с правильной печатью! Старый я вам сейчас отдам...

Старушка принялась рыться в объемном портмоне. И тут, в пластиковом кармашке этого портмоне, там, где обычно мамочки носят фото своих детей, я увидел фотографию деда, лысого и морщинистого.

«Вот беда, – думаю. – Сын умирает. Муж – умер. Останется Полина Федоровна одна-одинешенька в бесприютной нашей стране».

– А вы бы, Полина Федоровна, покупали продукты в нашем, больничном магазинчике. Там еще и киоски со всякой выпечкой есть, и кафе... Зачем же вам в такую даль ходить!

– Ну что вы, П. К.! В больничных киосках все так дорого! Да и нетрудно мне пока еще до магазина пройти. Какая ни есть, а прогулка... Такой у вас в больнице воздух тяжелый!

И сейчас же в кабинет постучали. Дверь приоткрылась, и этот самый умерший, по моему мнению, дед глянул с порога и проговорил страшным шепотом:

– Поля! Ты скоро? А то тут у меня неприятность...

Мы с Полиной Федоровной вышли из кабинета. Фотографический дед стоял, держа в руке на отлете литровый пакет с кефиром. Из пакета тонкой струйкой тек свежий кисломолочный продукт. Санитарка Женя уже бежала к нему из противоположного конца коридора с рычанием и со шваброй наперевес.

Полина Федоровна моментально, как фокусник из воздуха, извлекла полиэтиленовый пакетик и поместила туда дырявый кефир. Течь была ликвидирована. Затем старушка взяла под руку своего мужа и стала ласково выговаривать:

– Ну что ж ты, Павлик! Нельзя тебя ни на минуту оставить! Какой же ты после этого аккуратист?!

Единые в своем горе, грустные, побрели они, как раненый Тянитолкай, прочь в палату к своему сыну. И так мне тяжело вдруг стало. Даже не знаю, от чего. Вроде бы насмотрелся я уже на все и ко всему привык. Может быть, от того, что никто не станет хранить мое фото в прозрачном кармашке потертого портмоне.

Anamnesis vitae

В справочном бюро больницы.

– Женищина! Сколько вам можно говорить?! Ваш муж три дня как умер, а вы ему все передачи носите! Как «где?». В морге! Нет, в морге передачи не принимают.

Как пройти в морг? Значит, так: выйдете от нас и сразу – направо. Идете до одноэтажной развалюхи. На ней написано «Кухня». Обходите ее и тут же, сразу за помойкой, – еще одна развалина с закрашенными окнами. Вот это морг. Не перепутайте.

Нет! Никого в морге благодарить не надо. Там платить надо. За что и сколько – скажут.

Что значит «Уже платила»? За операцию? Ну так ведь вашему мужу операцию сделали? Сделали. Значит, деньги – отработали.

Говорите «Умер от операции, так, может, деньги вернут, чтоб на похороны и поминки хватило»? Насмешили, ей-богу!

И не от операции он умер. Вы ведь сами говорите, что умер на третий день. Вот если бы умер в течение суток после операции, тогда да... Было бы о чем говорить. И то не вернули бы ничего. Можете мне поверить. Насмотрелась я здесь!

Посидите-ка лучше тут у меня, в уголочке. Сейчас корвалолу накапаю.

Экзаменационная ошибка

Есть у нас крупный медицинский начальник. Доктор наук (медицинских, естественно), орденосеиц и большой мудака. Сами знаете, как это бывает. Живет себе хороший врач и отличный семьянин, пользуется уважением, потеет под белым халатом, а потом – раз и в дамках: становится волей судьбы и слепого случая, а то и за взятку – Большим Начальником. И тут же исчезает веселый собеседник и верный собутыльник и образуется выше обозначенный мудака со всеми своими мудацкими функциями.

Нашего – назовем Иваном. Многие годы он был заведующим нейрохирургическим отделением. Иван имеет форму шкафа и пальцы в виде сарделек. Будучи ещё живым, наш великий нейроофтальмолог Генрих говорил, бывало, с тоской, затягиваясь «Примой» и сплевывая табачные крошки, о пациенте, которому Иван предложил оперироваться: «Больному угрожают сардельки!»

Очень скоро Иван решил, что в нейрохирургии он уже достиг всего, чего хотел, и решил податься в начальники. Сказано – сделано: Иван возглавил здравоохранение нашей епархии.

И у нас же в больнице работала женщина-хирург Ульяна. Удивительно красивая как женщина и не менее удивительная дура как хирург: то кровь не ту перельет, то больных перепутает и не того возьмет в операционную, то ногу не ту отпилит по дежурству. И все ей как-то с рук сходило! Я всегда такому удивляюсь. Бывает, что не так на больного посмотришь, и уже через день тебя тащат в прокуратуру! А Ульяне – все нипочем!

Однажды ее как консультанта сбросили с вертолета на большую плавбазу в Баренцевом море (дело происходило в одном портовом городе). Там Ульяна прооперировала в судовом госпитале моряка с дыркой в желудке (прободной язвой). В протоколе операции Ульяна изложила свою версию операции: наложила, мол, швы на язву, а сверху, для пущей герметичности, подшила к месту ликвидированной

дыры прядку жирового «фартука» брюшной полости – сальника. Больному не полегчало, и его через три дня доставили в нашу больницу с клиникой разлитого перитонита.

Повторно прооперировали и увидели, что сальник подшит к здоровому участку стенки желудка, а язва – вообще не ушита: зияет в желудке дыра и хлюпает зеленым едким соком. Грянул скандал. Ульяну трясли и сношали на всех уровнях, и дело шло к тому, что светил ей срок и прочие бесплатные удовольствия. «Что ж ты, тра-та-та такая, там ушивала?» – возмущалась врачебная общественность. Ульяна сокрушалась и тупо твердила в ответ, что сделала она именно то, что описала в протоколе операции.

А потом – раз! – и пошло все на спад. Как-то потихоньку, незаметно тучи над Ульяниной головой рассеялись: о суде уже никто не говорил, прокуроры завяли и на допросы докторицу таскать перестали. Объявили Ульяне выговор, и ушла она в длительный отпуск с последующей специализацией в Москве по экстренной хирургии брюшной полости.

И вот однажды, в тесной компании всяческих хирургов с Иваном во главе стола, завели мы разговор про непотопляемую Ульяну. Иван помалкивал и хмурился, а потом сказал стеснительно:

– Это я ее, ребята, во всех случаях отмазывал!

И рассказал такую историю. Поступал Иван в медвуз на льготных основаниях, как рабочий-пролетарий и отслуживший армию. Сдавали они вступительный экзамен по физике письменно, и Иван не знал по своему билету ровным счетом ничего. Сунул он в отчаянии свой билет девушке-блондинке, которая свое задание сделала за десять минут и с любопытством посматривала на потеющего здоровяка Ивана. Девушка и Иванов билет разъяснила в момент, и Иван успел оформить все своим почерком. В результате Иван получил «пять» и поступил в институт, а девушке-отличнице закатили трояк, и она убыла в неизвестном направлении, обливаясь слезами.

– Тогда установка была: брать в медицинский ребят, отслуживших в армии и с биографией, – пояснил Иван.

И вот через много лет эта девица, а теперь уже – женщина-хирург приехала в наш город в надежде заработать длинный рубль.

Иван рассказывал дальше:

– Как я мог не принять ее на работу?! Я ведь тогда в мед в третий раз поступал и решил, что, если не поступлю – плюну на всё и пойду в Горный институт! Кем бы я сейчас был, не помоги мне эта Ульяна тогда? Сейчас я и доктор наук, и начальник, а мог стать простым маркшейдером и пить горькую после смены на руднике Каула– Котсельваара! А Ульяна потом еще много лет мыкалась в санитарках и пять раз поступала в мединститут.

Ну а потом она то в одно дело вляпается, то в другое... Гнать ее, конечно, надо было, но я как вспомню ту девочку, что помогла стать мне человеком, так и остыну... То там переговорю, то сям... Женьке-прокурору позвоню, генералу нашему милицейскому брякну. Выручали. Куда они без медицины, козлы вонючие. У кого спина, у кого жена с грыжей в одном месте.

Пьяный завтравмой Сенкевич заржал:

– Лопух ты, Иван! А я-то тебе завидовал! Думал, что ты с ней спишь! А ты, ученый хренов, еще в юности плагиатом не брезговал! Ты уж нам вот что Расскажи. Кто тебе кандидатскую и докторскую писал?!

Anamnesis vitae

Однажды мы с нашим неврологом осматривали больного в тюремной больнице. Пока я этого больного оперировал, хлебосольные хозяева невролога напоили. Потом он «добавил», когда стали угощать меня, декомпенсировался и потерял выданный ему на КП при входе в тюрьму корешок пропуска!

Начальник медсанчасти тюрьмы погрузился и объяснил, что проще всего невролога теперь оставить в тюрьме и ожидать приезда начальника ОЮ 137/23: все равно на КП не выпустят и закроют в «холодную» до приезда того же начальника.

– А у нас тут тепло. Постелим в ординаторской, едой обеспечим. Девочек не обещаю, но ЗК в больничке смирные. С ними телевизор посмотрите в холле. А через три дня начальник вернется. Хорошо отдохнете, не сомневайтесь!

Прописано – выпить

У больных с черепно-мозговой травмой часто бывают психозы. Дело обычное: пьет себе человек день, два, неделю, месяц и от слабости падает на голову. Тащат его к нейротравматологу, начинают лечить: постельный режим, берегут от сквозняков, дают полезные лекарства с недоказанным действием

и с просроченным сроком годности. Водки категорически не дают. От всего этого больной и выдает психоз.

Давно заметили, а потом прочитали в умных книжках следующее.

Начинающих психовать надо держать под наблюдением, вводить им седативные и прочее, но, сколько возможно долго – не фиксировать.

Пусть себе ходят везде, лепечут чушь, предлагают всем чрезвычайные сексуальные утехы. Пусть! У этих субчиков в связи с интоксикацией развивается несвойственное россиянам свободолюбие: стоит такого больного привязать, поставить ему капельницу, установить мочевого катетер, словом – ограничить свободу передвижения – тут же развивается психоз во всей красе! Крик, мат, членовредительство себе и окружающим.

Один псих – напрягает все отделение. Два психа – парализуют его деятельность. Остановить, хотя бы на время, этот процесс может вовремя данный *per os*^[40] алкоголь. Раньше иногда капали раствор спирта в вену. Очень помогало, но сейчас – запретили.

Вот к такому буяну меня и вызвали. Мужика уже привязали. О! Это такое искусство – правильно привязать! Мужик орет, бьется на вязках «как ведьмак на шабаше», в моче – по уши. Все что возможно, ему уже ввели – без эффекта. Самые запредельные дозы седативных в этой фазе – не действуют. Беда еще в том, что почти все они в это время гордо отказываются от алкоголя!

Отвязал мужика. Говорю: «Выпить хочешь?»

Больной: «А у тебя есть?»

Я: «Так сбегая! Хочешь?»

Б.: (очень неохотно): «Ну давай».

В процедурке сестра смешала спирт с глюкозой и микстурой Попова (там есть барбитураты).

Несу стакан этого пойла в палату. Даю больному. Он понюхал: «Это что за бормотуха?»

«Десертное, – говорю. – За 72 рубля 40 копеек».

Б.: «Нет такого вина! (Пытается отдать мне стакан.) Где брал?»

Я: «Да в „Юбилейном“, на углу. Завезли недавно».

Б.: «А ты? Я один пить не буду!»

Налил в стакан воды. Прихожу.

Б.: «У тебя спирт или водьяра? А то у меня закуски нет».

Сосед по палате в один миг разрезал помидор, посолил, подал нам.

И вот картина: сидит небритый безумный мужик на зассанной койке, на руках болтаются вязки, в одной руке стакан, в другой – красный помидор. Напротив сижу я в таком же виде, но без вязок. Я говорю тост и предлагаю чокнуться...

И тут в палату входит жена больного! Потом долго ее успокаивали, уговаривали не кричать, давали ту же микстуру Попова, объясняли суть лечебного процесса. А то ведь хотела идти куда-то жаловаться на врача, спаивающего ее больного мужа!

Anamnesis vitae

Больной с массивной повязкой на голове. Настоящая чалма. Сильно промокла кровью. В истории болезни диагноз: «Сотрясение головного мозга. Острая кровопотеря. Алкогольное опьянение».

Сотрясение и кровопотеря – почему? Оказывается, был пьян до комы. На голове – ссадина. Привезли к нам как черепно-мозговую травму. Дежурный нейрохирург ошибочно посчитал, что имеет дело с внутримозговой гематомой (а это показание для срочной операции) и в поисках ее (гематомы) наскверлил в черепе 9 фрезевых отверстий. Гематомы нет. Поранил кровеносный сосуд, устроил кровотечение. Пришлось переливать кровь, искать поврежденный сосуд, дополнительно скруывая кости черепа.

«Всегда с похмелья голова болит! Но как сегодня – никогда не болела!» – пожаловался мне этот бедняга, еще не зная про дырки в черепе.

Леди в красном

Ночью шел дождь. А утром – голубое небо и солнце. Солнце всюду – в лужах, мокрых оконных стеклах больницы, в осенних листьях кленов.

На парковке перед больницей девица в красном плашике готовится, как видно, к дальней дороге: двумя пальчиками снимает с капота красного «рено» осенние листья и относит их в стоящую неподалеку урну. Прекрасная картина – красное, желтое, голубое. Но меня она не радует: эту lady in red я хорошо знаю. Она работает эндокринологом у нас в больнице, а ее муж умирает от рецидивирующей опухоли мозга в нашем отделении.

Ледя эта – обморок для всех мужчин больницы и ночной кошмар их стареющих жен: миниатюрная золотоволоска, пахнущая ванилью. Если бывает голубоглазый бело-розовый зефир – то это она.

Начинаю разговор, который мы ведем с ней уже вторую неделю. И все с одним результатом:

– Ну так что будем делать, Лера?

У Леры сразу краснеет носик, и глаза наливаются слезой:

– У него такие боли! Может быть, морфий надо?

– Ты же знаешь: не помогают опиаты при этих болях. Надо снижать внутричерепное давление. А в его случае давление может снизить только операция. Удаление опухоли.

– Но вы ведь уже две операции сделали, а она все растет! Он так мучается!

– Две операции за шесть лет. Пять лет из этих шести он чувствовал себя хорошо, работал. Я тебе уже рассказывал, что у нас есть больные, оперированные пять-шесть раз. Витю Костикова оперировали двенадцать раз. Живет двадцать лет уже.

Недавно всех на свадьбу к Наташе З. приглашали. Ее оперировали семь раз. Облучали, травили химией с пяти лет. Ты же сама ее консультировала.

– Он уже не говорит, и судороги эти страшные...

– Если бы он говорил и был адекватен, то мы бы у него спрашивали согласие на операцию, а не у тебя. Когда он был контактен, он все с тобой советовался – «оперироваться – не оперироваться». Досоветовался!

– Операция... А потом опять облучение, химия? От этого волосы выпадают.

– Лера! Это несерьезно. Операция в этом случае простая. Я тебе уже сто раз все показывал, рассказывал, рисовал. После операции боли пройдут, восстановятся речь и движения в правой руке. У него будут ещё два-три года комфортной жизни. За это время, возможно, появятся новые химиопрепараты и появятся другие возможности у радиологов.

– Ой, мне надо еще подумать!

– Думай быстрее. Ты ведь после двух операций стала спецом по таким опухолям.

И еще раз скажу, Лера. Если ты так уж не хочешь, чтобы мы его оперировали, то мы можем направить его в Москву, в Бурденко....

– Ой, нет! Это ведь дорога... Чужой город, чужие люди...

– Лера! Давай так. Я даю тебе бланк информированного согласия на операцию, и ты пишешь в нем, что от операции отказываешься и о последствиях предупреждена...

Голубые глаза Леры делаются особенно безмятежными:

– Вы же знаете, что я ничего подписывать не стану. И потом – юридической силы это согласие все равно не имеет. Потом ведь можно сказать, что я не поняла, мне плохо объяснили...

– Но я тогда, Лера, не могу гарантировать, что дежурянт не прооперирует его ночью по жизненным показаниям. Он – без сознания и, предположим, стал умирать: нарушение дыхания и прочее... Тебя не смогли по телефону найти. Так ведь уже бывало после второй операции: два дня тебя искали...

Согласись, что, не будь ты нашей коллегой, мы давно бы поставили вопрос о выписке на лечение по месту жительства. У нас – нейрохирургия, а не хоспис...

– Ну вот! Вы опять мне хамите! Почему мне все время хамят?! Я так измучилась...

– Не знаю, как ты, а муж твой – точно мучается. Если бы были живы его родители, мы бы быстрее с ними договорились...

– Конечно! С его мамашей! Вот кто неадекватен-то был – мамочка его! Это у них наследственное, наверное.

– Разве у его матери была опухоль?

– Нет. Но тупая – такая же....

– Короче, Лера. Завтра соберу консилиум, приглашу администрацию. Тебя пригласим. Сделаем коллегиальную запись. Ты подтвердишь, что от операции воздерживаешься. Не могу я за все это один отвечать. Никто этого не поймёт: в нейрохирургическом отделении умирает больной, которому можно помочь, а мы – разговоры разговариваем вместо операции. Все ждем кого-то...

– Ой! А у меня завтра – отгул. Хотела дома порядок навести.

– Лера, не буди лиха! Завтра в час – у нас в ординаторской.

Откланиваюсь. Лера подает мне руку, как для поцелуя. При ее воздушности, кисть руки у нее оказывается неожиданно крупной и грубой. Завтра точно не придет. Что делать?

Anamnesis vitae

Жена моя периодически бунтует:

– Чтобы ты обратил внимание на мое здоровье, мне нужно под грузовик попасть, ей-богу! Чтоб полчерепа снесло и шею свернуло! В ином случае от тебя ничего, кроме: «Отдохни и выпей таблетку аспирина», – не услышишь!

Но лечить больных «из-под грузовика», в самом деле, легче, чем больных с ОРЗ! Сделать тяжелому больному хуже, чем уже есть, – сложно. Температуру померил – уже помог.

А сопливному гундосу с простудой – угодить трудно. Ему надо улыбаться, советовать, назначать, сочувствовать, выписывать рецепты и объяснять, что колдрекс и фервекс – суть парацетамол, рассказывать о закаливании и пользе прогулок, лимонах-витаминах и о чае с малиновым вареньем... Шаманить и плясать с бубном вприсядку. А ведь все что нужно этому озябшему – так это покой, тепло и позвонить на работу, чтобы три дня обходились без него.

Семейные обстоятельства

Пришла соседка и говорит:

– Посмотри, будь добр, отца моей подруги. Ей в Италию лететь, а у старика спину свело, ходить не может!

– «Италия», – говорю. – Слово какое хорошее! Это что – «суровый Дант», макароны, Муссолини? Ну так нечего ей там делать! Не сезон. Пусть лучше за папашей ухаживает!

– Тебе все шуточки, а ее муж ждет в Вероне. Она в Италии уже десять лет живет. Сюда к отцу приезжала на недельку. Погостила, взяла билеты – домой лететь, а тут такое дело... Может быть, дед и не болеет. Чтоб так уж... Не хочет, чтобы дочь уезжала, вот и симулирует!

– Верона так Верона. Ее фамилия не Капулетти?

Оказалось, что итальянка живет в соседнем доме. Приходим. Типичная интеллигентская квартира, сохранившаяся с 80—90-х годов: много книг, стандартная «стенка», керамика по полкам, эстампы на стенах. Когда-то квартиру можно было назвать зажиточной. А сейчас – типа «бедненько, но чистенько».

Дочка деда – под стать квартире: сухая, обесцвеченные волосы с непрокрашенными темными корнями, узкие губы. Угораздило же итальянца!

Провели меня к больному. Очень спокойный мужчина лет семидесяти лежит под теплым пледом. Чисто выбрит, голубые глаза за толстыми стеклами очков. На тумбочке у кровати – надкусанное печенье на недопитом стакане кефира. Тут же – книга: «Христос и Антихрист» Мережковского. Однако!

Стал смотреть. Сразу видно, что болит сильно. Прямые мышцы спины напряжены, «блок» движений в поясничном отделе позвоночника. Симптомов «натяжения» – нет. Не похоже на то, что принято называть остеохондрозом и «радикулитом». Так бывает при деструкции позвонков. Не метастазы ли?

– Давайте, – говорю, – положим вас в больницу. Обезболим, сделаем снимки. Подлечим.

Но дед от госпитализации категорически отказался:

– Видите ли, я хорошо знаю наши больницы. Не допросишься, не дозовешься. Да и не могу я сейчас лечиться. Семейные обстоятельства...

– Тогда давайте поступим следующим образом. Завтра с утра я сделаю вам блокаду. Боли пройдут, и я отвезу вас на томограф. Обследуем и решим, что делать.

Больной согласился. Подсказал я ему, чем уменьшить боли, и отправился домой.

А дома жена учинила мне скандал! Со слезами стала просить ни в коем случае блокаду деду не делать. Вдруг осложнение, вдруг аллергия, вдруг... и т. д.! Чего только она со мной не пережила, но так никогда не просила! Я злился, ругался, но в конце концов сдался: во многом она права – не делают обычно блокады вне больницы.

Утром, перед работой, пошел к деду – извиниться и придумать что-то другое. Двери открыла заплаканная «Капулетти».

– У папы инсульт! Ночью вызывали «скорую». Сделали уколы и уехали. Сказали, чтобы вызывали их повторно, если не будет лучше. Или утром – врача из поликлиники.

Старых инсультников «скорая» старается в больницу не везти.

«Старый, чересчур толстый, некому нести в машину, не довезем, все равно не примут...» и т. д. Вот и этого больного оставили дома.

Осматриваю. Правая рука двигается плохо, речь нарушена, из правого угла рта – подтекает слюна.

Созвонился с кем надо и пристроил деда в стационар. И только потом пришла в голову мысль: «Сделай я блокаду вчера, и инсульт точно связали бы с этой манипуляцией! Не зря, значит, жена истерику закатила!»

Я потерял больного из виду и встретился с ним примерно через месяц: позвонила «итальянка» и попросила зайти. В квартире – как Мамай прошел! Исчезли почти все книги, сервант с хрустальками – опустел. Исчезла «стенка». В углу – груды баулов.

Дед мне понравился: парез регрессировал, речь восстановилась, лицо – симметричное. Не понравилось только то, что стал он совсем спокойным и тихим. Равнодушным. Боли в спине его почти не беспокоили. Я просмотрел выписку. На онкологию деда так и не обследовали! Надавал советов и ушел.

А через неделю та же соседка рассказала, что дед умер. Вскоре после выписки он ушел из дома и пропал! Нашли его через сутки в гараже: в парадном костюме, при галстук и без признаков жизни он сидел на переднем сиденье своего автомобиля. Дочка его сказала соседке, что умер дед «от сердца». Сразу после похорон она улетела в Италию.

Anamnesis vitae

Мик Джеггер надрывно поет: «I can't get no satisfaction». Вот и у молодых хирургов бывает такое часто – не удовлетворяет работа, и всё тут! Все кажется, что не дают им развернуться во всей красе. Делает аппендэктомию, а сам мечтает свершить, как минимум, – пересадку сердца.

Но нет! Мешают старые пердуны – заведующие, главные хирурги, организация медпомощи, отсутствие техники, отсутствие доноров, да и отсутствие желающих подвергнуться такой экстренности в нашем исполнении. И это – не беда! Счастье – не в исполнении желаний, а в наличии самих этих желаний.

Консультант С.

I

Больница – это совсем не то место, где следует находиться больным. Не для больных их строят, эти больницы.

Один из основных корпусов нашей областной больницы возводили еще при советской власти по проекту гостиницы с рестораном. По каким-то там пяти-семилетним коммунистическим планам денег на больницу положено не было. А вот гостиница в планах была. Ее и начали строить на территории больничного городка. Потом – превратили в долгострой; под шумок перебросили с одной статьи на другую и сдали через десять лет под фанфары уже как больничный корпус. Еще два года переделывали «внутренности», чтобы хоть как-то сделать этого уroda пригодным для медицинских целей.

Больница состояла из разношерстных корпусов, соединенных между собою подземными и «воздушными» переходами. И только один корпус строился по специальному «медицинскому» проекту.

Зимой в этих стеклянно-бетонных коробках неуютно и холодно, летом – солнечно, душно и жарко. Пронизывающие сквозняки, сортирная вонь. Разделить медицинские и хозяйственные потоки – невозможно, и по одним и тем же коридорам и лифтам перемещаются больные, трупы и каталки с пищей и медикаментами.

А как вам эти многоместные палаты, где больной на судне чувствует себя гадящим в центральный круг футбольного поля в «Лужниках», при трибунах, заполненных враждебно настроенными болельщиками?! Хотя, если положить больного в одностую палату, то кто за ним будет следить? Точно не медсестра. К палате-«одиночке» нужна еще сиделка, следящая аппаратура, санитарка, которая будет драить индивидуальный унитаз и ванну и т. д.

В общей же палате хоть иногда, но сунут сердобольные соседи судно болящему под зад, пить поднесут и даже накормят с ложечки.

II

Вот в такую одностую душегубку мы и поместили своего коллегу. Его беспокоили сильнейшие головные боли и эпилептические припадки. Диагностировали мы у него большую и, по нашим представлениям, неизлечимую, опухоль головного мозга. Оставалась надежда на одного из наших постоянных консультантов, представлявшего солидную «фирму».

И вот этот консультант прибыл. Наш больной доктор увидел перед собой маленького сухого и белого старичка: белый халат, белая рубашка, фарфоровые зубы, серебряные волосы, белесые глаза. Черными были у него только галстук и проводок слухового аппарата. Когда он начинал говорить, наш больной отчетливо ощущал запах кариесной гнили.

– Что вы ждете от моей консультации? – спросил консультант.

– Я хотел бы стать здоровым.

– Здоровым... Предположим, что мы вылечим опухоль. Но ведь ваш атеросклероз, ишемическая болезнь сердца, тучность и диабет – останутся с вами. Какое же это здоровье?

– Я стану лечиться...

– Лечиться в шестьдесят лет?! Это просто легкомысленно. «Чайку» давно смотрели?

– Не смотрел и не читал.

– От этого, вероятно, и заболели... Родственники вас часто навешают?

– Жена – каждый день. Дети – реже и как бы по обязанности... Я все-таки им жизнь дал, воспитал...

– Великая заслуга «дал жизнь»! Прimitивный возвратно-поступательный процесс... Удовольствия – масса, но ни о чем созидательном не думается... А «воспитал»... так вы сами знаете, что вы там навоспитывали! Да что там родственники! Жена от вас устала, пилит небось ежесекундно...

Вы скольких больных спасли?

– Не знаю. Не считал.

– Спасли вы 1364 больных. Не вылечили, а именно спасли от смерти. Многие ли из них позвонили вам, когда вы заболели и предложили помощь?

– ???!

– Совершенно верно – ни один не позвонил.

Таким образом, мы установили, что здоровым вы уже никогда не будете, жена от вас устала, дети – сволочи, больные о вас забыли.

Радужная перспектива в случае выздоровления, нечего сказать!

– Так что, ложиться и помирать?!

– Иногда – это совсем неплохой выход.

– Хотя бы боли прошли!

– Боли... Вот это – конкретное желание! По моей методике вполне возможно избавить вас от болей. Более того, можно сделать так, чтобы ваши родственники стали к вам предельно внимательны и даже полюбили вас.

– Я согласен, доктор, на любые вмешательства, лечение и процедуры! Только помогите!

– Вы знаете, я сам этот вопрос не решаю. Я доложу о вашем случае своему начальству, и, если он будет признан заслуживающим внимания, мы применим мою методику. Тогда сегодня не позднее двадцати часов тридцати восьми минут боли у вас пройдут, показатели стабилизируются. Вы будете окружены вниманием и любовью.

Консультант ушел. Больной остался ждать, посматривая на часы.

Наш старый и самый надежный консультант С., он же Сет, Тиамат, Миктлансиуталь, Танатос никогда не подводит! Ровно в 20 часов 38 минут у больного прошли все боли, он стал покоен и невозмутим.

Все три последующих дня он был окружен толпой любящих родных и близких. Так же было и на девятый, сороковой день и ровно через год. Многие больные узнали о нем из газет и взгрустнули.

Если я заболею, пригласите ко мне консультанта С.!

Anamnesis vitae

В нашем отделении больной с черепно-мозговой травмой и алкогольной интоксикацией повел себя неправильно. Заподозрив начало психоза, мы больного фиксировали, поставили капельницу, ввели реланиум и вызвали для консультации психиатра.

Психиатр, осмотрев больного, устроил мне выволочку:

– *Какая капельница, изверг?! Налей ему граммов сто водки, а то ведь дуба даст.*

Наши психиатры у себя в наркологии так и делают: в холодильнике процедурного кабинета всегда стоят початые бутылки с водкой. По рекомендации докторов водку для своих предпсихозных мужей приносят жены и по назначению врача сестры дают ее больному дробно, уменьшающимися дозами.

Периодически на этой почве возникают скандалы: жены утверждают, что эту водку попивают и сами психиатры. Что, естественно, – клевета.

Света и Валентин

Все у анестезиологов наоборот, вопреки и назло! Когда нам надо быстро – они не чешутся и тянут кота за хвост. А когда нам бывает не к спеху – сразу «ахтунг!» и истерики по громкой связи! Вот и сейчас: только присели выпить чаю, как в ухо заверещали из оперблока: «У нас все готово. Сколько вас можно ждать?!»

Иногда ультиматум предъявляют: «Пока вы в операционную не придете, мы наркоз не начинаем!» А сколько иногда нам приходится ждать, пока они протрут глаза и возьмут больного в операционную! Особенно ночью – спать хочется, уже утро на носу и рабочий день, а у них лампочки в ларингоскопах разом перегорели или столик с медикаментами в операционной не открывается...

Деятели! У них теперь и дрегеры, и следящая аппаратура от Criticon, и «микроаэрупы» в лаборатории. Всё теперь у них под контролем: и пульс, и давление, и насыщенность крови газами, и электролиты крови, и еще сотня показателей.

Щас, говорят, мы все скорректируем и больной оживет!

Чем скорректируете? На всю реанимацию – десять флаконов глюкозы и пять – «физиологии»! Да и неверно это – приводить у тяжелого больного анализы к «норме». Может, ему как раз и нужен высокий сахар и низкая концентрация углекислого газа в крови.

Тут опять зазвонил телефон. Взять – не взять... В операционной ждут...

В трубке – голос Светы:

– Ты бы заехал после работы. Валентин приболел, третий день лежит, не встает. Послушай, постучи... Может, что-то попить ему надо...

Света и Валентин – друзья моих родителей. Когда мой отец умер, а мать уехала в другой город, Света и Валентин остались нам от родителей «в наследство». Как можем, помогаем им: на даче постоянно что-то с ними закапываем и откапываем, чиним забор и теплицу и т. д., но в основном – всякие проблемы со здоровьем Валентина.

Они друг друга с четырнадцати лет знают. А недавно золотую свадьбу отшумели.

Уже поздно вечером я подрулил к их пятиэтажке. Ругают эти дома, «хрущёбы», а я их люблю. Сколько в отрочестве портвейна было выпито в их гостеприимных подъездах! Недавно встретился с другом детства. Решили вернуться в юность. Купили бутылку портвейна «Кавказ»... А потом часа два искали подъезд, не забронированный дверью с домофоном. Не нашли!

Дверь открыла веселая и какая-то взвинченная Света. Еще та старушка! Пенсионерка балета. Копна рыжих волос, ни грамма лишнего жира. В брючном костюме и в проекции «вид сзади» – даст фору большинству молодых.

– Ну, мамаша, где больной?

– Где! На диване, телевизор смотрит! Водку-чай пить будешь?

– Холодный чай, горячая крепкая водка... Спрашиваешь! Сейчас только с Валентином поздороваюсь.

У них две «тарелки» и кабельное ТВ. Сотни каналов. Но смотрит Валентин только про спорт и новости, и только на русском языке. Вот и сейчас – едва я вошел в затемненную гостиную, как тут же на экране нарисовался президент и стал отделять мух от котлет. С задачей этой он никогда не справляется: все наши котлеты сделаны целиком из этих самых мух.

И сказал нам президент с экрана: «Трудно удержаться, чтобы не рассказать о последнем открытии наших ученых. Сколько было сказано и сколько ввалили нам про так называемые НЛО! Так вот. Выяснилось, что не прилетают и никогда не прилетали к нам неопознанные летательные объекты!

Наши ученые доказали, что они от нас всегда только УЛЕТАЮТ!»

Валентин лежал на правом боку. В его помутневших глазах телевизионный президент уже не отражался. Из приоткрытого рта подтекала сукровица. Кожа холодная, в синих пятнах. Отчетливо пахнет...

В дверях встала Света:

– Ты ему скажи, что кушать надо! От всего отказывается. Третий день ничего не ест!

– Давай выйдем на кухню, Света.

При покойниках всегда неудобно бывает обсуждать их перспективы.

– Света, Валентин ведь умер. И давно.

– Да? Шуточки у тебя! Как тебя увидел, так и помер?! Ты ведь и не слушал его. Давление не померил...

Знаешь, мы тут с ним такую передачу посмотрели о Диане Вишневой! Валентин балет не любит, но про Диану и он смотрел с удовольствием...

Может, «скорую» вызвать, раз это не по твоему профилю? Или давай я к Ирине-фельдшерице сбегать. Может, укол какой... Горчичники еще хорошо. К затылку их надо ставить...

Сейчас давай пока чаю выпьем с пирожками. Я Валентину напекла его любимых с капустой, а он не стал... А потом я схожу к Ирке...

Ты нашу аптечку знаешь. Может, еще чего надо подкупить. Тут рядом дежурная аптека есть...

Смотрю на Свету. Оживленная, голубенькие глазки – неоновое сияют. Энергия – через край... Единственный сын умер лет десять назад. Взрослые внуки в количестве двух безуспешно блядуют переводчицами в Москве. Других родственников нет.

Звоню жене:

– Слушай, приезжай по-быстрому к Свете... (Ловлю на себе вдруг потяжелевший Светин взгляд.) – Тут Валентин приболел, надо ей помочь будет. Жду.

Прикидываю. Может быть, удастся как-то отвлечь или усыпить вдову. Потом с ребятами перевезем Валентина в морг, в холодильник. Или лучше сказать Свете, что Валентина необходимо госпитализировать? А то ведь не заснет она сама и ничем ее уже не усыпить. Никакой наркоз в этом случае не помогает.

Anamnesis vitae

Лежит больной в акинетическом мутизме. Пронзительный взгляд, не реагирует ни на что, полная неподвижность и отсутствие речи. Каждый день, ровно в 11 часов 36 минут по Москве, он вытягивает перед собой руку, внимательно смотрит на нее, делает два вращательных движения кистью руки. Затем опускает руку и вновь – неподвижен и отрешен до 11.36 следующего дня.

Билет на «скорый»

Будучи в отпуске, в небольшом русском городе в гостях у коллеги, я с привычным, но чрезмерным уже кровоточением из язвы желудка попал в больницу. Лечили меня старательно. Лекарственные фантазии коллег ограничивала только фармакопоя и справочник Vidal. Когда я, наконец, смог воспринимать окружающее, то увидел за открытыми больничными окнами солнце и голубое небо. Ветки деревьев, полные свежей листвой, бесцеремонно вторгались в палату.

Скучно и тоскливо мне стало. Сколько ж можно – кровит и кровит, едрена вошь! В палате кроме меня лежали еще двое больных.

Один был молод и бледен. Все время сидел на кровати, сильно наклонившись вперед и сжимая живот руками. Периодически он вставал, брел в коридор и просил у сестры «укольный». Хорошо было слышно, как сестра в очередной раз советовала ему потерпеть.

Второй, мужчина лет сорока, все время лежал на спине и внимательно смотрел на потолок.

Тут случился общий врачебный обход. Чем меньше больница, тем торжественнее обставляются такие обходы. У нас все это – бегом и со смешками (больные заранее обсуждены, решения приняты, и обход делается, чтобы показать больным заведующего). Но здесь в палату важно вошли сразу человек двадцать в белом:

- сестрички, типа «доярки» с перепуганными лицами;
- надутая «старшая» с какой-то флягой в руках и полотенцем;
- толстая сестра-хозяйка, держащая руки на животе, под фартуком;
- два скупающих интерна, мальчик и девочка;
- загорелые врачи, похожие на крабов: зашли боком и руки, как клешни, – тяжелые и большие.

В центре этого движения, как Христос на картине Иванова, обреченно брел заведующий. В отличие от Христа он был лыс и громоподобен. Хотя, черт его знает, каков был этот Христос! То, что его распяли вместе с бандитами, – заставляет задуматься. И с врачами часто поступают именно так – распинают.

– Коллега! – заорал не меня «Христос» прямо от дверей. – Что вы себе представляете?! Оперироваться вам надо! И быстрее! Что тянуть?!

И я подумал: «Может быть, тут, где операции на желудке еще, возможно, не стали рутинными, мне повезет?»

– Согласен! Когда?

– Зайдите ко мне после обхода, все и обсудим.

Затем врачи побормотали что-то у постелей моих соседей, и вся стая привидений в простынях удалилась.

– Ты что-нибудь понял? – спросил меня молодой больной.

– Лечить они нас здесь не будут. Коновалы хреновы! – ответил за меня второй сосед.

Через час пришла медсестра и, объявив моим соседям, что они выписаны, бросила им на постели листы выписок и черные пакеты со снимками. Мужики погрузились в чтение медицинских каракулей. Грамоте этой они обучены не были, и поэтому уже через пять минут эти выписки читал по их просьбе я.

Так: осмотр, фиброгастроскопия, R-скопия желудка, анализы. Диагноз: у обоих – ср. ventriculi, mts.^[41] Рекомендовано: консультация онколога в областном онкодиспансере...

– Нет, ребята! И я этот почерк не пойму. Сходите лучше к лечащему врачу, спросите.

Лечащий, как оказалось, – ушел домой пораньше, после ночного дежурства. Заведующего – не нашли.

Молодой сказал:

– Рак у меня, значит. «Онколог» – это я прочел! Ехать надо в Б., а денег нет. Мать обещалась приехать, а что толку! И у нее с деньгами небогато.

Другой больной, так ничего и не сказав, собрал нехитрое свое имущество и, не прощаясь, ушел.

На дорогу до Б. деньги у меня нашлись. Молодой не стал скромничать – деньги взял и ушел, как убежал.

Через полчаса после его ухода в палату зашла старуха в длинной серой хламиде. Старуха была парализована «на левую сторону» – рука просит, нога косит: сухая левая рука согнута в локте до уровня груди, ладонью вверх; левая нога описывает замысловатые дуги при каждом шаге. В руках бабка держала палку длиною в ее рост типа слези, с которой ходят по болотам. Через плечо, как у суворовского солдата, была переброшена лямка холщовой сумки. И по одежде, и по замученному виду старухи было понятно, что она, в самом деле, шла сюда и через болота, и буреломы, и по грязной дороге под серым дождем. Время остановилось в нашей «глубинке». Так же брели все те же старухи к больным детям и при Иване Калите, и при Грозном, и при Вове-раз, и при Вове теперешнем. Да что там – «остановилось»! Вспять пошло.

– А иде Петро?

– Выписали его, бабушка.

– Подлечили его хучь чуток? Та не, вряд ли!.. Не жилец он! Не жилец...

Старуха села на кровать ушедшего сына и стала снимать платок.

– Пошлю его свиньям корм задать, так пойдет, не донесет, перевернет всё, кортоплю рассыплет! Сядет и плачет. «Нет у меня, мамо, сил...» Не жилец.

– Он должен поехать в Б., в другую больницу. Может быть, операцию ему сделают...

– Операцию... Шесть поросят народилось. Продавать надо. Перекупщики по тридцать рублей за килограмм дают... Думала, может, Петро напоследок их в город на продажу свезет. А то – «тридцать»... Как зиму жить? Не, не жилец Петро... Так у него и денег нет! Как поехал?!

– Дали ему денег. На дорогу и поесть хватит.

Старуха еще долго сидела в палате, перебирала какие-то тряпицы в своей переметной суме, шелестела мутным целлофаном, сморкалась и что-то приговаривала, но так тихо, что слов было не разобрать. Отдыхала перед нелегкой дорогой в свой пятнадцатый век.

Пошел и я искать заведующего. В пустой ординаторской с продавленным диваном он пил чай из большой красной кружки.

– Вас больные из десятой палаты искали. Не могли в выписках разобраться...

– Да брось ты! Всё они знают! И я, и лечащий им всё объясняли.

– Сами рак не оперируете?

– Да всё мы оперируем! Только не дают нам онкологи добро на такие операции! Резекции при язве – делаем, кишечник – оперируем, а рак – должны в область отправлять. А у них там очереди на полгода! Чаю хочешь?

От чая я отказался и присел на диван.

Заведующий продолжал:

– Мы раньше даже на подлоги шли частенько: знаем, что рак, а пишем – «кровотечение из язвы желудка» и по экстренке берем на операцию. Потом с «простите, извините нас, дураков деревенских!» направляли к онкологам на облучение или химию. Пару раз нарвались на осложнения, наехали комиссии, дали вздрючку. Теперь на рожон стараемся не лезть.

А эти опухоли молочных желез! Операция не полостная, в пределах кожи и мышц, интерн делает, а НЕЗЯ! Всё «до сзбэ»! Мест вечно нет, очереди в их поликлинике – километровые, и все равно тянут к себе всю онкологию! Так им проще. Всегда есть отмазка: ах, мы перерабатываем, работаем, мол, на износ, ставок не хватает, помещение – маленькое. Прощелыги!

Поэтому и консультировать можно «через губу» после многократных заявок, и больных, что потяжелее, не брать к себе. Тут, между нами, можно и мзду легко слупить за «внеочередную» госпитализацию, за операцию с «особым отношением»... Сам знаешь.

– Так вы бы лицензировались на эти операции! У нас многие больницы в области оперируют онкологию.

– У вас в начальниках – люди! А наши шелкоперы хреновы всего боятся. Сами ничего не делают и другим не дают! А работу с нас требуют. Койки и врачей грозятся сократить! Мол, у вас оперативная активность низкая! А кого оперировать? Только травмированную пьянь да старух с холециститами? Нормальных и молодых в районе совсем не осталось. Да закрывайте! Испугали бабу большим...!

Короче! Ты у нас оперироваться будешь?

– Если можно, то я бы еще подумал. С женой посоветуюсь...

– Советуйся. Может, жена умнее тебя! А то: «Согласен на операцию!» Сам ведь хирург! А о коллегах подумал? Умрешь ты у нас под наркозом и не заметишь под кайфом, как на том свете оказался! А нам – на этом оставаться. Сожрут тут нас с говном за тебя! Это у вас, в статусной больнице, стены двойные, а мы живем, как в аквариуме, и каждый нам – начальник.

Знаешь что? Давай куплю я тебе билет на ночной «скорый» и дуй в свою губернию с ветерком! Не дай бог, помрешь у нас. А операцию я тебе предложил, потому что, как врач, я больному с таким заболеванием, как у тебя, ее должен был предложить. Да и мои охламоны, не предложи я тебе оперироваться, подумали бы: «Забздел шеф коллегу оперировать!» Оно мне надо?

Anamnesis vitae

Говоря по-простому – хрен поймешь ее, эту нашу медицину.

Логики в ней – никакой. Промочил ноги – а потекло из носа.

Злишься и нервничаешь – образуется язва в желудке. Какая связь?

Или с целью подправить нервы начинаешь принимать антидепрессанты и тут же, именно от этого идешь и кончаешь жизнь самоубийством.

Есть, конечно, объяснения, есть! Но начнешь так вот объяснять несведущему весь этот этиопатогенез заболевания с приличествующими теме научными словами, и несведущий послушает-послушает, а потом, глянув криво и с прищуром, скажет: «А ты ведь, друг любезный, врешь!»

Ночной разговор с больным коллегой

– Ты мне мозги не компостируй и не темни! Прямо говори: у меня опухоль?!

Как же, скажешь ему прямо! Только вчера приходила жена и просила: «Ты только ему ничего не говори! Он с собой все что угодно может сделать!»

Что он может сделать сам себе хуже того, что уготовила ему злая опухоль головного мозга?! Но просила – не говорить. Скажешь – не повесится, конечно, но запьет – забродит по любимым женщинам. К Лиде пойдёт. Знаю я эту Лиду. «Хорошая девочка Лида согласно прописке живет...» Его жена мне потом вовек не простит. Особенно эту Лиду.

– Ничего я тебе пока сказать не могу! Снимков твоих я еще не видел. (Вру. Видел, конечно!)

– Врешь! Видел. Когда меня из томографа вывозили, ты у экрана сидел!

– Ну и что?! Я обследование Ковалева просматривал. И бабки Симонович. Не поверишь – чисто у бабули в голове!

– А Ковалев? Аденома гипофиза?

– Да нет. Лопухнулись мы с тобой! Глиома хиазмы зрительных нервов у него.

– Не повезло мужику! А у меня?

– Говорят тебе – не видел!

– Я ведь спрашиваю потому, что если это зло, то не надо ничего делать! Ни операцию, ни химию с лучами!! Сколько проживу – все мое. Поеду в Коктебель. Поднимусь к Волошину. На Хамелеон схожу... Говорят, у него нос обрушился! Слыхал? Теперь, наверное, весь вид – не тот!

– Теперь весь Коктебель не тот! Теперь – сплошное Планерское. Я пять лет назад в Тихой бухте отдыхал. Решил прогуляться в степь к красивым деревьям. Полукруглые такие кроны лежат как будто прямо на земле. Сходил! Под этими деревьями по всей окружности нагажено в два слоя! Ну гадят – ладно, естество свое берет. Но там – у каждой кучи – пустая винная бутылка! Что – сидят, испражняются и одновременно мускат дегустируют?!

Уехал, и больше туда – ни ногой! Слушай, я из всей науки гигиены, что мы в институте учили, запомнил только то, что у каждого древнего иудейского воина была специальная лопаточка, которой он должен был обязательно свое дерьмо закапывать. Поэтому у них эпидемий не было.

Я бы всем «туристам» на границе с Крымом саперные лопатки выдавал... Это раньше было – хиппи, богема... Ахмадулина в степи под Кара-Дагом каперсы собирает. Помнишь, как мы с Искандером и Приставкиным выпивали?

– Ты это мне что, зубы заговариваешь?

– Слушай! Ты такой же врач, как и я! Даже лучше. Если только это возможно. Завтра возьмешь свои снимки и все сам узнаешь! И сделаем мы так: созвонимся с институтом, вставим тебя в автомобиль и отвезем. По дороге пикничок соорудим – шашлык, «Мукудзани»... С академиками ты там не поспоришь! А то ведь знаешь: мы тут стараться начнем, мудрить – свой ведь человек! И того гляди – перемудрим. А там, в потоке, все что нужно автоматом сделают.

– Никуда я не поеду. Не хочу «Христа ради» лечиться! Я ведь всю эту басню знаю! Начнете договариваться, чтобы меня за полцены полечили. Деньги начнете собирать. Родственники по миру пойдут, скидываясь на химиопрепараты. Машину продадут по доверенности... Знаешь, когда я понял, что нашей медицине пиздец пришел?

– Когда?

– Когда в 1990 году нашего Добужинского в Москве оперировали. Ну помнишь – заотделением «голова шея» из онкодиспансера? Тоже: «Коллега, братья по оружию, то-сё...» А потом денег потребовали, да столько, сколько мы за три года не зарабатываем! А за эти двадцать лет только хуже стало. Сейчас наша медицина – как частный извоз по сравнению с нормальным такси: машина – поломанная и облеванная, водитель обкуренный и дороги не знает. И каждый раз думаешь: довезет или перо в бок вставит и в канаву выбросит. Точь-в-точь как у нас.

– Договорился! Я про себя так не думаю! Ты о жене бы подумал и детях, а не о своих переживаниях. Им ты живой нужен!

– Ленке-то? Хрен ее знает! Много ты у нас вдов видишь? Вдовы всех моих умерших знакомых – вышли замуж по новой! Так и надо, наверное.

Ладно. Давай спать. Завтра Купцова оперировать. Ты к себе пойдешь? А я тут, в ординаторской, пристроюсь. Не хочу в палате спать! «Корифей» из приемного покоя все равно раньше шести часов не поднимется: там ему больных привезли – полный самосвал.

Ушел я к себе в кабинет. Все равно «автобусы не ходят, метро закрыто, в такси не содят». Так иногда хочется налить в тонкий стакан до краев водки и выпить залпом без закуси. И так – не один раз. Потом неделю можно ни о чем не думать, кроме собственного здоровья.

Anamnesis vitae

Замучили проверками из наркоконтроля! Три дня, обложившись кучами историй болезни, сидит у нас в кабинете старшей сестры капитан – наркополицейский.

Спрашивает:

– Что это у вас больной лежит десять дней и все получает морфин 1 % по два миллилитра три раза в день?! И дежурные ему добавляют то кубик, то два. И так – раза три за сутки! Он у вас наркоман уже, по всей видимости?

– Боли у него сильные. Умрет, конечно, наркоманом, чего уж там... Но умрет, не мучаясь от болей. Кому от этого плохо и кому какое дело?!

– Да, но почему больной с раком легкого лежит у вас в нейрохирургии?

– Он к нам поступил с острыми корешковыми болями. Думали – секвестрация межпозвонкового хряща, но при обследовании нашли множественные метастазы в позвоночник из опухоли правого легкого. Онкологи признали случай неоперабельным, назначили опиаты...

– Ну вот и выписали бы на амбулаторное лечение!

– Это вы, капитан, так свою маму будете лечить, если она раком заболит! Побегаете за рецептом да по поликлиникам ради пяти ампул промедола, который боли не снимает, – поймете, что к чему. Или у вас в отделе есть запасы «вещественных доказательств», годных к употреблению?

Капитан поскупился:

– Не понимаю, о чем вы.

Младенец Марии

Все это случилось много лет назад, но не забывается до сих пор. Жил я тогда в Энской области и, закончив вуз, третий год работал в центральной районной больнице весьма общим хирургом.

Больница эта располагалась на пересечении двух оживленных автомобильных трасс и железной дороги. Тут же находилось несколько предприятий,строек, воинских частей и колония строгого режима. И вот все, что билось на этих дорогах, падало в пьяном виде на стройках с лесов, обжигалось на предприятиях, уродовалось в «зоне», стрелялось в воинских частях, дралось, резалось, ломалось, обострялось в быту, – везли в приемный покой нашей больницы. Ничего не бояться и ничему не удивляться меня научили именно в этой мясорубке – Кольской центральной районной больнице.

В одно солнечное майское утро наш заведующий В. А. З. вызвал меня к себе и говорит:

– Ты, я слышал, намылился сегодня первую свою холецистэктомию делать?

– Так вы же сами меня поставили и обещали помочь!

– Сам поставил – сам и отставляю! Успеешь еще.

Поедешь сейчас в Туманный. Там дура жена закрыла пьяного мужа в квартире. Мужик проснулся. Шланги горят, а из квартиры выйти не может. Привязал он бельевую веревку к батарее и стал спускаться с пятого этажа. Вербка сразу лопнула, и мужик грохнулся на асфальт.

Привезли его в больницу Туманного. Стали раздевать, а из его брюк выпал ключ от квартиры! Глянул бедолага на ключ, матюгнулся и потерял сознание! Так до сих пор в себя и не придет – в коме. Звонил только что тамошний главный врач. Хирурга у них нет. Поезжай, разберись.

На дворе – северная весна в разгаре: земля просохла, светит майское солнце, пахнет первыми клейкими березовыми листочками. Сестрички бегают без толку по больничному двору в коротких халатиках. А мы, параллельные всей этой благодати, загрузились в жестяной ковчег на колесиках под названием «уазик» и повлеклись по разбитой дороге в поселок энергетиков Туманный.

В «буханке» нас было, в самом деле, как в ковчеге – «всякой твари по паре» Я, как воплощение всей хирургии района. Операционная сестра, с которой, если верить великому хирургу С. С. Юдину, мне необходимо спать для лучших исходов операций. Но спать с пожилой Евгенией Васильевной совсем не хочется! Анестезистка Верочка, что упруго подпрыгивала на ухабах, прижимая к себе свой чемоданчик, гораздо желаннее, но у нее есть свой начальник – толстый анестезиолог Антонян.

Сотню километров до Туманного мы тащились три часа. Сразу за Колой, стоило только чуть подняться в сопки, весна кончилась. Зеленый цвет исчез – ни листочка, ни травинки. Голые, чуть прикрытые бурым мхом скалы, россыпи камней и свинцовая вода в бесчисленных озерцах. В отлогих местах – снег. Серо, темно, холодно. Представляли мы собой одинокий отряд идиотов, вообразивших, что они могут кого-то спасти в этой пустыне.

Скатись «ковчег» под каменистый откос да в озеро – и никто нас никогда бы не нашел! Как истолкуют археологи будущего малый хирургический набор, рассыпанный между костей четырех медицинских энтузиастов? Напишут ли потом монографию «Бродячие хирурги в период упадка Эпохи Чрезвычайных Ситуаций»?

Городок Туманный сразу начался торчащими из камней многоэтажками: городские поселения на севере лишены пригородов, частного сектора. Когда-то здесь планировали строить каскад ГЭС на реке Серебрянка. Наехала тьма специалистов. Туманный процветал. Но потом что-то не сложилось, и стройки «заморозили». Специалисты и рабочие разъехались. Остался небольшой коллектив, обслуживающий единственную построенную здесь ГЭС.

Въехали мы в городок в час дня, но на улицах – ни души. Многие подъезды заколочены досками. Минут десять разыскивали больницу.

Оказалось, что построенный не так давно пятиэтажный корпус – не функционирует. Только на его первом этаже теплилась какая-то жизнь: тусклый свет за занавесками, и при нас санитарка в стеганом халате пронесла туда кастрюли с чем-то съестным: в нос ударил запах пригорелой рыбы. Чуть позже выяснилось, что там расположился интернат для брошенных детей. Вся теперешняя больница поместилась в одноэтажном бараке, расположенном по соседству с закрытым больничным корпусом.

«Наш» больной хрипел в убогой смотровой. Без сознания. Правое глазное яблоко – максимально отведено кнаружи. Этот хрип и косящий глаз с расширенным зрачком делали его похожим на бешеную лошадь.

Осмотрели, заинтубировали, санировали дыхательные пути. Диагностировали перелом обоих бедер и внутричерепную гематому справа. Кома. Шок. Стали выводить из шока и думать, как быть с гематомой.

– Что думать! – торопил анестезиолог. – Показания – жизненные! С гематомой он нетранспортабелен. Удаление гематомы в этом случае – главное реанимационное мероприятие!

– А где удалять? А инструменты? Трепанационный набор мы не взяли!

– Какие тебе нужны инструменты для трепанации?! Найдем какие-нибудь «кусачки» – и все дела. Трепанируй за милую душу!

С главным врачом пошли в старый, нефункционирующий корпус больницы. Четыре пустых этажа, но везде чисто и порядок. Лифт – работает. В операционной все в рабочем состоянии: светильник, операционный стол, коагуляция.

Чудеса!

– Как это у вас ничего не разворовали?

– Кому воровать! – сокрушенно ответил главный. – А украдешь, так как тогда вывезти? Кому предложить?

Было ясно, что все варианты он уже просчитал.

Прооперировали мы больного. Осталось оживить его: восстановить дыхание, восполнить кровопотерю, обезболить и так далее. На нашу беду, именно дыхательная аппаратура в операционной не работала, и мы «дышали» за больного «вручную» мешком Амбу. Решили, что мужчины будут качать

мешок по два часа, женщины – по часу. За окнами операционной выла ночная вьюга. Холодный ветер свободно проникал в помещение через щели в рассохшихся рамах.

На подоконниках образовались маленькие сугробы. Местные медики притащили нам ворох одеял. Накрыли в четыре слоя больного, закутались сами. Хотелось чаю и горячего душа. Часа в три ночи, чтобы разогнать сон, я решил пройтись по остальным этажам пустой больницы. Спустился по одной лестнице, еще по одной и заплутал.

Кругом – ни души. Что-то скрипит, что-то потрескивает... Темно и жутковато. Вдруг – вижу свет, а из-за приоткрытой двери палаты слышу нежный девичий голос:

– Ах ты мой маленький! Спать надо. Закрывай глазки! Я тебе сейчас песенку спою, радость моя.

Спи
моя
радос
ть,
усни.
В
доме
погас
ли
огни
...

Я открыл дверь и заглянул в палату.

В кресле для перевозки сидячих больных сидела очень красивая девушка в медсестринской униформе. Плечи прикрыты вязаным платком. Девушка держала на руках ребенка трех-четырех лет.

Но что это был за ребенок! Огромный череп, широко расставленные выпученные глаза, вывернутые веки. Птичий нос навис над тонкими губами. Голова плохо удерживалась на тоненькой шее и клонилась к левому плечу. Увидав меня, уродец визгливо захныкал, обнажая рыбы зубы.

– Не бойся, Федечка! – мягко заговорила девушка. – Дядя хороший. Он нашего Кузьму Николаевича лечит.

– Вы откуда здесь? – спросил я.

– Мы из интерната. Здесь на первом этаже интернат для неполноценных детей. Со всей области их сюда везут. Даже из Карелии и Архангельской области привозят тех, от кого мамы отказываются.

А это наш Федюша! Спит плохо и интернат не любит. Я, когда дежурю, ухажу с ним сюда и баюкаю. Он под пение хорошо засыпает и спит до утра. Федя у нас мальчик хороший! Послушный, не вредный. Все понимает.

Федя расшумелся не на шутку.

– Давайте мы ему что-нибудь уколем! – предложил я. – У анестезиолога хорошие препараты есть. Мальчик успокоится и уснет.

– Что вы! Знаете, как он уколов боится! Вот вы сейчас уйдете, и он уснет.

– Намек понял! – сказал я.

Но уходить мне совсем не хотелось.

Чтобы как-то задержаться, спросил:

– Вы давно здесь работаете?

– Это вы так знакомитесь? – улыбнулась Маша. – Что ж, давайте знакомиться. Меня зовут Маша. Закончила медучилище в Ленинграде. Работаю третий год. Не замужем. А как вас зовут, я уже знаю. Громко уж очень вы все разговариваете... Приходите к нам работать! А то врачей у нас не хватает – бегут. А куда от этого убежишь?

Федя окончательно разбушевался, и, чтобы не мешать Маше, я ушел.

К утру больной задышал сам. Давление стабилизировалось.

После длительных переговоров за нами прислали вертолет. С ужасным грохотом он спустился с грязного неба на единственную ровную площадку – заброшенное футбольное поле. Мы стали загружать больного в «уазик», чтобы отвезти его к вертолету.

Уже залезая в кабину машины, я посмотрел на больницу. В окне первого этажа, на подоконнике сидела Маша рядом с какой-то пожилой медичкой. Увидев, что я смотрю на нее, Маша радостно

улыбнулась и помахала мне рукой. Прошло не много, а очень много лет, а я помню эту девушку так, как будто встретился с ней вчера. И такое ощущение, что знал ее всегда. Еще до нашей встречи.

Примечания

Негатоскоп – приспособление для просмотра рентгеновских снимков с матовым ярко светящимся экраном.

КТ – компьютерная томография

Anamnesis vitae – та часть истории болезни, в которой описывается жизнь больного (анамнез жизни). Здесь – житейские воспоминания.

Пневмоторакс – скопление воздуха в плевральной полости, сдавливающее легкое. Нередко бывает при проведении непрямого массажа сердца.

Неврологический статус – состояние нервной системы.

Lege artis – по всем правилам искусства (лат.).

Краниофарингиома – опухоль основания мозга, трудная для удаления.

Афазия – нарушение речи.

Глиома – злокачественная опухоль мозга.

В просторечии «овощ».

ФГДС – фиброгастродуоденоскопия, эндоскопическое обследование органов пищеварения.

Блефарография – хирургическая манипуляция временного или постоянного, частичного или полного закрытия глазной щели. Применяется при состояниях, во время которых больной не может закрыть глаза.

Строчка из стихотворения Готфрида Бенна.

Имеется в виду график изменения давления и пульса оперируемого в основном анестезиологическом документе – наркозном листе.

Брадикардия – сердечный ритм ниже 60 ударов в минуту.

Сегменты позвоночника.

АИК – аппарат искусственного кровообращения. Применяется при операциях на «открытом сердце».

Эпилептический статус – часто повторяющиеся или непрерывные судороги.

Выпот – жидкость, которая накапливается в животе онкологического больного с метастазами.

ЛКК – лечебноконтрольная комиссия.

Гемостаз – остановка кровотечения, возникающего во время операции.

Здесь хирург не уверен, что надежно остановил кровотечение.

Поле зрения – пространство, воспринимаемое глазом при фиксированном взгляде и фиксированном положении головы.

Симптом: при попытке врача поднять веко больного тот с силой судорожно смыкает веки; при этом сам, вне осмотра, глаза открывает свободно.

Ангиография – рентгенография сосудов с контрастными веществами.

Люмбальный прокол, или люмбальная пункция, – введение иглы в пространство спинного мозга на поясничном уровне для диагностики состава спинномозговой жидкости, а также с лечебной или анестезиологической целью.

Викинштейн – на врачебном жаргоне выписка больного. Обычно – с негативным отношением к выписываемому.

Симптом Щеткина – Блюмберга – резкое усиление боли в животе при быстром снятии руки во время пальпации с передней брюшной стенки после надавливания.

Федеральная система внешней оценки качества.

Медуллобластома – злокачественная опухоль, развивающаяся из эмбриональных клеток.

Медиастинит – воспаление средостения – пространства между правым и левым лёгким. В средостении находятся сердце, пищевод, трахея, крупные сосуды и нервы.

Дрегеррами называют аппараты для искусственной вентиляции легких (по названию фирмы).

Тетраплегия – полная обездвиженность всех четырех конечностей при травме шейного отдела спинного мозга.

Витурид – отравы на основе ртути. Продаются шарлатанами как средство от злокачественных опухолей.

БСМП – больница скорой медицинской помощи.

ЧМТ – Черепномозговая травма.

Менингиома – доброкачественная опухоль головного мозга, исходящая из его оболочек.

Circulus vitiosus – порочный круг (лат.).

Аднексит – воспаление придатков.

ИППП – инфекции, передаваемые половым путем.

Per os – перорально, через рот.

Рак желудка. Метастазы (лат.).